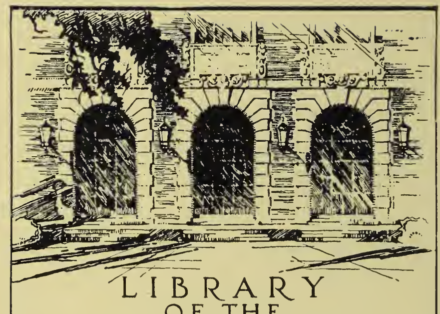

СЕРГѢЙ
ГАРИНЪ
РАЗСКАЗЫ.
ТОМЪ
II
ИЗДАНІЕ
Ф. П. ЕФИМОВА.

КАМЕНЬ.

Камень.

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Посвящается Максиму Горькому.

Давно-то было.

Когда—не знаю, но эту пѣсню я слышалъ въ дѣтствѣ и, въ юномъ сердцѣ слѣды оставивъ, она понынѣ мнѣ раздается какъ эхо грусти, какъ призракъ счастья...

Въ одномъ ущельѣ, въ концѣ обрыва, лежалъ вѣками поросшій мохомъ, покрытый слизью и весь въ морщинахъ громадный камень.

Плитой широкой онъ выдвигался и въ видѣ грота онъ надъ землею чернѣлъ сурово, какъ мрачный витязь на стражѣ битвы, готовый сразу скатиться въ пропасть, давя попутно что есть живое, въ своемъ стремленьи достигнуть бездны.

Подъ этимъ камнемъ, какъ бы случайно, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ плитою глядѣлъ на пропасть, — росли семьею цвѣты лѣсные...

Росли смиренно, питаясь влагой, что шла порою отъ слизи камня... Ее, какъ милость, кидалъ имъ камень, но тѣ считали, что въ этомъ—счастье, и не роптали, боясь гранита.

Такъ жили долго цвѣты лѣсные...

Въ другомъ же мѣстѣ обрыва также цвѣты пестрѣли, но не лѣсные, а полевые, и не подъ камнемъ сырымъ и мрачнымъ, а подъ лучами живого солнца, и имъ дарила улыбку съ неба, какъ мать родная, лазурь эфира...

Когда же солнце скрывалось въ море, они смотрѣли, какъ мгла густѣла, какъ цѣловались заря съ зарею и какъ подъ утро туманъ прозрачный, ложась лѣниво на край обрыва, дарилъ всю землю живой росою, чтобъ эти слезы опять съ улыбкой сбирало солнце, поднявшись съ моря...

А ихъ сосѣди, цвѣты лѣсные, не знали солнца...

Оно всходило надъ мрачнымъ камнемъ, но плотность камня лучамъ мѣшала проникнуть глубже къ цвѣтамъ несчастнымъ...

Лучи скользили по грязной слизи и убѣгали сейчасъ же съ грустью.

А камень мрачно глядѣлъ на солнце, врага въ немъ чуя, слѣдя ревниво, чтобы лучами оно не смѣло проникнуть глубже, чтобъ не видали цвѣты лѣсные ни блеска свѣта, ни ласки неба...

Что значитъ солнце, коль сверху камень?!

Цвѣты хирѣли, томясь во мракѣ, но, страха ради, роптать не смѣя, шептались грустно о лучшей долѣ...

Такъ дни летѣли, летѣло время...

Но вотъ однажды залетный вѣтеръ пришелъ въ ущелье съ простора моря, и, надъ обрывомъ кружась игриво, запѣлъ онъ лихо такую пѣсню:

«Забитымъ жизнью пою я пѣсню!..

«Забитымъ жизнью и вѣчнымъ мракомъ, съ душой трусливой и жалкой волей...

«О, вы, что вѣчно глядите въ землю, поднять не смѣя на небо очи!..

«Оно просторно, въ немъ много свѣта, не вамъ, несчастнымъ увидѣть солнце, разъ вы, какъ черви, къ землѣ пригнулись...

«Въ землѣ нѣтъ свѣта, она—могила, въ ней мракъ и сырость, въ ней — только слезы; но, коль надъ вами нависли камни, еще не значитъ, что все пропало...

«За камнемъ вѣчно синѣетъ небо, — просите свѣта, просите счастья!..

«Быть можетъ, солнце растопитъ камень, коль сядетъ ниже, огнемъ пылая?..

«Забытымъ жизнью пою я пѣсню!»

Умчался вѣтеръ...

Цвѣты шумѣли... Они просили, чтобъ камень сразу открылъ имъ солнце, но тотъ угрюмо внималъ ихъ просьбѣ и все мрачнѣе смотрѣлъ на небо.

Тогда безумцы, не смѣривъ силы, пошли стѣною на битву съ камнемъ...

Но тотъ расправилъ свои морщины и, по обрыву скользя гранитомъ, понесся къ безднѣ, всѣхъ увлекая...

Цвѣты погибли, но нѣтъ и камня!

На этомъ мѣстѣ взойдутъ другіе, въ наслѣдство новымъ осталось небо...

Погибли грезы, но ихъ не жалко... Есть въ жизни мысли, онѣ—безсмертны...

Ихъ не придавишь ни страхомъ смерти, ни даже камнемъ...

Что значитъ камень, коль мысль — безсмертна?!. . . . .
. . . .

Такую пѣсню я слышалъ въ дѣтствѣ...

Студентъ Иконниковъ.

Студентъ Иконниковъ.

Силуэты кошмарнаго времени.

«Лѣсъ рубятъ... молодой
зеленый лѣсъ»...

I.

Весна въ этомъ году была ранняя: къ концу февраля прилетѣли грачи, а въ первыхъ числахъ марта по улицамъ уже мчались бурные потоки мутной воды, и, если гдѣ и лежалъ еще снѣгъ, то былъ онъ весь черный отъ солнечныхъ лучей и рыхлый, какъ подмоченный сахаръ. На улицахъ было какъ-то особенно свѣтло и шумно. Кажется, ничего не измѣнилось: стояли тѣ же самые дома, ѣхали и шли такіе же люди, какъ и мѣсяцъ назадъ, когда трещали крещенскіе морозы.

Но что-то было уже не то; будто новыя тѣни легли и на дома и на лица людей. И, казалось, что и для неподвижнаго камня, и для подвижнаго лица человѣческаго наступаетъ другая, неизвѣданная пора,—что открываются гдѣ-то новые горизонты и предстоитъ что-то жизненное и кипучее...

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Афанасій Петровичъ Иконниковъ, студентъ московскаго университета, пока шелъ по Никитской улицѣ, направляясь на Бронную, гдѣ квартировалъ. Былъ онъ на первомъ курсѣ медицинскаго факультета, окончилъ гимназію всего годъ назадъ, но старался имѣть внѣшность «настоящаго» студента и по одеждѣ и по той небрежной походкѣ, которую подмѣтилъ и успѣлъ перенять отъ старыхъ, заправскихъ, студіозовъ.

Но напрасно онъ корчилъ изъ себя умудреннаго опытомъ и потрепаннаго судьбой, обитателя «латинскаго» квартала: двадцать лѣтъ ясные голубые глаза и пушокъ надъ верхней губой— говорили о полномъ незнаніи жизни и людей, и о той розовой призмѣ, сквозь которую этотъ возрастъ смотритъ на окружающее. И, когда, напримѣръ, Иконниковъ, хотѣлъ казаться разсерженнымъ и хмурилъ брови,—голубые глаза смотрѣли ласково и нѣжно, а въ углахъ губъ дрожала плохо скрываемая улыбка.

И сегодня Иконниковъ, идя изъ университета домой, имѣлъ большое намѣреніе быть въ скверномъ настроеніи: лекціи прекратились, у воротъ храма науки стояли пѣшіе и конные городовые, повсюду происходили сходки и было далеко не до ученія.

А Иконниковъ былъ трудолюбивъ, хотѣлъ серьезно заниматься, любилъ посидѣть въ аудиторіи, покопаться въ анатомическомъ театрѣ. И будь онъ причастенъ къ политикѣ,—какъ большинство его товарищей, — можетъ быть, его тоже за-

хлестнуло бы волной студенческаго движенія, но, —какъ ни странно для студента,—Афанасій Петровичъ былъ «безпартійный», плохо разбирался въ разныхъ платформахъ и больше любилъ помечтать о природѣ, о красотѣ жизни, чѣмъ о соціализмѣ и восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Природу онъ любилъ безумно; родился и выросъ въ глухой провинціи гдѣ отецъ его и посейчасъ былъ земскимъ врачомъ—а въ жизни находилъ красоту, ибо не сталкивался еще съ ней лицомъ къ лицу, а какъ-то наблюдалъ ее все время издали.

Вышелъ Иконниковъ изъ воротъ университета съ нахмуренными бровями. Но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, поглядѣлъ на ручейки несущейся около тротуара воды—на зайчиковъ отъ лучей, что прыгали по панели, по стѣнамъ домовъ и на лицахъ прохожихъ—какъ на душѣ стало опять свѣтло и университетскія событія сдѣлались неинтересны.

Раза два Иконниковъ останавливался и смотрѣлъ, какъ на углу переулковъ, гдѣ потоки воды были особенно стремительны и широки, скапливались прохожіе и придумывали способы перейти на противоположный тротуаръ. Положеніе ихъ было трагикомическое: иногда требовались чуть ли не акробатическія способности, чтобы перескочить площадь воды, болѣе сажени шириной, или удержать равновѣсіе, проходя деревянную дощечку, положенную сердобольнымъ дворникомъ. Дощечка выгибалась, скользила по мокрымъ пли-

тамъ тротуара и грозила соскочить съ него, окунувшись, въ мутную пучину.

Для Иконникова эти препятствія не представляли затрудненія. Онъ былъ молодъ, ноги его сильны и упруги и онъ свободно перепрыгивалъ эти потоки, отдѣляясь отъ тротуара, какъ резиновый мячъ.

Но не для всѣхъ это было возможно: нѣкоторые прохожіе, а въ особенности—женщины, долго простаивали въ нерѣшительности въ концѣ тротуара и, или возвращались искать другіе пути, или шли впередъ со смѣхомъ и сердитой воркотней.

Афанасія Петровича все это забавляло. Онъ уже окончательно забылъ объ университетѣ и полной грудью вдыхалъ московскую весну, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Его забавляли дворники, для чего-то подгонявшіе несущуюся, какъ горный потокъ, воду куцыми метлами; смѣшили переругивающіеся ломовики, наѣзжающіе другъ на друга своими неуклюжими платформами съ кладью, и растерявшійся городовой, не знающій, какъ прекратить скопленіе ломовиковъ на углу одного переулка.

Радовало студента и то, что ни у кого на лицахъ не было видно озлобленія. И прохожіе, и ломовики и даже городовой,—всѣ они, подъ лучами этого ласковаго весенняго солнца, казались Афанасію Петровичу хорошими и безобидными, и было смотрѣть на нихъ не больно, а смѣшно. И всѣхъ ихъ хотѣлось Иконникову обнять, сказать имъ какое-нибудь хорошее слово или просто, улыбнувшись, пожать имъ руку.

У самыхъ Никитскихъ воротъ переправа на сторону Тверского бульвара была особенно затруднительна. Даже Иконниковъ, бравшій передъ этимъ довольно серьезныя препятствія, призадумался и, хотя и перепрыгнулъ, но промочилъ ноги. Остальная же публика боялась идти по доскѣ, которая для этого потока была коротка, и потому тутъ прохожіе не переходили.

Сзади Афанасія Петровича шла одна только молодая дѣвушка. Когда студентъ перепрыгнулъ, она невольно воскликнула:

— Ахъ, батюшки!.. Вотъ ловко!..

Афанасій Петровичъ обернулся и увидѣлъ ее, улыбающуюся и, очевидно, завидующую...

— Такъ чего же вы?..—крикнулъ онъ вызывающе.—Слѣдуйте моему примѣру!

Дѣвушка испуганно на него посмотрѣла...

— Да, что вы!.. Развѣ мнѣ перепрыгнуть?..

Она была безпомощна въ своей узкой, обтянувшей ноги модной юбкѣ, и Иконникову стало ее жаль. Она была миловидна, а Афанасій Петровичъ всегда былъ рыцаремъ.

И онъ крикнулъ ей смѣло и откровенно:

— Хотите: я васъ перенесу?

Это было сказано имъ такъ наивно и прозвучало такой дѣтской удалью, что дѣвушка даже не обидѣлась, а только вспыхнула.

Студентъ стоялъ, улыбаясь, сдвинувъ немного на затылокъ фуражку...

— Ну?..

Смутилась, но не надолго. Странный огонекъ загорѣлся въ ея глазахъ...

— А вы... сможете?..

Еще не договорила, а онъ былъ уже около нея. Правда, штиблеты были полны воды и концы брюкъ какъ-то странно отвисли и съузились.

— Безъ сомнѣнія!..—отвѣтилъ онъ на ея вопросъ.

Улыбнулась, показавъ рядъ мелкихъ, какъ у мышенка, зубовъ. Но сейчасъ же сдѣлалась серьезна.

— Но... мы даже съ вами незнакомы?..

— Это очень легко устранить,—приподнялъ фуражку студентъ:—Иконниковъ!

Она сказала какую-то фамилію и протянула руку. И прибавила тономъ, не допускающимъ возраженія:

— Переносить, конечно, не нужно! А вотъ дайте мнѣ руку и поддержите меня на этой доскѣ!

— Да чего вы смущаетесь?—настаивалъ Афанасій Петровичъ.—Насъ же съ вами никто здѣсь не знаетъ!

— Но... что подумаютъ?..

— Ничего особеннаго! Подумаютъ, что мы мужъ и жена, братъ и сестра, женихъ и невѣста!.. Да, наконецъ: какое кому до насъ дѣло?..

Она посмотрѣла еще разъ на потокъ, на хилую доску, на студента, оглянулась по сторонамъ и вдругъ сказала:

— Несите!..

Черезъ секунду она была уже на рукахъ студента, цѣпко охватила его шею и онъ понесъ ее, стараясь поднять, какъ можно выше, чтобы не замочить ея ногъ. Онъ чувствовалъ рядомъ со своимъ лицомъ ея лицо, запахъ ея волосъ и еще какихъ-то

духовъ, острыхъ, но пріятныхъ. Его касалась теплота ея дыханія и упругость ея тѣла.

И когда онъ поставилъ ее бережно на противоположный тротуаръ,—оба были взволнованы и тяжело дышали...

— Ну, вотъ!..—сказала она, поправляя шляпку и прическу.—Однако: какой вы сильный!..

Они пошли вмѣстѣ по бульвару.

— Вамъ далеко идти?—спросила она.

— На Бронную. Я тамъ живу.

— Въ чьемъ домѣ?

Онъ сказалъ и спросилъ въ свою очередь:

— А вы гдѣ?

— Вообразите: я тоже на Бронной. Но только туда дальше—къ Палашевскому переулку.

— Я васъ провожу,—предложилъ Иконниковъ.— Вы позволите?

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. Не надо!..

И, замѣтя удивленный взглядъ студента, поспѣшила добавить:

— Не думайте, что если я согласилась, чтобы вы меня перенесли, такъ мнѣ все дозволено. У меня очень строгіе родители. Насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ и мнѣ попадетъ. Къ тому же я... невѣста: въ это воскресенье моя свадьба.

— Вотъ какъ! — разочарованно протянулъ студентъ.—За кого же вы выходите, если не секретъ?

— Ну, какой же тутъ можетъ быть секретъ! Я выхожу за учителя!

Оба замолчали. На углу Малой Бронной Иконниковъ остановился:

— Мнѣ сюда! Прощайте!

Онъ приподнялъ фуражку и пошелъ. На душѣ отъ этой встрѣчи остался непріятный осадокъ разочарованія.

II.

Иконниковъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, переполненныхъ студентами и безработными актерами. Номерокъ у него былъ маленькій, въ одно окно, и платилъ онъ за него всего двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Лишними деньгами Иконниковъ не располагалъ. Тридцать рублей ему высылалъ ежемѣсячно отецъ, да на столько же онъ имѣлъ уроковъ. Юноша онъ былъ скромный, и потому денегъ хватало. Кромѣ того, на его иждивеніи постоянно находилось два-три товарища студента. Ихъ Иконниковъ охотно ссужалъ мелкими суммами, зная прекрасно, что даетъ безъ отдачи.

Въ корридорѣ Афанасій Петровичъ столкнулся со студентомъ Рудзевичемъ, жившимъ отъ него черезъ три номера. Рудзевичъ былъ медикъ, третьяго курса. Ходилъ онъ постоянно неряшливо одѣтымъ, не прочь былъ выпить и потому Иконниковъ его недолюбливалъ.

И теперь Рудзевичъ былъ немного пьянъ и отъ него, за нѣсколько шаговъ, пахло водкой.

Иконниковъ хотѣлъ было незамѣтно проскочить въ свой номеръ, но Рудзевичъ его окликнулъ и пошелъ къ нему въ разстегнутой тужуркѣ, надѣтой на синюю рубаху, заложивъ руки въ карманы брюкъ.

— Вы, коллега, изъ университета?..

— Да!..—отвѣтилъ, останавливаясь, Иконниковъ.—А, что?..

— Ну, что тамъ: попрежнему фараоны?

— Полиціи много!

— Гм!.. Ну, а того... столкновеній не было?..

— Пока никакихъ!

Рудзевичъ глубокомысленно скривилъ губы.

Иконниковъ открылъ уже свой номеръ, когда Рудзевичъ сказалъ ему:

— Можетъ зайдете потомъ ко мнѣ?

— А что у васъ?

— Такъ, кое-кто изъ нашихъ: Филатовъ... двѣ курсистки!..

Филатовъ былъ пріятель и однокурсникъ Иконникова, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ выручалъ въ трудныя минуты. Жилъ онъ въ одномъ номерѣ съ Рудзевичемъ.

— Хорошо, зайду!..

Номеръ у Рудзевича былъ большой,—въ два окна. Когда Иконниковъ вошелъ, кромѣ Филатова, былъ еще какой-то незнакомый рябой студентъ и двѣ курсистки. На столѣ стоялъ небольшой мѣдный самоваръ, бутылка водки, выпитая на половину, колбаса и булки.

Иконниковъ познакомился съ курсистками и сѣлъ у окна.

— Можетъ хлопнете, коллега?..—предложилъ Рудзевичъ, беря въ руки бутылку.

— Онъ не пьетъ,—сказалъ Филатовъ.

— Тогда чайку!

— Вы пожалуйста не безпокойтесь, коллега!—

улыбнулся Афанасій Петровичъ,—я сейчасъ ничего не хочу!

Рудзевичъ отошелъ отъ стола и подошелъ къ курсисткѣ съ черными, гладко зачесанными волосами, матовымъ лицомъ, съ синими жилками на вискахъ и съ довольно красивымъ профилемъ. Она сидѣла на стулѣ недалеко отъ Иконникова. На видъ ей было лѣтъ девятнадцать—двадцать, но обвѣянное какой-то тихой грустью лицо ея поражало серьезностью не по лѣтамъ.

— На чемъ мы остановились?..—спросилъ Рудзевичъ...—Ахъ да!.. Такъ вы говорите, Роза, что студенчество само виновато въ послѣднихъ событіяхъ?..

— Безусловно! Во всякомъ случаѣ я принциціально противъ химическихъ обструкцій, считая ихъ насиліемъ!

— Вѣроятно еврейка,—подумалъ Иконниковъ.— И, конечно, эсдечка.

— А что же прикажете дѣлать?..—спросилъ рябой студентъ:—на насиліе мы отвѣчаемъ насиліемъ! Мы же не можемъ сражаться аргументами? Намъ и остается химическая обструкція!

— Но вы же примѣняете ее не къ правительству, а къ профессорамъ и къ своимъ товарищамъ!—замѣтила Роза.

— Да. Къ тѣмъ, которые являются или креатурой правительства, или же почему-либо сочувствуютъ ему!

— Ваши взгляды ошибочны! Я думаю, что меня нельзя упрекнуть ни въ сочувствіи правительству, ни въ сочувствіи профессорамъ, не желающимъ

прекратить лекцій. Но я стою за совершенно другую тактику: желало провести студенчество забастовку—прекрасно! Уговорись, не ходи въ аудиторіи, не занимайся въ клиникахъ, въ кабинетахъ! Тогда это будетъ идейный протестъ и фактически—забастовка!

— Но тогда лекціи не прекратятся...—замѣтила вторая курсистка, высокая блондинка съ тяжелой косой, подобранной въ прическу.—Не будемъ мы ходить—будутъ читать для академистовъ.

— Ну, сколько ихъ,—жалкая горсточка!..—сказалъ Иконниковъ, молчавшій до сихъ поръ.—Для нихъ однихъ—лекцій не будутъ читать!

— Ты такъ думаешь?..—спросилъ Филатовъ.—Напрасно: этого добра у насъ теперь сколько хочешь.

— Тутъ дѣло совсѣмъ не въ академистахъ,—улыбнулась Роза.—Дѣло въ сознательномъ студенчествѣ, которое составляетъ девяносто процентовъ всего русскаго студенчества. И вы меня совсѣмъ не понимаете. Я далеко не противъ забастовки и сама все время за нее агитирую, находя ее единственнымъ протестомъ въ данный моментъ. Но я противъ тѣхъ козырей, которые студенчество все время даетъ въ руки правительству. Когда забастовка протекаетъ съ насиліемъ — а химическая обструкція есть насиліе, — то тотъ, кто пожелаетъ и кому это нужно, всегда подведетъ ее подъ рубрику сопротивленія властямъ и такъ далѣе... И тогда легче раздавить все наше движеніе, ибо будутъ давить, ссылаясь на право, которое-де мы нарушили. Тутъ даже не будутъ считаться съ

общественнымъ мнѣніемъ, которое, кстати сказать, не на сторонѣ обструкціонистовъ. Зачѣмъ же давать такой козырь правительству?

— Я вполнѣ съ вами согласенъ!..—повернулся къ ней Иконниковъ.—Вотъ я васъ, Роза...

Онъ запнулся не зная ея отчества...

— Самойловна!..—подсказала она.

— Вотъ я васъ, Роза Самойловна, слушаю и мнѣ все время кажется, что говорите не вы, а я!

— Наконецъ-то одного сочувствующаго нашла!—воскликнула курсистка.

— Удивительно!..—сказалъ Филатовъ, наливая себѣ стаканъ чая.—А я тебя, Иконниковъ, все время считалъ безпартійнымъ!

Иконниковъ покраснѣлъ.

— Да я этого и не отрицаю! Я какъ-то никогда не интересовался политикой, считая, что наука прежде всего должна быть внѣ ея!.

— Ну, положимъ, вы ошибаетесь!..—воскликнула Роза.—Меня даже удивляетъ, когда я слышу, что есть безпартійные студенты. Это такъ уродливо! Все равно, что лошадь безъ хвоста!..

Иконниковъ смутился.

— Странное сравненіе!..—пробормоталъ онъ.—Я не вижу мотивировки этому!

— Мотивировка — молодость!..—крикнула курсистка.—Политика есть страсть, а ничто такъ не реагируетъ на страсть, какъ молодость! И если въ жилахъ студента течетъ кровь, а не подслащенная сахаромъ водица, онъ не можетъ относиться безучастно къ окружающему!

— Правильно!..—сказалъ Рудзевичъ, наливая себѣ и рябому студенту водку.

— Ну, я иду!..—поднялась Роза.—Вы пойдете, Вѣра?

Ея подруга тоже встала и онѣ обѣ одѣли кофточки и шляпки. Одѣлся и Филатовъ.

— Я васъ провожу. Хотите?

— Пойдемте! Можетъ быть и господинъ безпартійный студентъ пойдетъ?

Въ голосѣ Розы прозвучала иронія. Иконниковъ было вспыхнулъ, но сейчасъ же улыбнулся.

— Ну, и язычекъ у васъ, Роза Самойловна! Но я не обижаюсь и пойду съ вами съ удовольствіемъ. Только предварительно забѣгу къ себѣ, возьму пальто и фуражку. Одну минуту!

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ Вѣрой и Филатовымъ въ коридоръ.

— А мы останемся!..—сказалъ Рудзевичъ, подсаживаясь къ рябому студенту.—Намъ надо еще допить водку, а потомъ мы пойдемъ играть на билліардѣ!

Роза снова присѣла на стулъ.

— Не надоѣстъ вамъ пить, Рудзевичъ? Сколько я васъ знаю, вы всегда пьете!

Рудзевичъ прищурилъ глаза, и тѣнь не то грусти, не то отчаянія пробѣжала по его лицу. Онъ судорожно скривилъ губы и сказалъ, смотря въ одну точку:

— Да... я пью... и буду пить! Потому что иначе невозможно!

Затѣмъ тряхнулъ головой, очнулся и посмо-

трѣлъ на Розу обычнымъ, насмѣшливымъ взглядомъ:

— А вы что: цензоръ нравовъ, что ли?.. Что же, и это занятіе!

Роза подошла къ окну и стала тоскливо смотрѣть на улицу, а Рудзевичъ чокнулся съ рябымъ студентомъ и сильно поставилъ свою рюмку на столъ...

— Пей, Прохоровъ!.. Пей, ибо только пьяные срама не имутъ!..

Роза обернулась и хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту дверь отворилась и Вѣра ей крикнула:

— Роза!.. идемте!..

Курсистка молча простилась со студентами и вышла.

— Она еврейка?..—спросилъ Прохоровъ, когда они остались одни.

— Да! Она очень порядочный человѣкъ.

Рудзевичъ всталъ и началъ ходить по номеру, заложивъ за спину руки.

— Очень порядочный и умный! Дѣвушка съ рѣдкимъ по красотѣ сердцемъ!

— Ты, кажется, влюбленъ въ нее?—спросилъ Прохоровъ, прожевывая колбасу.

Рудзевичъ остановился посреди номера. Поднялъ голову и сказалъ серьезно и совершенно спокойно:

— Что? Влюбленъ? Это было бы пошло! Я люблю ее, вотъ это—да!

Онъ прислонился спиной къ противоположной стѣнѣ и скрестилъ на груди руки.

— Въ исключительныхъ женщинъ не влюбляются, Прохоровъ—ихъ любятъ! А Роза исключи-

тельная женщина, способная на высокій подвигъ, на великое самопожертвованіе! Ты знаешь: вѣдь она проститутка!—спросилъ онъ послѣ паузы.

Прохоровъ посмотрѣлъ на него большими глазами.

— Да ты пьянъ, Рудзевичъ?

— Нѣтъ, не пьянъ! Когда разсказываютъ такую драму, всякій хмѣль вылетаетъ изъ головы. Конечно, она проститутка только de juro, — продолжалъ онъ, отчеканивая каждое слово.—Она живетъ по желтому билету, ибо, какъ еврейка, только этимъ она купила себѣ право жительства въ столицѣ!

— Но развѣ курсистки-еврейки не могутъ жить въ столицахъ?

— Могутъ, но не частныхъ медицинскихъ курсовъ. А Роза именно на нихъ.

Прохоровъ пересталъ жевать и задумался, низко опустивъ голову, а Рудзевичъ подошелъ къ столу и налилъ двѣ рюмки водки.

— И она, эта чистая дѣвушка... эта далекая отъ житейской грязи душа, должна еженедѣльно ходить туда, гдѣ осматриваютъ послѣднихъ дѣвокъ, отвратительныхъ, зараженныхъ люэсомъ мегеръ. Правда, устроено такъ, что фактически ее не осматриваютъ, но... Пей, Прохоровъ!..

Они чокнулись и выпили.

— А ты откуда все это знаешь?..—спросилъ Прохоровъ.

— Знаю! Не все ли тебѣ равно: откуда?

Студенты замолчали и начали усиленно курить, окутывая себя клубами дыма. На столѣ уныло пи-

щалъ догорающій самоваръ, а за окнами гулко хлопали по подоконникамъ капли снѣговой воды, падающей съ крыши. И казалось, что кто-то, незримый, выбиваетъ похоронной дробью безконечную и тоскливую пѣсню смерти...

III.

Вѣра съ Филатовымъ пошла впереди.

— Вы вмѣстѣ живете?..—спросилъ Афанасій Петровичъ Розу, кивая глазами на ея подругу.

— Нѣтъ, она живетъ у родителей, а я—въ номерахъ! А, что?

— Ничего! Я такъ спросилъ!

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Однако, вы меня, Роза Самойловна, сегодня смутили!..—началъ Иконниковъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ же: сказали, что я лошадь безъ хвоста!

— Развѣ это не правда?

— Какъ вамъ сказать.

Роза сбоку на него посмотрѣла...

— Ужъ вы не обидѣлись ли, чего добраго?

— Не обидѣлся, но меня это заставило призадуматься! До сегодняшняго дня я былъ твердо убѣжденъ, что избранный мною нейтралитетъ есть именно тотъ правильный путь, по которому должно идти студенчество.

— А съ сегодняшняго дня...

— Предстоитъ большая работа мозгу! Я не такъ легко отрекаюсь отъ своихъ боговъ, хотя и мо-

лодъ. Я долженъ раньше убѣдиться: слѣдуетъ ли мнѣ пойти въ другое капище.

— Какимъ же образомъ вы намѣрены убѣждаться?

Афанасій Петровичъ задумался.

— Я и самъ пока не знаю!—наконецъ сказалъ онъ.—Я думаю: обстоятельства мнѣ сами подскажутъ!

— Хотите, я вамъ дамъ хорошій совѣтъ?

— Пожалуйста!

— Такъ слушайте! Принимайте ближе къ сердцу все что вокругъ васъ происходитъ! Научитесь страдать не только своими страданіями, но и страданіями другихъ, и тогда вы не будете безпартійны!

— Я васъ не понимаю.

— Я вамъ сейчасъ объясню! Что такое безпартійность? Вѣдь это—синонимъ безразличія!

— Пожалуй!..

— А безразличіе, это—толстокожесть, буржуйство, апогей эгоизма! Вѣдь, за рѣдкими исключеніями, безпартійными бываютъ потому, что не хотятъ поступиться тѣми или иными удобствами, матерьяльными или идейными, это безразлично. Вотъ вы, очевидно, буржуй идейный. Вамъ хочется учиться, хочется поскорѣе впитать то, что вамъ впитать положено. И вы боитесь партійности только потому, что она отвлечетъ васъ отъ науки!

— Разумѣется! —воскликнулъ Иконниковъ.— Я же это и въ номерѣ говорилъ!

— Я такъ васъ и поняла! Но, милый другъ,— она произнесла это особенно нѣжно,—въ наше вре-

мя нельзя жить только собою, надо немного подумать и о другихъ!

Иконниковъ молчалъ, а Роза продолжала говорить съ увлеченіемъ. И, какъ и въ номерѣ Рудзевича, красныя пятна алѣли на ея щекахъ.

— Будьте вы всѣмъ, кѣмъ хотите, но только не безпартійнымъ! Даже черносотенецъ, и тотъ кипитъ въ этомъ общемъ котлѣ, и онъ творитъ волю пославшаго его, хотя бы и злую!

Они незамѣтно прошли Тверской и Страстной бульвары и подошли къ Петровскому. На углу Петровки ихъ поджидали Вѣра съ Филатовымъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ?..—спросила Вѣра.

Роза подумала.

— Пожалуй! Ну-съ,—обернулась она къ студентамъ.—Вотъ и конченъ нашъ путь!

Начали прощаться. Роза сильно, по-мужски, пожала руку Иконникову и, улыбаясь, продекламировала:

«Такъ и сердце мое не откликнется вновь
На призывъ твой, надеждой ласкающій...
Мнѣ смѣшна твоя ласка, преступна любовь,
Разъ рѣкою вокругъ разливается кровь,—
Разъ страданіе есть и—страдающій»...

— Ого!—воскликнула Вѣра.—Вы уже о любви заговорили? Скоро же!

— Это я ему, какъ заключительный аккордъ моихъ нотацій!—кивнула Роза на Иконникова.— Онъ это понимаетъ!

— И будетъ помнить! — поклонился Афанасій Петровичъ.

— Тѣмъ лучше! Такъ до свиданья, товарищи!

Дѣвушки скрылись въ подъѣздѣ, кивая и улыбаясь студентамъ.

IV.

Разговоръ съ курсисткой произвелъ на Иконникова громадное впечатлѣніе. Онъ заставилъ студента призадуматься надъ многимъ, о чемъ онъ раньше или избѣгалъ думать, или не думалъ по легкомыслію. И не то, чтобы эта маленькая, черненькая еврейка пристыдила его—онъ не могъ этого сказать. Но что-то она надъ нимъ продѣлала такое, отчего все его міросозерцаніе поколебалось и та твердая почва, которая, казалось, всегда была подъ его ногами, вдругъ стала куда-то уплывать и онъ, Иконниковъ, словно остался висѣть въ воздухѣ.

Весь этотъ день былъ полонъ для студента всевозможныхъ переживаній. Началось съ недовольства университетскими событіями. Но непріятный осадокъ смѣнился веселымъ эпизодомъ на углу Никитской, гдѣ Иконниковъ перенесъ незнакомую дѣвушку. А потомъ эта встрѣча съ курсисткой въ затхломъ, пропитанномъ алкоголемъ и табакомъ номерѣ Рудзевича, странный разговоръ, напоминающій лекцію на партійномъ засѣданіи. И эта презрительная фраза Розы, брошенная въ упоръ Афанасію Петровичу: «лошадь безъ хвоста».

Студентъ ходилъ по номеру и, хотя было уже поздно и въ корридорѣ все попритихло,—огня не зажигалъ. Слабый свѣтъ отъ керосиновой лампы проникалъ къ нему сквозь стеклянную ра-

му надъ дверью. Но былъ этотъ свѣтъ безжизненъ и вялъ и ложились отъ него на полу неясныя тѣни. Будто свѣтилъ кто-то, наверху стоящій, на дно глубокаго и узкаго колодца и не было увѣренности, что свѣтъ этотъ сейчасъ же не погаснетъ и въ колодцѣ не наступитъ обычная, плотная тьма.

Иконниковъ перебралъ въ умѣ весь сегодняшній разговоръ съ Розой. И старался вспомнить все, что ему говорила курсистка.

«Принимайте ближе къ сердцу все, что вокругъ васъ происходитъ». Но развѣ этого не было до сихъ поръ у него? Было всегда доброе и отзывчивое сердце; онъ охотно откликался на нужды товарищей; дѣлился съ ними всѣмъ, чѣмъ только могъ. Нѣтъ, очевидно, здѣсь что-нибудь не то! Не про это говорила ему Роза! «Научитесь страдать страданіями другихъ». Вѣдь, если послѣдовать совѣту Розы,—Иконникова хватило бы ненадолго. Страдать со всѣми значило бы вѣчно страдать, ибо на каждомъ шагу встрѣчается чье-нибудь горе и слезъ гораздо больше на свѣтѣ, чѣмъ улыбокъ! Очевидно, надо понимать курсистку болѣе широко и ликвидировать все, что было до сихъ поръ—поставить сразу крестъ надъ прошлымъ и начать сызнова жизнь.

Какое то непонятное озлобленіе вдругъ поднялось въ груди студента противъ курсистки—будто почуялъ въ ней врага, кинувшаго ему вызовъ въ ту минуту, когда онъ совершенно къ борьбѣ не подготовленъ.

— Баба!—сказалъ онъ вслухъ, кусая губы.

И сейчасъ же самому стало совѣстно за то, что сказалъ! За что онъ ее выругалъ?

Вспомнилъ ея матовое лицо съ синими жилками на вискахъ и глаза. Большіе и грустные...

Почему у нея такіе грустные глаза? Вѣрно, страдаетъ очень много...

Озлобленіе опять накипало.

За другихъ страдаетъ!... Гм!... Скажите, какая альтруистка!

А можетъ быть ее не ругать, а благодарить онъ долженъ? Можетъ быть дѣйствительно, до встрѣчи съ нею, онъ сидѣлъ на днѣ глубокаго и узкаго колодца, вотъ такого, какимъ кажется сейчасъ его номеръ. Сидѣлъ и не видѣлъ, что творится наверху. А она пришла и протянула руку.

Въ эту ночь Афанасій Петровичъ спалъ тревожно. Утромъ же долго лежалъ съ открытыми глазами, слушая какъ остываетъ за перегородкой поданный ему самоваръ, смотрѣлъ безцѣльно въ грязный потолокъ номера, небрежно, противъ обыкновенія, вымылся и ходилъ весь день съ помятымъ и вялымъ лицомъ...

V.

Пришла домой Роза Самойловна отъ Вѣры около десяти часовъ вечера, заказала самоваръ и, когда его принесли, заперла дверь на ключъ, одѣла домашнюю блузку, распустила волосы. Сегодня нужно было еще написать домой, прочесть кое-что изъ лекцій по анатоміи, а завтра, пораньше, бѣжать на санитар-

ный осмотръ, на который она обязана была ходить еженедѣльно.

Все это было какимъ то кошмаромъ въ жизни курсистки за послѣдній годъ. Цѣлое море униженій выпивала бѣдная дѣвушка чуть ли не ежедневно, но вѣра въ свѣтлое будущее пересилила дѣвичій стыдъ и Роза Самойловна стоически переносила свою участь.

Она налила стаканъ чая, отпила изъ него немного и задумалась, смотря на желтый огонекъ небольшой керосиновой лампы, стоявшей на столѣ.

И вспомнилась ей вся ея девятнадцатилѣтняя жизнь, полная такихъ переживаній, которыя подъ стать только убѣленному сѣдинами человѣку.

Родилась она въ Екатеринославѣ въ еврейской семьѣ, обремененной дѣтьми и вѣчной нуждой. Отецъ—комиссіонеръ по мучному дѣлу, зарабатывающій гроши. Мать—вѣчно больная и беременная... братья и сестры, голодные и холодные. Но все-таки, па послѣдніе гроши, отдали старшую—Розу въ гимназію. Такъ дошла она до пятаго класса, а затѣмъ ей пришлось ѣхать въ Москву, гдѣ жилъ ея дядя—докторъ, бездѣтный, хорошій старикъ. Служилъ онъ въ какомъ то вѣдомствѣ и, благодаря этому, удалось перевести дѣвочку въ московскую гимназію. Прожила она у него окруженная вниманіемъ и отеческой лаской два года—хорошихъ и быстрыхъ два года, полныхъ для дѣвушки свѣтлыхъ и радужныхъ надеждъ.

Наконецъ, гимназія была окончена и Роза поступила на частные медицинскіе курсы. Но дядя внезапно умеръ и его еще не успѣли похоронить,

какъ явилась полиція и потребовала немедленнаго выѣзда курсистки изъ Москвы.

Это былъ ужасный день и Роза Самойловна, какъ сейчасъ, его помнитъ. Близкій, дорогой человѣкъ лежалъ на полу, обернутый въ простыню, окруженный плачущими родными, а тутъ же, около, стоялъ околодочный съ бумагой и говорилъ:

— Ничего не могу сдѣлать!. Приказано въ двадцать четыре часа!

— Но она же жила у насъ два года?—повторяла обезумѣвшая отъ горя тетка.—Поймите: жила два года и никто ее не трогалъ! Вѣдь она же племянница наша!..

Тетка бѣжала въ спальню, рылась дрожащими руками въ комодѣ и совала околодочному документы Розы:

— Вотъ посмотрите: племянница!..

Но тотъ былъ неумолимъ.

— Это ничего не значитъ! Пока былъ живъ докторъ, она могла жить при немъ! А разъ онъ умеръ — пожалуйте на выѣздъ!

Пробовали было хлопотать — ничего не вышло, Но надежды не теряли и рѣшили, что Роза пока уѣдетъ въ Тверь, къ одному знакомому провизору, и выждетъ нѣкоторое время, а родственники здѣсь будутъ продолжать хлопоты. Розѣ не позволили даже остаться на похороны; околодочный проводилъ ее на вокзалъ и она уѣхала. И вотъ въ Твери она познакомилась съ Рудзевичемъ. Онъ пріѣхалъ къ отцу на три дня—отецъ его служилъ на желѣзной дорогѣ,—и, въ городской библіотекѣ,

Роза съ нимъ встрѣтилась. Онъ узналъ ея трагедію, задумался, а затѣмъ спросилъ:

— Ну, а креститься?.. Вамъ не приходило въ голову?

Роза энергично тряхнула головой.

— Ни за что! Я ни во что не вѣрую, но перестала бы уважать себя, если бы рѣшилась на этотъ шагъ! Да, наконецъ, у меня престарѣлые родители. Это бы ихъ убило!

— Правильно! Я самъ полякъ и, какъ поляку, мнѣ предстоитъ милліонъ ограниченій въ жизни, особенно, если я задумаю поступить на государственную службу. Но я ни за что не перейду въ православіе, просто не перейду принципіально!

— Есть еще одно средство возвратиться вамъ въ столицу, — сказалъ онъ послѣ паузы. — Но я не знаю, какъ вамъ и предложить его!

Роза сказала, что готова на все, лишь бы только возвратиться и продолжать курсы. Но, конечно, своихъ убѣжденій она не продастъ. Не пойдетъ также на компромиссъ со своею совѣстью.

Рудзевичъ пожалъ плечами.

— Видите ли: средство, которое я вамъ хочу предложить, тоже въ своемъ родѣ компромиссъ! Но компромиссъ только юридическій, нѣкоторый, такъ сказать, обходъ закона. Дѣло въ томъ, что проституткамъ-еврейкамъ разрѣшено жить въ столицахъ. И я знаю случаи, когда нѣкоторыя курсистки-еврейки выправляли себѣ билетъ проститутки, и по немъ жили. Конечно, въ жизни онѣ оставались тѣми же, какими были и раньше.

— А это сопряжено съ какими-нибудь неудобствами... для добраго имени?..

— Отчасти—да! Придется ходить на санитарный осмотръ. Впрочемъ, этотъ вопросъ можно уладить такимъ образомъ, что фактически осматривать не будутъ, а будутъ только ставить отмѣтку объ осмотрѣ.

Роза сначала отвергла съ негодованіемъ поданный ей Рудзевичемъ совѣтъ, потомъ думала надъ нимъ цѣлыхъ три дня. И пришла къ заключенію, что иного выхода у нея нѣтъ.

И, встрѣтясь съ Рудзевичемъ, она попросила его устроить ей это дѣло.

У Рудзевича были въ Твери связи и, черезъ нѣсколько дней, у Розы на рукахъ былъ «желтый» билетъ и книжка съ «правилами». А еще черезъ нѣсколько дней она была уже въ Москвѣ.

Конечно, ни провизору въ Твери, ни теткѣ въ Москвѣ она не сказала правды. Она просто сказала имъ, что ей разрѣшили возвратиться, и тѣ повѣрили. На предложеніе же тетки опять поселиться у нея, Роза отвѣтила, что ей удобнѣе жить въ померахъ, и что она только будетъ приходить обѣдать.

Вспомнился Розѣ Самойловнѣ второй кошмарный день, — день перваго санитарнаго осмотра. Правда, у нея было письмо къ врачу, завѣдующему этимъ,—письмо, гарантирующее, что ее осматривать не будутъ. Но все-таки волновалась она ужасно.

Пришла она въ указанное ей мѣсто и застала тамъ цѣлую толпу проститутокъ. Были тутъ старыя и

молодыя, въ шляпкахъ со страусовыми перьями и въ простыхъ ситцевыхъ платочкахъ. И все это кричало, курило, переругивалось нецензурными словами.

Докторъ былъ занятъ и его пришлось подождать. Въ сосѣдней комнатѣ происходилъ осмотръ, который производился фельдшеромъ. Онъ то и дѣло появлялся въ дверяхъ и кричалъ повелительно и рѣзко:

— Слѣдующая! Ну?

Въ одинъ изъ такихъ выходовъ его вниманіе привлекла Роза. Она стояла около дверей смущенная и растерявшаяся въ непривычной обстановкѣ. И фельдшеръ сказалъ ей съ нетерпѣніемъ:

— Ну, чего на меня глаза-то вытаращила? Маршъ на осмотръ!

Роза уже окончательно растерялась и забыла о письмѣ къ доктору.

Мысль о томъ, что ее сейчасъ будутъ обнажать и осматривать мужчины, каленымъ желѣзомъ прорѣзала мозгъ, а слова фельдшера заставили остановиться сердце. Но она нашла въ себѣ силы крикнуть ему, дрожа отъ ужаса:

— Меня осматривать не надо!.. Я вовсе...

— Какъ не надо?...—перебилъ ее, багровѣя, фельдшеръ.—Такъ зачѣмъ же ты пришла сюда?.. Иди, и не разговаривай!..

Грубый окрикъ привлекъ любопытныхъ. Розу съ фельдшеромъ окружили проститутки и она не знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы въ эту минуту не подошелъ докторъ—пожилой, благообразнаго вида, человѣкъ съ добрыми сѣрыми глазами,

смотрѣвшими изъ-подъ золотыхъ очковъ. Онъ сразу догадался, что тутъ что-то неладно, и пригласилъ Розу въ кабинетъ. Тамъ она передала ему письмо и, рыдая, разсказала свою драму. Докторъ прочелъ письмо и долго и грустно качалъ головой. Затѣмъ сказалъ ей голосомъ, въ которомъ дрожали слезы:

— Не волнуйтесь. Мы васъ осматривать не будемъ.

Съ тѣхъ поръ Роза Самойловна еженедѣльно, аккуратно ходитъ на осмотръ, и тотъ же самый фельдшеръ молча и сумрачно ставитъ ей въ книжку штемпель: «здорова». А потомъ ласково жметъ ей руку и конфузливо улыбается.

Самоваръ давно уже заглохъ и налитый стаканъ чаю остылъ. Роза Самойловна налила себѣ свѣжаго и начала пить маленькими глотками. Спать не хотѣлось; впереди была еще цѣлая ночь, написать письмо родителямъ она успѣетъ, а заниматься анатоміей желаніе уже прошло. И хотѣлось посидѣть совершенно одной около столика съ лампой и съ самоваромъ и подумать.

Такъ просидѣла она довольно долго, а затѣмъ встала и принесла съ комода почтовую бумагу, конвертъ и сѣла писать:

«Дорогіе родители...—писала курсистка—вотъ сейчасъ осталась одна и спѣшу унестись мыслью къ вамъ... моимъ милымъ, хорошимъ, свѣтлымъ... Жду не дождусь этого лѣта, чтобы побывать въ Екатеринославѣ и пожить мѣсяцъ-другой со всѣми вами. Вѣдь я васъ такъ давно не видѣла!.. Получили ли вы деньги,

которыя я выслала на прошлой недѣлѣ? Я, слава Богу, живу и не нуждаюсь, получила еще одинъ урокъ. Такъ что вы пожалуйста эти деньги тратьте и не думайте, что я себя обижаю...»

Тутъ приходилось писать неправду. Роза Самойловна отказывала себѣ рѣшительно во всемъ и каждый лишній грошъ отсылала родителямъ. Правда, у нея былъ обезпеченъ обѣдъ у тетки и даже та предлагала курсисткѣ иногда деньги, но каждый разъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, Роза отъ денегъ отказывалась. Было у нея три урока, которые давали ей пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Изъ этихъ денегъ на двадцать пять она жила, а остальное отсылала домой.

«...какъ здоровье маленькаго Мойны?—писала дальше Роза.—Вы въ прошломъ письмѣ говорили, что ему нужны дорогія лекарства. Пожалуйста не стѣсняйтесь и покупайте ему все, что только будетъ нужно! И папаша пусть покупаетъ себѣ сигары. Я вѣдь знаю, что онъ ихъ любитъ курить по субботамъ. Денегъ я въ этомъ мѣсяцѣ еще пришлю. Живется мнѣ очень хорошо. Пью и ѣмъ много. Веселюсь. Однимъ словомъ: и вы, папаша, и вы, мамаша, не безпокойтесь за свою маленькую Розу, ей живется слава Богу...»

Затѣмъ она написала, что въ виду университетскихъ событій она, вѣроятно, къ ихъ еврейской пасхѣ будетъ уже дома. Приписала поклонъ отъ тетки. Встала, порылась въ комодѣ и вынула три картинки, для маленькихъ сестренокъ, вложила

ихъ въ письмо, заклеила конвертъ. И ровнымъ, немного мужскимъ почеркомъ написала: «Самуилу Михайловичу Шайкевичъ. Екатеринославъ, Старо-Дворянская, домъ Хаймовича».

Странный, бѣлесоватый свѣтъ началъ заползать въ комнату... Роза Самойловна оглянулась и посмотрѣла на окно: въ него пробивался разсвѣтъ, смутный и блѣдный, но уже ощутимый. Номеръ курсистки былъ въ третьемъ этажѣ, а домъ стоялъ немного на горѣ. И когда Роза подошла къ окну, впереди было сѣрое въ обрывкахъ небо, а нѣсколько ниже—рядъ однообразныхъ и скучныхъ крышъ, съ торчащими, какъ у рыси уши, трубами. Городъ еще спалъ, но изъ трубъ уже вылетали клубочки дыма и онъ вился тонкой струйкой, вонзаясь въ одѣтое въ лохмотья небо, такое же грязное и сѣрое, какъ и онъ.

Роза Самойловна открыла форточку... Въ лицо ей пахнули: убѣгающая ночь, сырость послѣдняго снѣга и холодокъ предразсвѣтнаго вѣтерка. Гдѣ-то прокричалъ далекій паровозъ. И былъ этотъ крикъ жалокъ и безпомощенъ, какъ крикъ брошеннаго въ пустынѣ ребенка! И смѣнилъ его шумъ запоздалаго автомобиля, дерзкій и напыщенный, напомнившій городъ, такой же дерзкій и напыщенный, какъ рыночная торговка,—безпощадный, холодный городъ.

VI.

Нѣсколько дней спустя послѣ знакомства Иконникова съ Розой Самойловной, къ нему въ номеръ

зашелъ Филатовъ. Онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ, и Иконниковъ сразу это замѣтилъ. И когда Филатовъ присѣлъ на диванъ и началъ разсѣянно вертѣть въ пальцахъ бахрому салфетки, Иконниковъ спросилъ:

— Что это у тебя такой видъ сегодня?.. совсѣмъ не весенній!

Филатовъ сдѣлалъ гримасу и процѣдилъ сквозь зубы:

— Нѣтъ... ничего!... Просто меня этотъ художникъ разстроилъ!

— Какой художникъ?

— Спириденко! Ахъ да, ты вѣдь съ нимъ незнакомъ!—спохватился Филатовъ.—Тутъ, видишь ли, къ Рудзевичу заходитъ одинъ художникъ, пропоица, изъ бывшихъ людей. Когда-то онъ былъ хорошимъ иллюстраторомъ. Говорятъ: много зарабатывалъ. И вотъ, постепенно, дошелъ до дна.

— Чѣмъ же онъ могъ тебя разстроить?

— Своими разговорами. Сидитъ онъ у насъ сейчасъ въ номерѣ. И ужасно скверная у него привычка: куда бы ни пришелъ, всюду заводитъ разговоръ о самоубійствѣ.

Филатовъ помолчалъ, а затѣмъ поднялся.

— Хочешь, пройди, послушай его... Увлекательно говоритъ, что бы ему пусто было!

Иконниковъ сегодня былъ не въ духѣ и ему разговоры на эту тему не улыбались. Но Спириденко заинтересовалъ его, и онъ пошелъ къ Рудзевичу. Въ номерѣ была обычная обстановка: самоваръ, водка, колбаса и ходящій по номеру, съ заложенными за спину руками, Рудзевичъ. И ря-

бой студентъ былъ тутъ же, а рядомъ съ нимъ, около стола, сидѣлъ среднихъ лѣтъ штатскій, одѣтый бѣдно, но, сравнительно, прилично. Когда-то красивое лицо его было теперь испито и обрюзгло, а большіе мѣшки подъ глазами, небритыя щеки и подбородокъ дѣлали его похожимъ на старика. И только глаза были молоды, большіе, черные глаза съ опухшими отъ безсонныхъ ночей вѣками. Онъ пришелъ, очевидно, безъ пальто, въ одномъ пиджакѣ, съ поднятымъ воротникомъ, который все время конфузливо поправлялъ, прикрывая имъ выглядывавшую ночную сорочку. Рукава его пиджака были коротки и обнажали худыя руки, красныя отъ холода, съ грязными ногтями на длинныхъ и тонкихъ пальцахъ.

Когда Иконниковъ вошелъ, онъ развязно поднялся и первый протянулъ студенту руку.

— Художникъ Спириденко! Бывшій иллюстраторъ и каррикатуристъ!

— Почему: бывшій?..—спросилъ Иконниковъ, присаживаясь.

Сѣлъ и Спириденко, опрокинулся на спинку стула и сказалъ мягко, какъ бы щадя Иконникова:

— По многимъ соображеніямъ! Во первыхъ, спился и потерялъ способность творить, быть же ремесленникомъ и не хочу, да и не могу!

Онъ протянулъ Иконникову дрожащія руки.

— Видите? Все время мессинское землетрясеніе! Развѣ на этой зыби карандашъ удержится? Затѣмъ—костюмъ у меня такой, что ни въ одну порядочную редакцію не пустятъ. А въ третьихъ—

плевать я на всѣхъ хочу, ибо талантъ никогда не долженъ унижаться!

Онъ обернулся къ Рудзевичу.

— Такъ продолжимъ нашъ разговоръ! Вотъ ты, Казиміръ, говорилъ, что самоубійство есть трусость. А чѣмъ ты это докажешь?

— И доказывать нечего! Эка невидаль пустить себѣ пулю въ лобъ, или повѣситься! Одинъ моментъ — и все кончено! А ты вотъ попробуй-ка, поживи, да покувыркайся въ этомъ грязномъ болотѣ—въ жизни. Тотъ же, кто бѣжитъ отъ нея— трусъ. Ясно, какъ соленый огурецъ.

— Конечно, коллега правъ... — поддержалъ Иконниковъ.—Только трусы кончаютъ самоубійствомъ или ненормальные люди! Для борьбы съ жизнью нужны храбрость, сила воли и ясный умъ. А для самоубійства этого ничего не нужно.

Спириденко вдругъ привскочилъ на стулѣ и ударилъ кулакомъ по столу.

— Врете вы всѣ!.. Вотъ вы-то именно и есть трусы, ибо согласитесь лучше ползать на брюхѣ передъ давящей васъ пятой, чѣмъ поднять мятежъ духа и заглянуть неустрашимо въ лицо смерти!

Иконниковъ удивленно посмотрѣлъ на товарищей, но, увидѣвъ улыбку на лицѣ Рудзевича, тоже сталъ, улыбаясь, смотрѣть на Спириденко.

А тотъ продолжалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Что такое жизнь?.. Чудовище, попирающее малѣйшіе проблески человѣческаго «я»! Жизнь— издѣвательство надъ духомъ, надъ его свободой. Ростовщикъ берущій за право на прозябаніе ужасные проценты! А смерть—онъ блаженно улыбнул-

ся и закрылъ глаза—освободительница... добрая фея, приходящая въ тотъ моментъ, когда человѣкъ задыхается въ житейской атмосферѣ, когда онъ неизлѣчимо боленъ, когда онъ униженъ и втоптанъ въ грязь...

— Выпей, Спириденко...—перебилъ его Прохоровъ.—А то водка остынетъ!

Художникъ открылъ глаза и обвелъ ими присутствующихъ. Понялъ, что надъ нимъ смѣются, но ничего не сказалъ. И молча подставилъ свою рюмку.

— Вотъ вы, Спириденко, проповѣдуете самоубійство,—сказалъ Иконниковъ.—Но вѣдь если послѣдовать вашему ученію —міръ долженъ перестать существовать. Зачѣмъ же это?

Спириденко мягко улыбнулся.

— Вы, молодой человѣкъ, не поняли меня! Я за продолженіе рода человѣческаго тамъ, гдѣ условія для жизни лучше!.. Пусть на землѣ повсюду будетъ справедливость, будутъ право, свобода... Пусть исчезнутъ рабство, хамство и насиліе— и Спириденко первый подниметъ вотъ эту рюмку за жизнь! Но пока существуютъ палачи и жертвы, тунеядцы паны и жалкіе холопы, безличные рабы; пока сильный давитъ пятою слабаго,—Спириденко будетъ кричать: не стоитъ жить!.. не стоитъ жить!..

Художникъ сдѣлался серьезенъ...

— Самоубійство... Вѣдь это—протестъ, не правда ли? Протестъ духа, сильнаго и свободнаго, противъ безвольнаго, безпомощнаго тѣла!

Духъ протестуетъ противъ окружающей атмосферы и стремится къ свободѣ.

— Такъ почему же вы сами не покончите самоубійствомъ?..—невольно вырвалось у Иконникова.

Спириденко пристально на него посмотрѣлъ:

— Не безпокойтесь, я это сдѣлаю! Вы не думайте: я не провокаторъ!

— Я этого вовсе и не думалъ,—сконфузился Иконниковъ.—Это былъ просто вопросъ, подсказанный логикой.

Спириденко помолчалъ немного, закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Я не хочу кончать сейчасъ съ собой только потому, чтобы не подумали, что Спириденко испугался нужды, испугался того дна, на которое опустился! Я покончу съ собой только тогда, когда буду въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. А это, весьма возможно, въ скоромъ времени и будетъ!

— Тогда приходите за мной!—сказалъ вдругъ Рудзевичъ, и было непонятно: говоритъ ли онъ серьезно или шутитъ.

Иконниковъ съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ. Рудзевичъ былъ блѣденъ, но серьезенъ.

Спириденко же принялъ это, какъ должное.

— Хорошо! Я тогда за тобой приду...

Наступила большая, тяжелая пауза. Монотонно ходилъ изъ угла въ уголъ Рудзевичъ, сумрачно сидѣлъ на диванѣ Прохоровъ и было слышно, какъ тяжело дышетъ Филатовъ. Скверно себя чувствовалъ и Иконниковъ. Будто одно, общее горе заползло въ эту комнату и спаяло сердца присутствующихъ одной общей скорбью.

— Странные иногда бываютъ на свѣтѣ случаи!— заговорилъ опять Спириденко.—Вотъ сегодня хоронятъ одну молодую дѣвушку, которая третьяго дня отравилась. Она жила въ томъ же домѣ, гдѣ я, и потому я всю эту исторію знаю. Была она дочерью купцовъ, людей довольно состоятельныхъ и почтенныхъ. Но мѣщане они были и по рожденію и по духу. И потому въ семьѣ была атмосфера невозможная. Бѣдную дѣвочку держали въ ежовыхъ рукавицахъ и такъ далѣе. И вотъ, наконецъ, просватали. Въ это воскресенье должна была быть ея свадьба...

Иконниковъ вздрогнулъ и насторожился. Что-то знакомое для него было въ разсказѣ художника.

— Ну?.. — чуть не крикнулъ онъ. — Что же дальше?

— А дальше, стряслась надъ дѣвушкой бѣда. Собственно не бѣда, а такъ... Я даже не знаю: какъ это назвать! По моему, просто дѣвченка пошалила! Перенесъ ее гдѣ то черезъ лужу студентъ. И нужно же было случиться, что въ это время по улицѣ ѣхалъ женихъ и...

Иконниковъ вскочилъ со стула, блѣдный какъ полотно. И казалось ему, что онъ летитъ въ какую-то бездну, и словно откуда-то издалека долетаютъ до него слова Спириденко.

— Женихъ пріѣхалъ къ ея родителямъ и, говорятъ, отказался жениться. Что съ вами, молодой человѣкъ? — вдругъ привсталъ художникъ. — Вамъ... дурно?..

Къ Иконникову подбѣжали товарищи и усадили

его на диванъ. А онъ смотрѣлъ на нихъ блуждающими глазами и бормоталъ, какъ во снѣ:

— Нѣтъ... нѣтъ... я ничего!.. Право же ничего!.. Боже мой, какъ все это ужасно!..

— Дай ему воды, Филатовъ!..—крикнулъ Рудзевичъ.

Но Иконниковъ уже пришелъ въ себя.

— Не надо,—сказалъ онъ, откидывая дрожащей рукой со лба волосы.—Меня просто взволновала вся эта исторія! Уже прошло!

Онъ всталъ, оправилъ тужурку и спросилъ Спириденко, стараясь придать своему голосу спокойный тонъ:

— Вы говорите: ее сегодня хоронятъ? Гдѣ?

— Отпѣваютъ въ церкви Рождества Палаши, что въ Палашевскомъ переулкѣ. А хоронить гдѣ будутъ—не знаю!

— Я пойду, немного пройдусь!..—сказалъ Иконниковъ.—У меня ужасно начала болѣть голова, можетъ, улица меня освѣжитъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ?—поднялся Филатовъ.

Иконниковъ подумалъ.

— Пойдемъ, пожалуй!..

Студенты вышли изъ номера.

— Что это съ нимъ?—спросилъ Спириденко.—Ужъ не онъ ли переносилъ ее?

— Все можетъ быть, — отвѣтилъ Рудзевичъ.—А впрочемъ, какое намъ дѣло!

Минутъ черезъ пять Спириденко ушелъ, занявъ у Рудзевича двугривенный. Ушелъ вскорѣ и Прохоровъ, и Рудзевичъ остался одинъ. Походилъ немного по номеру, потомъ подошелъ къ окну и сталъ

кормить черезъ форточку крошками хлѣба голубей. И не слышалъ, какъ въ номеръ кто то вошелъ.

— Казимiръ Францевичъ!..

Рудзевичъ оглянулся и увидѣлъ Розу Самойловну. Она стояла около стола и улыбалась.

— Чѣмъ это вы занимаетесь?

— Да вотъ, кормлю птичекъ божьихъ. Присаживайтесь.

Курсистка присѣла.

— Такъ вы раздѣвайтесь! Снимайте шляпку, кофточку!

— Нѣтъ, нѣтъ... я не надолго!.. Я зашла попросить у васъ послѣднiй альманахъ. У васъ, кажется, былъ.

— Къ сожалѣнiю, его вчера взялъ Прохоровъ. Но какъ только принесетъ, я вамъ дамъ.

Она поглядѣла на столъ и укоризненно покачала головой.

— А вы все пьете?

Рудзевичъ ходилъ по комнатѣ.

— Какъ видите!

— И бросить не можете?

— Не могу!

— Вотъ какъ! А если бы,—по лицу курсистки пробѣжала судорога,—если бы я васъ попросила бросить?..

— Не получилось бы никакого результата!..

Она вспыхнула...

— Ну... а если бы васъ попросила объ этомъ... любимая вами дѣвушка?..

— У меня такой нѣтъ!

Рудзевичъ отвѣчалъ рѣзко, словно откалывая

топоромъ фразы. Очевидно, ему было непріятенъ этотъ разговоръ.

На глаза курсистки набѣжали слезы. Она незамѣтно смахнула ихъ и поднялась.

— До свиданія. Такъ пожалуйста: когда Прохоровъ принесетъ альманахъ,—я первая кандидатка.

Рудзевичъ подошелъ къ ней.

— Обязательно. Куда же вы? Посидите.

— Нѣтъ, мнѣ пора! Вѣдь я только на минуточку!

Она пожала ему руку и вышла. Рудзевичъ сдѣлалъ стремительное движеніе къ двери, словно желая воротить курсистку, но остановился, а затѣмъ опять зашагалъ по номеру. И глубокая складка легла у него между бровями.

VII.

Собственно, Иконниковъ началъ раскаиваться, что принялъ предложеніе Филатова идти вмѣстѣ. Онъ имѣлъ намѣреніе пройти въ церковь, гдѣ отпѣваютъ несчастную дѣвушку, въ смерти которой,—хоть косвенно,—студентъ былъ виноватъ. Взять же съ собой Филатова—значило посвятить его во всю эту драму, чего Иконникову вовсе не хотѣлось.

И потому, онъ ужасно обрадовался, когда Филатовъ, выйдя съ нимъ изъ номеровъ, началъ прощаться.

— Куда же ты?..

— Въ Петровско-Разумовское! Тамъ у одного

студента на квартирѣ сходка. Я нарочно вышелъ съ тобой, чтобы Рудзевичъ не догадался, куда я иду!..

— А что тебѣ Рудзевичъ: нянька, что ли?

— Не нянька, но онъ взялъ съ меня слово на нелегальныхъ сходкахъ не участвовать. Выйди я одинъ, онъ началъ бы допытываться: куда... зачѣмъ. Врать я не умѣю и пришлось бы сказать.

— Смотри: не влопайся въ какую-нибудь грязную исторію?

— Не влопаюсь! Вѣдь это почти въ лѣсу! Тамъ полицію кричи—не докричишься!..

Студенты разстались: Филатовъ пошелъ по Тверскому бульвару, а Иконниковъ свернулъ въ переулокъ. По правдѣ сказать: до сихъ поръ онъ не пришелъ въ себя отъ того, что услышалъ отъ Спириденко. И только теперь, по дорогѣ въ церковь, онъ понемногу началъ взвѣшивать происшедшее и ужаснулся. Такъ неужели умерла эта дѣвушка? Не можетъ быть. Но почему?.. Вѣдь это былъ пустякъ, обыкновенная шалость. Развѣ нужно было искупать ее смертью?

Въ концѣ переулка онъ увидѣлъ на пригоркѣ церковь, а передъ ней бѣлый катафалкъ съ четырьмя лошадьми въ попонахъ. Когда же подошелъ къ паперти—на ступенькахъ ея сидѣло человѣкъ шесть, одѣтыхъ въ бѣлыя, не первой свѣжести, ливреи, въ такихъ же цилиндрахъ. Они о чемъ-то спорили, даже ругались. Иконниковъ прошелъ мимо нихъ съ отвращеніемъ: до того лица всѣхъ шестерыхъ были отталкивающи. У самаго входа въ церковь была прислонена къ стѣ-

нѣ бѣлая гробовая крышка, такая маленькая, что можно было подумать, что хоронятъ подростка. Двѣ старухи—тоже съ отвратительными лицами—протянули Иконникову скрюченные, костлявые пальцы, и студентъ бросилъ имъ какую то мелочь, которую онѣ тутъ же, ругаясь, начали дѣлить...

Литургія уже окончилась и въ церкви почти не было народа. И только вдали у главнаго амвона, гдѣ стоялъ гробъ, толпилась кучка провожающихъ покойницу.

Иконниковъ подошелъ къ гробу и заглянулъ... Да, это была она... та милая, веселая дѣвушка, которую онъ въ ясный солнечный день перенесъ черезъ улицу! И та же улыбка, которую онъ видѣлъ тогда около своего лица, казалось, застыла сейчасъ на ея маленькомъ восковомъ лицѣ. И лежала она, глубоко уйдя головой въ подушку, съ бумажнымъ вѣнчикомъ на челѣ, усыпанная живыми цвѣтами... Лежала, не подозрѣвая, что около нея стоитъ тотъ, кто волею непонятнаго рока встрѣтился на ея жизненномъ пути,—встрѣтился невѣдомый, непрошенный и привелъ ее къ ранней могилѣ!

Иконниковъ отошелъ отъ гроба и началъ разсматривать провожающихъ. Впереди всѣхъ стоялъ небольшого роста, пожилой, полный человѣкъ съ большой лысиной. Одѣтъ онъ былъ какъ одѣвается большинство людей средняго достатка: въ темную пиджачную пару и на жилетѣ носилъ толстую золотую цѣпь съ брелками. Полное лицо его было печально, онъ поминутно вздыхалъ, нервно щипалъ небольшую козлиную бородку и размашисто крестился. Иногда онъ бросалъ взгляды

на покойницу... И тогда носъ его краснѣлъ и глаза дѣлались влажными...

Позади него, на стулѣ, сидѣла пожилая женщина, въ черномъ. Сидѣла согнувшись, словно переломившись на двое, безпомощно вытянувъ на колѣняхъ блѣдныя руки, зажавшія мокрый платокъ... Она не плакала, но, смотря на нее, студенту хотѣлось плакать: такого безысходнаго горя онъ никогда не видѣлъ на человѣческомъ лицѣ. Будто умерла и она тоже, и если и смотрятъ еще ея выплаканные глаза и поднимается судорожно грудь, то только по какому-то недоразумѣнію...

Изрѣдка къ ней наклонялась молодая, плачущая женщина и что то ей шептала, прикладывая къ глазамъ платокъ. Но сидѣвшая на стулѣ не оборачивалась, вяло качала головой и еще ниже пригибалась... Были тутъ и женщины, и мужчины, старые и молодые, съ печальными и съ безразличными лицами. И въ этой толпѣ Иконниковъ старался угадать жениха, но ни на комъ не могъ остановиться. И вдругъ у лѣваго придѣла онъ увидѣлъ молодого человѣка, съ форменной фуражкой въ рукѣ. Тотъ стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, и по его блѣдному лицу текли слезы.

— Женихъ!..—мелькнуло у Иконникова;—да... да,—продолжалъ догадываться онъ, вглядываясь въ фуражку:—учитель!

Изъ алтаря вышло духовенство въ облаченіяхъ и началось отпѣваніе. Иконниковъ вышелъ въ церковную ограду. Напрасно онъ старался себя успокоить тѣмъ, что въ данномъ случаѣ судьба выбрала его только слѣпымъ орудіемъ—какой-то впу-

тренній голосъ кричалъ ему, что это неправда, что единственнымъ виновникомъ всей этой исторіи является онъ, Иконниковъ.

Особенно волновала его мысль о томъ, что несчастная дѣвушка сошла въ могилу, быть можетъ, опороченная въ глазахъ своихъ родителей и жениха. Студентъ былъ увѣренъ, что на этой-то почвѣ и разыгралась вся трагедія.

Расхаживая около церкви, Иконниковъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ему необходимо переговорить съ женихомъ. Пусть хоть у того разсѣется всякое подозрѣніе и память покойницы не будетъ въ его глазахъ ничѣмъ омрачена.

Отпѣваніе кончилось. Родственники вынесли заколоченный гробъ и шестеро пропоицъ, въ бѣлыхъ ливреяхъ, установили его на катафалкъ. Процессія тронулась; за гробомъ вели подъ руки пригибающуюся къ землѣ, громко рыдавшую женщину, сидѣвшую въ церкви на стулѣ, а потомъ шли провожающіе. Пошелъ вдали и Иконниковъ не теряя изъ виду учителя. Когда процессія вышла изъ переулка, студентъ прибавилъ шагу, догналъ учителя и шелъ нѣсколько секундъ съ нимъ рядомъ.

И, наконецъ, обратился къ нему:

— Простите... Но вы были, кажется, женихомъ покойницы?

Учитель поднялъ голову и сначала безсмысленно посмотрѣлъ на студента. А потомъ подозрительно вглядѣлся въ его лицо и отвѣтилъ рѣзко и озлобленно:

— А вамъ то какое дѣло... господинъ студентъ!

Иконниковъ почувствовалъ, что краска залива-

етъ ему лицо. Онъ не ожидалъ грубаго тона. Хотѣлъ было отвѣтить тоже рѣзкостью и отойти. Но подумалъ и остался.

— Я не хочу касаться вашей раны!..—сказалъ Афанасій Петровичъ, почти нѣжно.—Но... вы... узнали меня?..

Учитель вздрогнулъ и выпрямился. Впился глазами въ лицо студента и вдругъ опять какъ то съежился и поникъ головой.

— Такъ это вы?..—сказалъ онъ, не глядя.— Впрочемъ, я васъ тогда не видалъ... я видѣлъ только ее!.. Что же вамъ нужно?—тихо спросилъ онъ послѣ паузы.—Зачѣмъ вы пришли?

Афанасій Петровичъ взялъ его за рукавъ...

— Клянусь Богомъ, что я видѣлъ ее тогда первый разъ въ жизни!—горячо воскликнулъ студентъ.—Я даже и сейчасъ не знаю ни ея имени, ни фамиліи!.. Это была шалость... обыкновенная ребяческая шалость двухъ случайно встрѣтившихся молодыхъ людей!

Искренность его тона не подлежала сомнѣнію. Учитель искоса глядѣлъ на студента и о чемъ то думалъ.

— Пойдемъ медленнѣе... — вдругъ сказалъ онъ.—Вы вѣдь никуда не спѣшите?

— Нѣтъ! Я спеціально пришелъ повидаться съ вами и все вамъ разсказать!

— Благодарю васъ!

Они пошли тише. Иконниковъ началъ было разсказывать про случай у Никитскихъ воротъ, но учитель его перебилъ.

— Одну минуту! Раньше всего я задамъ вамъ

два вопроса. Позволите?

— Пожалуйста!

— Вотъ вы говорите, что не знаете даже и сейчасъ ни имени, ни фамиліи покойницы? Но откуда же вы узнали, напримѣръ, что она умерла, что ее хоронятъ сегодня и даже: гдѣ хоронятъ? Погодите...—остановилъ онъ хотѣвшаго отвѣтить студента...—Откуда вы узнали, что я ея женихъ, да и вообще: откуда вамъ все извѣстно?

Иконниковъ обстоятельно отвѣтилъ, и учитель, очевидно, успокоился. По крайней мѣрѣ онъ уже менѣе подозрительнымъ тономъ сказалъ:

— Ну, теперь разскажите... Какъ это вышло?

Афанасій Петровичъ разсказалъ и они шли нѣкоторое время молча.

— Кто могъ подумать, — покачалъ учитель грустно головой.—Знай я это все раньше, я поступилъ бы совершенно иначе! Но войдите и въ мое положеніе: почти наканунѣ свадьбы я вижу, что мою будущую жену кто то несетъ по улицѣ на рукахъ! Вскипѣло, признаться, у меня. Пріѣхалъ и разсказалъ ея родителямъ...

— Но почему же вы не поговорили прежде всего съ нею?..—воскликнулъ Афанасій Петровичъ.

— Судьба... Когда я пріѣхалъ къ нимъ, она была, кажется, у портнихи. Мнѣ бы подождать ее, разспросить. Но у меня такъ клокотало все внутри... такъ клокотало... Я и брякнулъ. Обидно было мнѣ тогда!—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Считалъ, что издѣвается она надо мной... обманываетъ!.. На бѣду ѣхалъ тогда я не одинъ, а со своимъ буду-

щимъ шаферомъ... Онъ, собственно, и указалъ мнѣ на васъ, когда вы ее переносили!..

Учитель замолчалъ и задумался...

— Почему же она покончила съ собой?..—спросилъ Иконниковъ.—Развѣ нельзя было все это уладить? Или, можетъ быть, ее родители... чѣмъ-нибудь обидѣли?

Отвѣта онъ не получилъ. Прошли молча шаговъ двѣсти.

— Вы пойдете на кладбище?.. — спросилъ вдругъ учитель.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!.. Моя миссія, собственно, закончена!

— Да... да... конечно! Ну, спасибо вамъ!.. — вдругъ протянулъ онъ студенту руку.—Вы сняли съ моей души большой камень! Вѣдь я бы всю жизнь думалъ, что она мнѣ измѣняла!..

Онъ остановился и взялъ студента за пуговицу.

— Вотъ что!.. Вы позволите къ вамъ какъ-нибудь зайти? Вы скажете мнѣ свой адресъ?

— Пожалуйста! Буду очень радъ!

Иконниковъ подалъ ему свою визитную карточку.

Учитель прочелъ ее и спряталъ въ карманъ.

— Спасибо! Я даже, можетъ быть, сегодня зайду. Вы будете вечеромъ дома?

— Буду!

— Вотъ я и зайду! Простите, — спохватился онъ:—у меня съ собой карточки нѣтъ! Но я такъ: учитель Гіацинтовъ!

Лицо его немного прояснилось. Онъ пожалъ крѣпко руку Иконникову и побѣжалъ догонять процессію.

Иконниковъ отправился въ нормальную столовую, пообѣдалъ и пошелъ бродить по улицамъ. Весна постепенно, но замѣтно вступала въ свои права. Улицы очистились отъ снѣга, бурныхъ потоковъ нигдѣ уже не было и навстрѣчу попадались люди въ весеннихъ костюмахъ. Мимо Охотнаго ряда прогнали цѣлую толпу студентовъ, окруженную плотнымъ кольцомъ городовыхъ. Городовые шагали съ нахмуренными лицами, съ сознаніемъ важности того долга, который они выполняютъ. А студенты шли, вплетая въ шумъ улицы гулъ молодыхъ голосовъ и звонкаго, безмятежнаго смѣха...

На тротуарахъ останавливались прохожіе и почти всѣ сочувственно смотрѣли имъ вслѣдъ. И только одинъ, съ мясистымъ какъ у бульдога лицомъ, смахивающій на купца, плюнулъ и крикнулъ, грозя сучковатой палкой:

— Смѣетесь?.. Шарлатаны!.. сволочь!..

До Иконникова долетѣла эта ругань, и у него явилось безумное желаніе подойти и дать этому хулигану по физіономіи. Но одумался и пошелъ дальше.

Вернулся онъ домой къ вечеру, просидѣлъ съ самоваромъ до десяти часовъ, поджидая учителя. И рѣшилъ, наконецъ, что тотъ сегодня не придетъ. И только хотѣлъ идти за перегородку ложиться, какъ въ дверь раздался довольно сильный стукъ.

— Войдите!.. крикнулъ Афанасій Петровичъ.

Дверь отворилась и на порогѣ появился Гіацинтовъ. Онъ былъ такъ пьянъ, что еле держался на ногахъ, но все-таки прошелъ въ номеръ и спросилъ:

— Можно у васъ... посидѣть пять минутъ?..

Иконниковъ пододвинулъ ему кресло.

— Пожалуйста!.. раздѣвайтесь!

Учитель долго балансировалъ, снимая пальто. Наконецъ, при помощи студента, снялъ его и даже повѣсилъ на вѣшалку. А потомъ плюхнулся въ кресло и посмотрѣлъ мутными глазами на столъ.

— Само-варъ?.. а во... водки... нѣ-ѣтъ?..

— Я не пью!.. — сказалъ спокойно Иконниковъ...—Да и вамъ, кажется, сегодня не слѣдовало бы!..

Учитель пьяно улыбнулся...

— Мда!.. конечно!.. я сегодня... какъ говорится, пьянъ!.. Пьянъ! взвизгнулъ онъ плаксиво...— Похоронили ее... голубку Зиночку!..

Иконниковъ молчалъ, а Гіацинтовъ продолжалъ, раскачиваясь въ креслѣ:

— Закоо... пали... въ сырую землю... Навсегда... Чистую голубку... мученицу.

Онъ наклонился къ Афанасію Петровичу, обдавая его запахомъ водки.

— А вѣдь я... тогда утаилъ... Помните: про родителей?.. Вѣдь отецъ то... этотъ... полный съ лысиной... Билъ ее... ей Богу... Всегда билъ... Еще до этого случая...

— Да неужели?..—ужаснулся Иконниковъ.

— Говорю: ей Богу, значитъ вѣрно... А въ тотъ вечеръ... при мнѣ избилъ... На моихъ глазахъ...

— И вы... не заступились?!.

Учитель безсмысленно на него посмотрѣлъ.

— Почему же вы не заступились?..—переспро-

силъ негодующій Иконниковъ.—Вѣдь при васъ били женщину?..

— Не заступился... Потому что... я... я... скотъ....

Онъ вдругъ началъ бить себя кулакомъ въ грудь...

— Мерзавецъ я... подлецъ, хотя и... интеллигентъ... сукинъ сынъ... Я тебѣ больше скажу...—вдругъ перешелъ онъ на «ты»...—Я радовался, когда онъ ее билъ... Понимаешь: радовался, какъ послѣдняя сволочь... Думалъ, что измѣняетъ мнѣ... Такъ на же, молъ, тебѣ: тебя бьютъ... а я, ин...и-интеллигентъ, радуюсь...

Онъ началъ плакать мелкими, пьяными слезами... Говорилъ о своей любви къ покойницѣ, о томъ, какъ мечталъ вырвать ее изъ этой атмосферы. Клялся, что онъ передовой, что стоитъ за равноправіе женщины.

Потомъ его начало тошнить и Иконниковъ провозился съ нимъ болѣе часа, обливая его голову холодной водой и давая ему нюхать нашатырный спиртъ.

Заснулъ онъ въ этомъ же креслѣ, уронивъ голову на руки, брошенныя на столъ.

И храпѣлъ до самаго утра, мѣшая спать Иконникову.

VIII.

Утромъ учитель ушелъ. Иконниковъ еще не проснулся, и Гіацинтовъ, крадучись и озираясь по сторонамъ, на цыпочкахъ, осторожно, вышелъ

изъ номера. Проснувшись, студентъ не нашелъ уже его въ номерѣ.

Иконниковъ всталъ, не спѣша одѣлся, вымылся, позвалъ коридорнаго и приказалъ тщательно вымыть полъ и провѣтрить номеръ, въ которомъ стоялъ запахъ виннаго перегара. И пока номэръ прибираютъ, рѣшилъ пройти къ Рудзевичу.

Казиміръ Францевичъ былъ одинъ, съ неизмѣнной бутылкой водки на столѣ, сумрачный и чѣмъ то разстроенный. Ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголъ и на ходу бросилъ Иконникову:

— Присаживайтесь. Если хотите чаю—прикажите подать самоваръ. Когда я одинъ, мнѣ онъ не требуется.

Тутъ только Иконниковъ замѣтилъ отсутствіе Филатова.

— А гдѣ же Филатовъ?—спросилъ онъ.

Рудзевичъ повернулъ къ нему голову, остановился и заложилъ руки въ карманы брюкъ.

— Позвольте мнѣ васъ, коллега, спросить: гдѣ Филатовъ?.. Вы же съ нимъ вышли, а не я!

Иконниковъ почувствовалъ, что попалъ въ неловкое положеніе и что нужно солгать, чтобы не подвести Филатова.

И онъ отвѣтилъ, съ дѣланнымъ удивленіемъ:

— Ей Богу не знаю, гдѣ онъ!.. Вышли мы вмѣстѣ, а потомъ онъ простился со мной и пошелъ. Мнѣ онъ сказалъ, что идетъ по дѣлу.

— Странно!..—Рудзевичъ опять заходилъ по номеру.—Я, видите ли, боюсь одного: Филатовъ—мальчишка и не умѣетъ управлять своими страстями. И я увѣренъ, что онъ полѣзъ на какую-ни-

будь нелегальную сходку. Конечно, это дѣло его... Живи онъ одинъ — пускай нарывается на какую хочетъ исторію. Но онъ живетъ со мной и знаетъ прекрасно, что за мной слѣдятъ. Случись что — первымъ долгомъ ко мнѣ явятся!

Положеніе Иконникова становилось сквернымъ. Онъ былъ теперь между двухъ огней: покрывая Филатова, онъ, тѣмъ самымъ, подводилъ Рудзевича. Приходилось дѣйствовать дипломатично:

— А вы бы, Рудзевичъ, на всякій случай приняли мѣры...—сказалъ онъ, подумавъ... —Мало ли что можетъ случиться: вдругъ Филатова арестовали?

Иконниковъ уже не сомнѣвался, что это такъ именно и случилось.

— Вы посмотрите: одиннадцатый часъ, а его еще нѣтъ. Право, что то подозрительно!..

— Мнѣ нечего принимать мѣры. У меня здѣсь ничего нѣтъ. Но меня просто впутаютъ въ исторію съ Филатовымъ... Они ждутъ только предлога!..

Иконниковъ посидѣлъ еще съ полчаса, а потомъ пошелъ къ себѣ. Номеръ его былъ уже прибранъ, онъ напился чаю и рѣшилъ пойти въ университетъ.

Еще издали, подходя къ университету, Иконниковъ увидѣлъ, что и сегодня пришелъ напрасно: вся Моховая была запружена полиціей и мимо нея, какъ сквозь строй, проходили кучки студентовъ. Опять, какъ и вчера, студенты шли съ веселыми лицами, остря и перекидываясь ироническими фразами, а на нихъ глядѣли хмурыя лица

городовыхъ, съ застывшей готовностью, по первому знаку начальства, произвести любую репрессію.

Попадались студенты и съ возбужденными лицами, настроенные демонстративно.

На углу Воздвиженки загремѣла вдругъ пѣсня, подхваченная сотней молодыхъ голосовъ... Конные городовые вонзили шпоры въ бока гарцующихъ коней и понеслись карьеромъ... Пѣсня оборвалась, демонстранты разсѣялись и атака городовыхъ пропала...

Рядомъ съ Иконниковымъ стояла какая то, прилично одѣтая, старушка. Она не успѣла посторониться, и лошадь прижала ее къ стѣнѣ дома. Старуха отчаянно закричала, но городовой, не обращая вниманія, продолжалъ осаживать лошадь.

Иконниковъ возмутился и ударилъ кулакомъ лошадь по заду такъ, что та шарахнулась съ тротуара. Но маневръ студента былъ замѣченъ и его сейчасъ же схватили. Можетъ быть, онъ былъ бы даже избитъ, потому что повернувшій лошадь городовой выругался и поднялъ надъ студентомъ нагайку, но ударъ остановилъ подбѣжавшій помощникъ пристава.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ у одного изъ, державшихъ Иконникова, городовыхъ.

— Сопротивленіе полиціи, ваше бро-діе,—отрапортовалъ тотъ, дѣлая подъ козырекъ.—Ударилъ лошадь!

— Да... ударилъ!.. — крикнулъ Иконниковъ, полный негодованія.—Но ударилъ потому, что она чуть было не задавила какую-то даму...—Надо смотрѣть: на что лѣзешь!..

— Прошу замѣчаній не дѣлать,—сухо сказалъ полицейскій и сдѣлалъ жестъ.—Взять!

Иконникова довольно грубо толкнули въ спину и повели. На углу Никитской его сдали конвою изъ городовыхъ который охранялъ кучку студентовъ, человѣкъ въ двадцать. Минутъ черезъ десять привели еще партію студентовъ, всѣхъ ихъ сбили вмѣстѣ и повели, окруживъ нарядомъ полиціи.

Иконниковъ былъ страшно возмущенъ. Какое-то озлобленіе наростало постепенно въ его груди и ему хотѣлось громко кричать о несправедливости. Но онъ сознавалъ, что это было безполезно и только бы повліяло на дальнѣйшее, и потому шелъ молча, кусая отъ негодованія губы. Неловко онъ себя чувствовалъ въ томъ положеніи, въ которомъ очутился. Идти подъ конвоемъ полиціи, среди бѣлаго дня, по шумной улицѣ, ему приходилось въ первый разъ въ жизни, и казалось, что всѣ взгляды прохожихъ и проѣзжающихъ останавливаются именно на немъ, котораго какъ преступника ведутъ подъ конвоемъ. Но, бросивъ исподлобья взглядъ на ближайшій тротуаръ, студентъ успокоился: будто одно неразрывное звено сковало всѣхъ этихъ студентовъ съ шумной улицей и Иконниковъ видѣлъ, какъ эта улица страдала однимъ общимъ страданіемъ, переживала то же, что переживаютъ студенты. И даже молчаливыя, затворенныя окна нахмуренныхъ домовъ глядѣли грустно, своими прозрачными впадинами, и отражали, въ холодномъ стеклѣ, тоску молодой души....

Привели студентовъ въ Арбатскую часть. Боль-

шинство ихъ куда то сейчасъ же увели, а нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и Иконникова, оставили для составленія протокола. И когда дошла очередь до Иконникова и онъ обстоятельно разсказалъ приставу, за что его взяли,—тотъ покрутилъ усы и сказалъ околоточному:

— Составьте протоколъ и отпустите.

Возвратясь домой, Иконниковъ прошелъ было къ Рудзевичу справиться о Филатовѣ, но номеръ Рудзевича былъ запертъ и корридорный сказалъ, что Казиміръ Францевичъ съ утра ушелъ въ городъ и еще не возвращался.

Не видѣлъ корридорный и Филатова.

Дома Иконникову не хотѣлось оставаться. Слишкомъ кипѣло въ груди и назрѣвала потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться пережитымъ. И вдругъ вспомнилъ Розу Самойловну и рѣшилъ, что нужно пойти сейчасъ же къ ней, разсказать ей все, спросить у нея совѣта.

Но какъ найти Розу Самойловну, когда онъ не знаетъ, гдѣ она живетъ? Слышалъ онъ какъ-то мелькомъ отъ Филатова, что курсистка живетъ гдѣ то въ номерахъ, на Цвѣтномъ бульварѣ, но въ какихъ номерахъ — Филатовъ такъ и не сказалъ.

Иконниковъ рѣшилъ, что «языкъ доведетъ до Кіева», и пошелъ. Дошелъ до Цвѣтного бульвара и вошелъ въ первые же номера. Навстрѣчу ему вышелъ заспанный, плутоватаго вида, корридорный и на вопросъ студента: здѣсь ли живетъ курсистка Роза Самойловна? вдругъ глупо хихикнулъ:

— Чиво?.. Дѣвочка Роза, дивствительно, у насъ обитаютъ!.. А другой что-то не слыхали...

— То-есть какъ: дѣвочка!..—крикнулъ студентъ.—Какая дѣвочка?..

Корридорный смутился и переминался съ ноги на ногу.

— Извѣстно: какія бываютъ дѣвочки... Примѣрно, гулящія...

Иконниковъ рѣшилъ, что, очевидно, онъ не туда попалъ, и только было повернулся, чтобы выйти, какъ дверь съ улицы отворилась и вошла Роза Самойловна. Увидѣвъ Иконникова, она страшно смутилась, густо покраснѣла, но потомъ быстро овладѣла собой.

— Здравствуйте, — уже спокойно сказала она, протягивая студенту руку.—Вы ко мнѣ?

Иконниковъ смутился не менѣе ея. Будто поймала она его на какомъ-нибудь некрасивомъ поступкѣ. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ того, что услышалъ отъ корридорнаго, и растерялся, не зная, что ему теперь дѣлать...

— Да, къ вамъ,—пробормоталъ онъ смущенно.— Вы позволите къ вамъ зайти на минуту? У меня есть дѣло.

— Пожалуйста!.. Пойдемте наверхъ...

Она обернулась къ корридорному:

— Василій!.. Принесите мнѣ самоваръ...

Придя къ ней въ номеръ, Иконниковъ началъ извиняться...

— Вы, ради Бога простите, что я зашелъ... Но, когда я вамъ разскажу все, вы поймете, что это такъ естественно.

— Не говорите глупостей,—строго сказала кур-

систка.—Разъ пришли — значитъ нужно. Раздѣвайтесь и разсказывайте!

Иконниковъ снялъ пальто, присѣлъ на диванъ и разсказалъ Розѣ Самойловнѣ происшествіе сегодняшняго дня. Та слушала молча, улыбаясь краями губъ. И когда студентъ окончилъ, она посмотрѣла на него не то съ сожалѣніемъ, не то—укоризненно.

— Не знаю, чего вы такъ возмущаетесь? То, что произошло съ вами сегодня, случается со многими.

Иконниковъ пожалъ плечами, а Роза Самойловна добавила:

— Погодите: не то еще съ вами будетъ! Стоитъ вамъ только ближе приглядѣться къ окружающей обстановкѣ, исчезнетъ ваша «безпартійность».

— Она уже поколеблена.

— Развѣ?..

— Увѣряю васъ... За эти дни я прямо не узнаю себя. Будто ходитъ въ моей оболочкѣ кто то другой, болѣе чуткій и сознательный.

— Это дѣлаетъ вамъ честь!

— Да... но этимъ я обязанъ вамъ...

— Полноте! Вы мнѣ приписываете слишкомъ много. Ну, да перестанемъ объ этомъ говорить! Скажите лучше: видѣли вы Рудзевича?

Иконниковъ разсказалъ про исчезновеніе Филатова, про тревогу Рудзевича и высказалъ опасеніе, что Филатовъ арестованъ.

Курсистка встревожилась.

— Это будетъ непріятно! Жаль, конечно, Филатова, но могутъ быть скверныя послѣдствія и для Рудзевича.

Внесли самоваръ. Роза Самойловна занялась хозяйствомъ, а Иконниковъ смотрѣлъ на нее и думалъ о томъ чудовищномъ, что сказалъ про нее внизу коррилорный.

Нѣтъ, тутъ какое нибудь страшное недоразумѣніе. Надо ей открыть глаза. Положеніе студента было ужасное. Онъ былъ увѣренъ, что корридорный пьянъ и не сознавалъ, что говоритъ. Но какъ сказать это Розѣ Самойловнѣ? Въ какомъ видѣ онъ, наконецъ, это ей скажетъ? А не сказать—значитъ предоставить этому нахальному мужику чернить ее направо и налѣво. Хорошо еще, что онъ нарвался на Иконникова, который болѣе или менѣе курсистку знаетъ. Но вѣдь онъ можетъ такъ сказать про нее и первому встрѣчному!

— У васъ, кажется, вашъ корридорный вѣчно пьянъ? — спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

Роза Самойловна удивилась.

— Неужели? А я, признаться, не знала даже, что онъ пьетъ. А почему вы это думаете?

— Да онъ такія вещи говоритъ... Я бы на вашемъ мѣстѣ положилъ этому конецъ...

Курсистка слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Я васъ не понимаю... Про кого же, напримѣръ, онъ говоритъ?..

— Про васъ...

Роза Самойловна въ это время вытирала полотенцемъ стаканъ. И вдругъ Иконниковъ увидѣлъ, какъ вспыхнуло ея лицо и какъ потомъ будто застыло и сдѣлалось каменнымъ. И въ упоръ глядя

на студента, она сказала спокойнымъ, ледянымъ голосомъ:

— Я догадалась. Онъ говорилъ про меня, что я проститутка? Онъ сказалъ почти правду.

Иконниковъ остолбенѣлъ. Будто ледяной водой окатили его съ головы до ногъ, до того ему сдѣлалось вдругъ холодно. Широкими, полными ужаса, глазами смотрѣлъ онъ на курсистку.

— Видите ли, Афанасій Петровичъ? Я вынуждена жить по такому документу, иначе меня, какъ еврейку, сейчасъ же выселятъ!

Это былъ для Иконникова какой-то новый кошмаръ. Онъ еще плохо разбирался въ томъ, что сказала ему сейчасъ курсистка, но чувствовалъ, что здѣсь происходитъ нѣчто такое, отчего должна застыть кровь человѣческая.

— Это было нужно... — продолжала курсистка, совершенно спокойно.—Наука требуетъ иногда маленькихъ жертвъ... Вы плачете?—вскрикнула она, приподнимаясь.

Иконниковъ махнулъ рукой и вдругъ сорвался съ мѣста, схватилъ фуражку и пальто съ вѣшалки и выбѣжалъ въ коридоръ. Затѣмъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, на ходу одѣвая пальто, и, едва сдерживая рыданія, вышелъ стремительно на улицу.

На улицѣ было уже темно. Газовые фонари тускло отсвѣчивались на сырости тротуара и на Иконникова надвигалась далекая ночная тьма. Онъ прислонился къ стѣнѣ и долго смотрѣлъ тупымъ взоромъ на мостовую. Мимо него шли прохожіе и нѣкоторые изъ нихъ останавливались, подозрительно смотрѣ-

ли на студента и шли дальше, покачивая укоризненно головой...

Наконецъ, Иконниковъ пришелъ въ себя, надвинулъ глубже на глаза фуражку и пошелъ. И долго шелъ онъ безъ всякой намѣченной цѣли, сознавая, что его собственная обида смѣшна и ничтожна въ сравненіи съ великой обидой этой маленькой еврейки.

Вернулся онъ домой довольно поздно, и открылъ ему парадную дверь не швейцаръ, какъ обыкновенно, а городовой.

Иконниковъ сразу сообразилъ, что тутъ что-то неладно, но не подалъ виду и поднялся наверхъ. Къ его удивленію, дверь его номера оказалась открытой и, войдя, онъ увидѣлъ жандармскаго офицера, полицію и двухъ штатскихъ, сидѣвшихъ, при свѣтѣ лампы на диванѣ и на стульяхъ.

— Студентъ Иконниковъ?..—вѣжливо спросилъ жандармскій офицеръ, въ отвѣтъ на удивленный взглядъ.

— Да...

— Простите, что мы безъ васъ... Но вотъ—жандармъ протянулъ ордеръ—приказано произвести у васъ обыскъ.

Иконниковъ пожалъ плечами.

— Сдѣлайте одолженіе!.. Но на основаніи чего?.. Я ни въ чемъ не замѣшанъ.

Офицеръ загадочно улыбнулся...

— Я не сомнѣваюсь... Но... вы сами знаете: я исполняю только приказаніе.

— Я вамъ дамъ сейчасъ ключи отъ комода и стола...—сказалъ студентъ, вѣшая пальто.

— Не безпокойтесь. Все уже закончено. А вотъ вы... напрасно раздѣваетесь.

— А что?

— Вамъ придется ѣхать со мной. Въ ордерѣ это тоже говорится.

Студентъ надѣлъ опять пальто, и всѣ вышли. У подъѣзда стоялъ извозчикъ и на него любезно указалъ жандармскій офицеръ. И, когда Иконниковъ сѣлъ—офицеръ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ и они поѣхали. Пробовалъ было студентъ по дорогѣ заговаривать съ жандармомъ, узнать куда его везутъ,—тотъ настолько уклончиво отвѣчалъ, что разспрашивать дальше было безполезно.

Привезли Иконникова во дворъ какого-то мрачнаго зданія въ переулкѣ, провели въ маленькую, узкую дверь, затѣмъ длиннымъ корридоромъ и ввели въ просторную комнату, съ кожанымъ диваномъ и лакированнымъ деревяннымъ столомъ.

— До утра вы побудете здѣсь...—мягко и словно извиняясь сказалъ студенту жандармскій офицеръ.—Здѣсь можно спать: на диванѣ есть кожаная подушка...

Жандармъ устало улыбнулся и исчезъ за дверью, Иконниковъ остался одинъ и началъ осматриваться. Комната была квадратная, въ два окна, и на обоихъ студентъ замѣтилъ рѣшетки. Съ потолка спускалась электрическая лампа, но она была на такой высотѣ, что ее нельзя было достать рукой.

Афанасій Петровичъ сѣлъ на диванъ и началъ думать о причинахъ своего ареста. И вдругъ началъ догадываться... Да... да... не могло быть никакого сомнѣнія: его арестъ находится въ связи

съ исчезновеніемъ Филатова. Очевидно, Филатова тоже арестовали. Но причемъ тутъ онъ,—Иконниковъ? Могли арестовать Рудзевича, это было бы еще понятно. Все это было покрыто какой то тайной. Но впечатлѣнія сегодняшняго дня были настолько сильны, что студентъ просто усталъ думать и скоро уснулъ, не снимая тужурки.

Утромъ его провели снова корридоромъ и ввели въ кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ пожилой жандармскій полковникъ. Онъ любезно указалъ Иконникову на кресло, предложилъ папиросу и долго разспрашивалъ о Филатовѣ и Рудзевичѣ. Иконниковъ былъ очень остороженъ и отвѣчалъ довольно уклончиво. Причины же своего ареста такъ и не понялъ. Упоминалъ полковникъ о какомъ-то преступномъ сообщничествѣ, для котораго студенты якобы сбираютъ деньги, но что это было за «сообщничество» и причемъ тутъ былъ вообще Иконниковъ—осталось по прежнему загадкой.

Послѣ допроса студента усадили въ крытыя дрожки и онъ, въ сопровожденіи жандармскаго вахмистра, былъ отвезенъ въ Бутырскую тюрьму и сданъ, по разносной книгѣ, въ контору. Здѣсь его обыскали, а затѣмъ отвели въ одиночную камеру.

И когда за надзирателемъ захлопнулась тяжелая дверь, студенту показалось, что кто-то, властный и недремлющій, пробудилъ его отъ долгаго сна и втолкнулъ въ эту жизнь, чтобы начать ее сызнова. И все прошлое, промелькнувшее дѣтство и проходящая юность, показались ему, такими далекими и чуждыми его сердцу, будто принадлежа-

ли не ему, а кому-то другому, кто остался за стѣнами этой сѣрой тюрьмы.

Въ окно съ рѣшеткою глядѣлся клочекъ солнечнаго, весенняго неба. И такой онъ былъ маленькій и жалкій въ сравненіи съ мракомъ, царившимъ въ камерѣ, и такъ скупо бросалъ въ нее лучи, что казалось, что кто-то, наивный и неопытный, пытается игрушечнымъ фонаремъ освѣтить большую подземную шахту.

И вся жизнь показалась студенту происходящей на днѣ большой подземной шахты...

. . . .

Черезъ десять дней, утромъ, Иконникова вызвали въ тюремную контору и объявили, что онъ свободенъ и можетъ идти домой.

Вышелъ онъ изъ воротъ тюрьмы немного похудѣвшимъ, словно перенесшимъ тяжелую болѣзнь, и усталымъ отъ безсонныхъ ночей и въ глазахъ его, до сихъ поръ ясныхъ и даже немного лукавыхъ, теперь залегли отблески пережитаго и потому они были слегка грустны.

Дома его встрѣтилъ корридорный, передалъ ему ключъ отъ номера и разсказалъ объ арестѣ Рудзевича за часъ до ареста Иконникова. О Филатовѣ корридорный ничего не зналъ.

— Барышня эта черненькая нѣсколько разъ заходила... — добавилъ корридорный.

Въ номерѣ Иконниковъ нашелъ все на своемъ мѣстѣ. И только было расположился пить чай, какъ быстрой походкой вошелъ Рудзевичъ...

— Понравилась вамъ, коллега, Бутырка?—спросилъ онъ, здороваясь.

— А вы откуда знаете, что я въ ней сидѣлъ?..— удивился Афанасій Петровичъ.

Рудзевичъ улыбнулся.

— Я тоже въ ней сидѣлъ. Но только мнѣ, какъ человѣку уже бывалому, сообщали все, что меня интересовало.

— Я даже не знаю: за что я сидѣлъ?..—нахмурился Иконниковъ.

— А я знаю! Это насъ съ вами Филатовъ подвелъ!

— Филатовъ?!—Иконниковъ сдѣлалъ большіе глаза.—А онъ?.. тоже былъ арестованъ?

— И теперь сидитъ. Я же говорилъ вамъ тогда, что онъ выкинетъ какой-нибудь фортель! Онъ, видите ли, участвовалъ въ организаціи общества помощи ссыльнымъ студентамъ. Общество это только намѣчалось, намѣчались члены его, и Филатовъ записалъ и меня и васъ въ комитетъ.

— Ну?

— Ну, а когда влопался на какой то сходкѣ, то, при обыскѣ, нашли и эту бумажонку. Сразу же сказались и послѣдствія...

Теперь Иконникову стали понятны слова жандармскаго полковника о «преступномъ сообщничествѣ». Становилось яснымъ, почему Иконникова арестовали.

На слѣдующій день студентовъ вызвали въ участокъ и объявили, что они высылаются въ административномъ порядкѣ подъ надзоръ полиціи: Рудзевичъ въ Вологодскую губернію, а Афанасій Петровичъ—въ Архангельскую.

Для необходимыхъ сборовъ имъ дали двадцать четыре часа.

Придя домой, Иконниковъ началъ приготовляться къ дальней дорогѣ. Онъ написалъ подробное письмо отцу, сложилъ книги, бѣлье, платье. А затѣмъ пошелъ въ городъ проститься кой съ кѣмъ изъ знакомыхъ и вернулся домой довольно поздно. Хотѣлъ зайти къ Рудзевичу, думая, что тотъ дома, но швейцаръ сказалъ, что передъ вечеромъ за Рудзевичемъ заходилъ какой-то господинъ и они вмѣстѣ вышли.

На другой день, утромъ, Иконниковъ былъ уже совершенно готовъ къ отъѣзду. Оставалось только увязать чемоданъ, что онъ и сталъ дѣлать. Дверь въ номеръ отворилась и кто-то вошелъ. Думая, что это—Рудзевичъ, Иконниковъ даже не обернулся—онъ сидѣлъ на полу, спиной къ дверямъ,—а сказалъ:

— А я къ вамъ хотѣлъ только что зайти!

Но, не получивъ отвѣта, обернулся и увидѣлъ Прохорова. Тотъ былъ въ пальто и въ фуражкѣ и видъ у него былъ до того растерянный и взволнованный, что Иконниковъ вскочилъ.

— Что съ вами, коллега? Что -нибудь случилось?

Прохоровъ грузно опустился на кресло и глухо сказалъ:

— Да... Рудзевичъ... умеръ!

Иконниковъ посмотрѣлъ на него съ какимъ-то ужасомъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Что?.. Что вы сказали? Но... когда и... гдѣ?

— Отравился вчера вечеромъ въ ресторанѣ... Вмѣстѣ съ Спириденко!

— Спириденко? Художникомъ?

— Да!

— Какъ же это?—Иконниковъ не могъ собрать своихъ мыслей.—Но... кто вамъ сказалъ?

— Сейчасъ узналъ въ городѣ, да и въ газетахъ сегодняшнихъ это есть.

Иконниковъ присѣлъ и сталъ тереть лобъ. Онъ былъ до того подавленъ, что не могъ даже говорить.

А Прохоровъ помолчалъ немного и продолжалъ, опустивъ голову:

— Мнѣ разсказывали, какъ они умерли. Красиво умерли, какъ въ романахъ. Передъ вечеромъ ихъ видѣли вмѣстѣ на Тверскомъ бульварѣ. А потомъ, нашли уже мертвыми въ отдѣльномъ кабинетѣ одного ресторана. Спириденко былъ выбритый... изящно одѣтый, въ петличкѣ—роза. На коврѣ валялся его новый цилиндръ... А на столѣ: живые цвѣты... фрукты... шампанское... Тутъ же лежали открытый томикъ стихотвореній Поля Верлена и... оплаченный счетъ...

. . . .

Свѣтало... Товаро-пассажирскій поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Иконниковъ, остановился на какомъ-то разъѣздѣ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Архангельска. Поѣзду предстояло стоять долго, ожидая встрѣчнаго, и нѣкоторые пассажиры вышли изъ вагоновъ, прохаживаясь тутъ же...

Разъѣздъ былъ въ лѣсу и полотно дороги бѣжало въ немъ верстъ на двадцать. Поѣздъ стоялъ, а по сторонамъ плотною стѣною росли сосны и ели, прямыя, высокія, дерзко вонзавшія верхи свои въ еще темное небо, будто смущенное грядущимъ разсвѣтомъ.

Иконниковъ также вышелъ изъ вагона и пошелъ впередъ... Вдали были слышны голоса, лязганье пилы и удары топора по дереву... Подойдя ближе, Иконниковъ увидѣлъ, что желѣзнодорожные рабочіе дѣлаютъ въ лѣсу просѣку. Дружно, съ какимъ то озлобленіемъ, нападали они на намѣченное дерево, вонзали въ него страшныя орудія свои, и встрѣчали паденіе жертвы криками удовлетворенія. И шли они постепенно въ глубь лѣса, оставляя позади себя неподвижные трупы деревьевъ. И были все это не старыя и прогнившія, а молодыя и крѣпкія сосны и ели, только что оторванныя отъ сочной земли, ихъ взростившей.... И падали деревья, гулко ударяясь упругими молодыми стволами о глухо стонавшую землю,—падали нѣкоторыя безмолвно, словно подчиняясь карающей ихъ десницѣ, другія—негодуя, обращая трепетныя вѣтви свои къ безстрастно-холодному небу...

И стоналъ весь лѣсъ, и роpталъ вѣтеръ въ его листвѣ... И угрюмо стояли остальныя деревья, видя какъ гибнутъ молодыя силы—гибнетъ будущее могучаго, стараго лѣса...

ОБРЕЧЕННЫЕ.

Обреченные.

I.

Толстый докторъ въ бѣломъ халатѣ стукнулъ послѣдній разъ молоточкомъ по грудной клѣткѣ Свербеева, посмотрѣлъ на него сверхъ очковъ, и сказалъ:

— Да, васъ можно принять! Желаете?

Свербеевъ вздрогнулъ... Оборвалась та тонкая ниточка, что называется послѣдней надеждой. Еще по дорогѣ въ клинику онъ смутно надѣялся, что уйдетъ отсюда успокоенный. И вдругъ—принятъ.

Докторъ стоялъ въ выжидательной позѣ. И спросилъ еще разъ, но уже въ нѣсколько раздраженномъ тонѣ:

— Я говорю, что васъ можно принять въ клинику! Желаете остаться?

Свербеевъ кивнулъ головой. Докторъ что то наскоро написалъ на заготовленномъ бланкѣ и сунулъ его въ руку Свербеева...

— По корридору первая дверь направо! Тамъ васъ примутъ!

Въ указанной комнатѣ Свербееву принесли больничное платье, халатъ, туфли. Юрковатый слу-

житель, помогавшій новому больному переодѣваться, успѣлъ выпытать между дѣломъ: кто онъ, гдѣ живетъ и чѣмъ боленъ.

Узнавъ, что Свербеевъ — капитанъ въ запасѣ, служитель сдѣлалъ серьезное лицо и сталъ менѣе фамильяренъ. Довольно равнодушно, какъ показалось Свербееву, онъ отнесся къ его болѣзни:

— Пустяки,—сказалъ онъ, собирая вещи въ холщевый мѣшокъ.—У насъ съ сердечными болѣзнями почитай съ десятокъ лежитъ!

— И поправляются?..—спросилъ Свербеевъ, и въ глазахъ его опять зажглась надежда.

— И поправляются и помираютъ! Позавчера одинъ акцизный померъ. Хорошій былъ господинъ!

У Свербеева кольнуло около сердца и лицо слегка поблѣднѣло. Но сейчасъ же взялъ себя въ руки и съ дѣланнымъ хладнокровіемъ, упрямо спросилъ:

— Но бываетъ же, что и выздоравливаютъ?

— Бываетъ! Ежели болѣзнь не запущена, отчего не выздоровѣть!

Пошли во второй этажъ по широкой лѣстницѣ. Свербееву было какъ то странно ступать туфлями по полированнымъ каменнымъ ступенямъ: туфли отпадали отъ ноги и гулко шлепали. Бѣлые больничные кальсоны не имѣли подвязокъ и упрямо выбивались поверхъ носковъ. Свербеевъ неоднократно поправлялъ ихъ, но безуспѣшно.

— Въ палатѣ оправитесь!..—замѣтилъ служитель.

Вошли въ корридоръ, напоминавшій корридоръ грандіознаго спальнаго вагона: съ одной стороны

все двери, съ другой—непрерывный рядъ большихъ оконъ. Было свѣтло, чисто и немного жутко. Изъ одной двери вышла фельдшерица, мелькомъ взглянула на Свербеева и обратилась къ служителю:

— Куда?

— Въ десятую!

Фельдшерица какъ то круто, словно на одной ногѣ, повернулась и пошла по корридору.

— Пожалуйте за ними!..—сказалъ Свербееву служитель.—Они вамъ укажутъ койку.

Палата, въ которую вошелъ за фельдшерицей Свербеевъ, была большая, высокая, въ два окна, съ четырьмя койками. Три были заняты, а на четвертую указала фельдшерица:

— Вотъ сюда! Вы курите?

— Курю!

— Въ палатѣ курить нельзя!..—деревяннымъ голосомъ начала она заученную фразу...—Курить можно только въ умывальнѣ и въ клозетѣ!

Послѣднее слово рѣзнуло пошлостью. Свербееву было непріятно слышать его отъ женщины. Онъ густо покраснѣлъ, садясь на койку, и отвѣтилъ съ легкой ироніей:

— Слушаю-съ!..

— Обѣда сегодня не получите, — продолжала фельдшерица, наклонясь надъ столикомъ съ лекарствами.—Вечеромъ же получите бульонъ и половину булки!

Свербеевъ молчалъ. Фельдшерица взяла со столика какую то склянку и вышла изъ палаты. Подошла сидѣлка—пожилая, худощавая женщина.

Лицо у нея было усталое, безжизненное и пряди сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ чепца. Она положила чистую скатерть на столикъ Свербеева.

— Чай съ сахаромъ у васъ имѣются?..—спросила она.

— Нѣтъ!.. — отвѣтилъ Свербеевъ...—А здѣсь можно достать?

— Послать въ лавочку придется. Вотъ, обходъ кончится,—служитель вамъ сбѣгаетъ! А потомъ...— продолжала она усталымъ голосомъ.—Когда захотите полежать, снимите халатъ и ложитесь подъ одѣяло. Въ халатѣ лежать у насъ воспрещается!

Сидѣлка отошла и сѣла у окна вязать чулокъ, а Свербеевъ началъ разглядывать другихъ больныхъ. На сосѣдней койкѣ лежалъ кто то, закрывшись до самаго подбородка одѣяломъ. Онъ повидимому спалъ и лежалъ къ Свербееву спиной, такъ что изъ подъ одѣяла выглядывалъ только его широкій, коротко остриженный, затылокъ. На противоположной сторонѣ, у окна, полусидѣлъ на койкѣ пожилой человѣкъ съ бурыми прядями волосъ и съ запавшими щеками. Онъ очень тяжело дышалъ и смотрѣлъ на Свербеева какъ то съ ужасомъ, широко открытыми, воспаленными глазами. Рядомъ съ нимъ, на койкѣ, сидѣлъ голубоглазый юноша лѣтъ шестнадцати, съ бѣлымъ, словно выточеннымъ изъ мрамора, лицомъ. Онъ тоже смотрѣлъ на Свербеева, но такъ, какъ обыкновенно смотрятъ дѣти на незнакомую, но интересующую вещь. Очевидно, ему очень хотѣлось заговорить, но онъ не рѣшался и смотрѣлъ молча, улыбаясь краями губъ.

Свербеевъ пришелъ къ нему на помощь:

— Вы давно лежите?..—спросилъ онъ черезъ всю палату.

Неожиданность вопроса заставила лицо юноши покраснѣть. Но оно покраснѣло не все, а пятнами.

Онъ немного помялся и отвѣтилъ, опустивъ глаза:

— Второй мѣсяцъ!

Затѣмъ поднялъ ихъ на Свербеева и грустно улыбнулся:

— Ужасно медленно здѣсь тянется время! Лежишь два мѣсяца, а кажется, что—два года!

Онъ хотѣлъ что то еще сказать, но его сосѣдъ сдѣлалъ порывистое движеніе и началъ издавать какіе то свистящіе звуки. Наконецъ, до Свербеева долетѣлъ хриплый, прерывистый голосъ:

— А я то... четвертый мѣсяцъ!... о—охъ!..

Откашлялся и продолжалъ уже голосомъ обыкновеннымъ, но надтреснутымъ:

— Четвертый мѣсяцъ!.. Шутка сказать!... И конца не предвидится!..

— А вы чѣмъ нездоровы?..—мягко и съ участіемъ спросилъ Свербеевъ.

— Богъ его знаетъ! Доктора говорятъ: въ легкихъ у меня что-то неладно! Но только не туберкулезъ!..—вдругъ заговорилъ онъ быстро, чему то обрадовавшись.—У туберкулеза, видите ли, совершенно другіе симптомы. А у меня ни въ крови, ни въ мокротѣ ничего не найдено!... У меня..

Онъ замахалъ рукой сидѣлкѣ и та подошла и подала ему что то, уже приготовленное въ стака-

нѣ. Больной жадно выпилъ и откинулся на подушку, тяжело дыша и ворочая бѣлками глазъ.

— Вотъ вы опять взволновались!..—укоризненно сказала сидѣлка, прибирая у него на столикѣ.— Вамъ нельзя разговаривать, а вы разговариваете!

— Да надоѣстъ же все молчать, Настюшка!..— съ разстановкой, жалобно отвѣтилъ больной.— Вѣдь не могила же здѣсь, въ самомъ дѣлѣ!

— Ничего не подѣлаешь! Всякому больному разное леченіе! Разъ докторъ запретилъ, значитъ такъ нужно!

Въ палату вошло нѣсколько человѣкъ въ бѣлыхъ халатахъ. Впереди шелъ сѣдой господинъ въ золотыхъ очкахъ, и Свербеевъ сразу догадался, что это профессоръ.

Начался осмотръ больныхъ, въ томъ числѣ и Свербеева...

II.

Умывальня была небольшая, въ одно окно. Стѣны ея, какъ и во всѣхъ палатахъ, были выкрашены масляной краской, но полъ былъ не деревянный, а выложенный каменными плитками. Въ правую стѣну, ближе къ окну, были вдѣланы три мраморныхъ умывальника, съ кранами для горячей и холодной воды, а затѣмъ стояли деревянные диваны и столъ, съ большой эмалированной пепельницей.

Когда, послѣ обхода больныхъ профессоромъ, Свербеевъ вышелъ въ умывальную, въ ней было

уже нѣсколько больныхъ изъ другихъ палатъ. Они сидѣли на диванахъ, разговаривали и курили. Были тутъ и старики и молодые, толстые и худые, но на всѣ лица болѣзнь наложила свою страшную печать.

Говорилъ высокій, какъ жердь, больной такой худобы, которую Свербеевъ видѣлъ первый разъ въ жизни. Когда онъ раскрывалъ ротъ, кожа лица еще сильнѣе натягивалась и тогда скулы торчали острыми навѣсами, а глаза проваливались и образовывали глубокія впадины. Изъ подъ широкаго рукава его халата торчали двѣ, обтянутыя кожей, палки. Онъ шевелилъ ими и Свербееву казалось, что кости пальцевъ стучатъ другъ объ друга, какъ кастаньеты.

Больной былъ, очевидно, изъ простыхъ и это сказывалось въ его манерѣ говорить. Разсказывалъ онъ про свой сегодняшній сонъ:

— И вижу я, братцы, мои, будто иду я по большому, большому полю, среди колосьевъ!.. И такъ это печетъ солнце, и такъ это мнѣ пить хочется и я иду и смотрю: гдѣ бы напиться... И вдругъ вижу: идетъ братъ мой, котораго въ японскую войну убили... Идетъ, и этакъ улыбается, а въ рукахъ у него кувшинъ, а въ емъ—пиво.—Выпей!—говоритъ—Степа, вчера, молъ, это пиво наварили! А потомъ—говоритъ—пойдемъ со мной, нечего тебѣ въ этомъ полѣ дѣлать!.. Сталъ я это пиво пить и вдругъ вижу, что оно у меня изъ живота, поверхъ пупка вытекаетъ!.. Испугался я, по правдѣ сказать... А тутъ, кстати, будитъ сидѣлка:—вставай, десятый, молъ, часъ, пора градусникъ ставить!..

Больной замолчалъ и обвелъ присутствующихъ лихорадочными глазами.

— Это твоя болѣсть вытекала!..—послѣ небольшой паузы сказалъ старикъ, съ лимоннымъ лицомъ, курившій махорку...—Пиво, это значитъ понимай, какъ лѣкарствіе, а вытекала болѣсть...

Онъ характерно сплюнулъ на полъ и добавилъ:

— Не иначе, какъ болѣсть!...

— Я и самъ такъ думаю!—обрадовался больной.—А тутъ мнѣ и профессоръ сегодня говоритъ:—на будущей недѣлѣ тебя выпишемъ! Нечего, молъ, тебѣ больше въ клиникѣ дѣлать!.. Мда!..

— А вы чѣмъ больны?..—спросилъ Свербеевъ.

Живой скелетъ посмотрѣлъ на него, какъ бы оцѣнивая соціальное положеніе спрашивающаго. И отвѣтилъ серьезно, но какъ бы нехотя:

— Катарръ въ желудкѣ у меня! Третій мѣсяцъ, что ни съѣмъ, — рвота и все больше съ кровью!

Въ умывальную вошелъ юноша изъ палаты Свербеева и подсѣлъ рядомъ.

— Вы курите?.. — протянулъ ему Свербеевъ портсигаръ.

— Спасибо! Одну выкурю!

Онъ взялъ розовыми пальцами папиросу и закурилъ. Понемногу, больные стали выходить изъ умывальной и Свербеевъ съ юношей остались одни.

— Какой худой этотъ больной!..—сказалъ Свербеевъ, намекая на разсказчика.

— Это какой?.. Изъ шестой палаты?..

— Я не знаю, гдѣ онъ лежитъ.

— Да, да—изъ шестой! Худѣе его у насъ нѣтъ! У него ракъ желудка, и онъ навѣрно скоро умретъ!

— Ракъ!?..—Свербеевъ испуганно посмотрѣлъ на юношу...—А онъ говоритъ, что у него катарръ!

— Мало ли, что говоритъ! Ни одному больному доктора прямо не скажутъ, что у него! А другіе больные знаютъ! Тутъ всегда такъ!

Юноша затянулся папиросой и продолжалъ:

— Возьмите вы хотя бы того, что со мною рядомъ. Онъ, конечно, не знаетъ, какая у него болѣзнь! А я знаю!

— Что же у него?

— Опухоль на легкомъ! Опухоль давитъ, потому у него внутри такъ и свиститъ. Онъ тоже скоро умретъ!

— Почему вы это думаете?

— Сидѣлка сказывала! Не эта, не Настасья, что сегодня дежуритъ, а та, что будетъ дежурить завтра. Она слышала, какъ профессоръ говорилъ это нашему ординатору.

Оба замолчали. Непріятный осадокъ остался на душѣ Свербеева отъ всего слышаннаго и видѣннаго. Предательская жуть заползала въ его сердце.. То далекое, что обыкновенно отодвигается на послѣдній планъ, но къ чему всегда идешь, какъ къ неизбѣжному—вдругъ облеклось въ форму возможнаго и даже близкаго. И горбатый гробъ, съ ползущими внутри червями, и темнота и холодъ могилы и неизвѣстность потусторонняго—все это создавало тоску какого-то ужаснаго предчувствія.

Свербеевъ закурилъ новую папиросу и предложилъ юношѣ, но тотъ отказался:

— Мнѣ нельзя много курить! Итакъ я уже пятую папиросу сегодня курю...

— А у васъ что: грудь болитъ?..

— Нѣтъ, у меня сахарная болѣзнь!.. Это у меня отъ побоевъ!

Свербеевъ посмотрѣлъ на него сбоку.

— Да неужели?.. Кто же васъ билъ?..

— А я, видите ли, въ Ташкентѣ мальчикомъ въ галантерейномъ магазинѣ служилъ. Было это въ девятьсотъ пятомъ, когда черносотенцы гимназистовъ били. Въ самый, значитъ, сочельникъ, торговали мы очень хорошо и, когда закрылись, хозяинъ передалъ кассу своему сыну—гимназисту. Однихъ мы лѣтъ съ нимъ были.—«Неси—говоритъ,—Васька, домой, а я по дѣлу еще зайду!» Пошли это мы съ нимъ и вдругъ слышимъ, что на главной улицѣ гимназистовъ бьютъ... Мы было назадъ, да поздно: уже позади насъ бьютъ!.. Что дѣлать?.. Не такъ страшно, что побьютъ, какъ то, что деньги отнимутъ! А денегъ то больше пятисотъ! Я и говорю:—«Давай мнѣ, Вася, твое пальто и фуражку, а себѣ бери мое и бѣги съ деньгами!»

Такъ и сдѣлали.

Свербеевъ чувствовалъ, какъ по его спинѣ побѣжали мурашки...

— Ну?..

— Ну, меня окружили и начали бить! Какъ меня привезли въ больницу—я не помню!.. Но только избили меня всего, во какъ!.. Каблуками, кажется, били...

— Какъ васъ зовутъ?..—спросилъ Свербеевъ...

— Петромъ Григорьевичемъ! Только вы зовите меня просто—Петрушей!.. А васъ какъ?

— Александръ Ивановичъ!

— Такъ вотъ!.. — продолжалъ юноша... — Съ тѣхъ поръ у меня эта самая болѣзнь сахарная и открылась!.. Доктора говорятъ, что у меня почки отбиты! За одинъ годъ я больше пуда въ вѣсѣ потерялъ!

Послѣ большой паузы Свербеевъ спросилъ:

— Ну, а тотъ, что лежитъ со мной рядомъ?.. Чѣмъ онъ боленъ?

Петруша улыбнулся..

— Ничѣмъ онъ не боленъ! По моему—у него блажь одна!

— То-есть какъ: блажь!

— Такъ! Морфинистъ онъ, что ли!?.. Пока ему морфій вспрыскиваютъ, онъ здоровъ. А какъ перестанутъ, такъ лежитъ и стонетъ! И знаете ли: какъ человѣкъ этотъ мѣняется,—глазамъ повѣрить трудно! Вотъ, напримѣръ, сейчасъ онъ веселый такой, говорливый, смѣется, поетъ!.. А сейчасъ—какъ то весь осунется, глаза провалятся и онъ такой старый... старый...

Петруша поднялся и поправилъ халатъ...

— Пойдемте!.. Сейчасъ будутъ обѣдъ раздавать!..

III.

Придя въ палату, Свербеевъ засталъ сосѣда по койкѣ пьющимъ лѣнивыми глотками чай. На пер-

вый взглядъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ, имѣлъ онъ бритое лицо и потому походилъ на актера. Когда Свербеевъ подошелъ къ своей койкѣ, онъ привсталъ и отрекомендовался корнетомъ гвардіи Лебединскимъ. И ужасно обрадовался, узнавъ, что и Свербеевъ тоже бывшій офицеръ.

— Тутъ, знаете, больше все мужичье!..—сказалъ онъ вполголоса.—Впрочемъ вонъ тотъ...—онъ кивнулъ на больного съ опухолью на легкомъ—судебный слѣдователь!.. Но онъ еле живъ и потому я его не считаю!

И пока онъ говорилъ и хлопоталъ около столика съ чаемъ, нижняя челюсть его судорожно тряслась и весь онъ какъ то самъ съеживался и передергивался...

— Васъ, кажется, лихорадитъ?..—замѣтилъ ему Свербеевъ.—Вы бы прилегли и согрѣлись!

Лебединскій хотѣлъ улыбнуться, но улыбка у него вышла гримасой...

— Не обращайте на меня, капитанъ, вниманія!...—сказалъ онъ, выстукивая зубами.—У меня это сейчасъ пройдетъ!.. Уже послано за шприцемъ!...

Онъ сѣлъ противъ Свербеева, смотря на того тусклыми глазами...

— Я вѣдь, батенька, морфинистъ! Охъ, не веселая эта профессія!.. Хе!.. Хе!..

И, увидѣвъ входившую со шприцемъ фельдшерицу, крикнулъ:

— Сейчасъ я буду другой!.. Вотъ увидите!..

Онъ быстро скинулъ съ одного плеча халатъ и протянулъ обнаженную руку фельдшерицѣ. Но,

прежде чѣмъ дать уколоть себя, посмотрѣлъ пытливо на шприцъ и спросилъ:

— Марья Васильевна, голубушка... Скажите по совѣсти: не вода это!?..

Фельдшерица пожала плечами...

— Вамъ все кажется, что васъ обманываютъ!.. Давайте ужъ скорѣе!..

Довѣрчиво протянулъ ей Лебединскій руку и съ какимъ то благоговѣніемъ смотрѣлъ, какъ входила тонкая игла, въ розоватую кожу, повыше локтя...

— Готово!..—сказала фельдшерица, отнимая отъ руки пустой шприцъ.—Вечеромъ еще вспрыснемъ.

Она сейчасъ же ушла, шурша накрахмаленными юбками, а Лебединскій сидѣлъ, полузакрывъ глаза, на койкѣ. И вдругъ вскочилъ, сжалъ кулаки и крикнулъ на всю палату:

— Вода!.. мерзавцы!.. Опять мнѣ воду вспрыснули!..

Къ нему подбѣжала сидѣлка и начала успокаивать, но онъ бросился на койку и въ первую минуту Свербеевъ подумалъ, что его сосѣдъ умираетъ: глаза у него сдѣлались стеклянные, лицо искривилось конвульсіями и все тѣло подпрыгивало на кровати... И онъ стоналъ и выкрикивалъ ужасныя ругательства, адресуя ихъ къ доктору и фельдшерицѣ.

Сидѣлка выбѣжала изъ палаты и скоро вернулась, ведя дежурнаго доктора. Увидя его, Лебединскій нѣсколько притихъ, но продолжалъ извиваться на койкѣ.

— Докторъ!..—сказалъ онъ, послѣ небольшой

паузы, съ трудомъ выговаривая слова,—зачѣмъ вы мнѣ опять дали воду?.. Побойтесь вы Бога!..

На лицѣ доктора ничего не отразилось. Онъ спокойно выслушалъ Лебединскаго и также спокойно отвѣтилъ:

— Вамъ дали не воду, а разбавленную дозу морфія! Вѣдь вы же сюда лѣчиться пришли. А это ваше лѣченіе...

Лебединскій замоталъ головой...

— Ахъ, что вы, докторъ!.. развѣ я не понимаю?.. Если бы было что-нибудь похожее на морфій, я бы почувствовалъ облегченіе!.. Хотя немного, но меня бы этотъ шприцъ успокоилъ.

Докторъ молчалъ, а больной выстукивалъ зубами и стоналъ. А затѣмъ привсталъ и протянулъ дрожащія руки:

— Умоляю васъ, докторъ: вспрысните мнѣ шприцъ цѣлаго морфія! Вы же видите, какъ я страдаю?!.. Умоляю васъ!..

Докторъ ушелъ, пожавъ плечами, и черезъ пять минутъ Лебединскому сдѣлали новое вспрыскиваніе. И тутъ Свербеевъ убѣдился, что Петруша былъ правъ, говоря, что Лебединскій мѣняется: изъ стараго, съ оловяннымъ взглядомъ, человѣка, онъ превратился въ молодого, съ юношескимъ огонькомъ въ глазахъ и съ раскраснѣвшимися щеками. Неизвѣстно куда исчезли морщины съ его лица и оно теперь дышало энергіей и здоровьемъ.

— Я васъ испугалъ?..—спросилъ онъ Свербеева, усаживаясь на прежнее мѣсто.—Но если бы вы знали, какъ я страдаю, когда мнѣ не даютъ морфія!..

Свербеева все это такъ поразило, что онъ сидѣлъ молча и растерянно смотрѣлъ то на Лебединскаго, то на другихъ больныхъ. А тѣ улыбались, съ видомъ людей, посвященныхъ во всѣ фокусы этой болѣзни.

— Я знаю, что все это ужасно глупо...—продолжалъ Лебединскій,—но что же подѣлаешь, когда я уже въ тридцать лѣтъ потерялъ надъ собою власть, когда я не могу жить безъ этого яда?..

— Давно вы его вспрыскиваете?.. — спросилъ Свербеевъ.

— Третій годъ! Началось это съ пустяковъ! У меня, видите ли, были боли въ желудкѣ. Катаральныя ли онѣ были, или нервныя — я до сихъ поръ не знаю, но только, по совѣту одного досужаго пріятеля, я себѣ вспрыснулъ морфій. Помогло. Вспрыснулъ еще разъ, когда боли повторились. Опять помогло. Съ тѣхъ поръ пошло и пошло. Дошелъ до того, что вспрыскивалъ себѣ по восьми шприцевъ въ день. Ну, конечно, теперь отвыкать трудновато.

— Но отвыкнуть нужно?!..

Лебединскій задумался.

— Какъ вамъ сказать?! Другой разъ думаю, что нужно! А иногда наоборотъ! Вѣдь морфій, кромѣ облегченія физическихъ страданій, приноситъ еще мгновенія чудныхъ переживаній...

Онъ закрылъ глаза и продолжалъ, какъ бы декламируя:

— Эти волшебные образы обольстительныхъ женщинъ!.. Эти ласки, которыми онѣ васъ осыпаютъ!.. Безумныя ласки, не существующія на яву!

Пусть мое тѣло и мой духъ разрушаются отъ этого яда!.. Пусть!.. За то я жилъ, я выпилъ чашу наслажденій до дна!...

Сербееву сдѣлалось жутко... Онъ всталъ и пошелъ въ умывальную, гдѣ сѣлъ и закурилъ.

А черезъ минуту туда же пришелъ и Лебединскій, проболталъ съ нимъ полчаса о совершенно постороннихъ вещахъ, причемъ говорилъ все время спокойно и разсудительно.

IV.

Часовъ въ восемь вечера жизнь во всѣхъ палатахъ какъ бы замерла.

Большинство больныхъ улеглось спать; электрическія лампочки, на блокахъ, спустили внизъ и онѣ образовывали на полу большое свѣтовое пятно, а на палатныя стѣны легли смутныя ночныя тѣни. Тускло освѣщенный, тремя лампочками, корридоръ походилъ теперь на желѣзнодорожный туннель, и надвигающаяся ночь смотрѣлась въ него сквозь широкія окна.

Сербееву не хотѣлось спать, но онъ снялъ халатъ и легъ подъ одѣяло. Его сосѣдъ — морфинистъ улегся еще съ шести вечера, укрывшись, по обыкновенію, до подбородка. Спали и судебный слѣдователь и Петруша. Первый—безпокойно ворочался и вскрикивалъ во снѣ, а юноша лежалъ неподвижно на спинѣ, со сложенными на груди руками, и Сербееву былъ виденъ его заостренный, какъ у мертвеца, восковой носъ...

Свербеевъ заложилъ руки за голову и смотрѣлъ на тусклый потолокъ, думая о своей болѣзни...

До сегодняшняго дня онъ какъ то не задавался вопросомъ: когда, и при какихъ обстоятельствахъ онъ можетъ умереть? Онъ никогда не оглядывался, но и не заглядывалъ впередъ и жилъ только настоящимъ. Онъ зналъ, что у него наслѣдственный порокъ сердца, но если бы у него раньше спросили: умретъ ли онъ именно отъ этой болѣзни — онъ бы не зналъ, что отвѣтить. Но сегодня, именно сегодня, онъ бы отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно. И, какъ всякій, входящій въ булочную, знаетъ, что найдетъ въ ней только мучное, такъ и Свербеевъ, входя въ эту клинику, чувствовалъ, что ему отсюда живымъ не выйти. Можетъ быть въ этомъ предчувствіи виноваты были нервы, можетъ быть, — суевѣріе, онъ не доискивался и, какъ фаталистъ, предоставилъ судьбѣ дѣлать свое дѣло. И вся его тридцатисемилѣтняя жизнь, всѣ его удачи въ ней и разочарованія, всѣ, наконецъ, препятствія, которыя онъ преодолѣвалъ ради нея—показались ему теперь только этапами на пути къ этой клиникѣ!...

За этотъ день, въ продолженіе какихъ-нибудь десяти часовъ пребыванія въ клиникѣ, Свербеевъ уяснилъ себѣ многое изъ того, чего онъ не понималъ всѣ тридцать семь лѣтъ своей жизни...

Онъ только здѣсь понялъ, что какъ бы ни былъ великъ и могуществененъ человѣческій геній, какія бы средства ни придумывалъ, чтобы обезопасить свое существованіе—передъ лицомъ смерти этотъ геній будетъ казаться безумнымъ муравьемъ,

думающимъ столкнуть со своего пути мѣшающую ему скалу. Онъ понялъ также, что нигдѣ такъ не царитъ надежда, какъ здѣсь, въ этой обстановкѣ, когда люди стоятъ у послѣдней черты, когда каждый, чтобы только не пойти ко дну, старается схватиться за первую попавшуюся соломинку. И всѣ они, обреченные на смерть: и мужичекъ, разсказывавшій сонъ, и старикъ, объяснявшій его, и Петруша, и судебный слѣдователь и даже самъ Свербеевъ — напоминали раненую птицу, падающую съ отвѣсной и скользкой скалы въ бездонную пропасть... Она чувствуетъ, что гибнетъ, но думаетъ, что когтями коченѣющихъ лапъ зацѣпится за трещины въ скалѣ!.. И пока есть еще у скалы трещины, а у птицы когти — теплится въ груди погибающей слабый огонекъ надежды...

Свербеевъ вспомнилъ больного, у котораго ракъ желудка...

— Развѣ не написана была надежда на его лицѣ, когда онъ разсказывалъ свой сонъ?.. Развѣ, окончивъ разсказъ, онъ не смотрѣлъ на всѣхъ умоляющимъ взоромъ, словно боясь, что кто-нибудь, сказавъ, что этотъ сонъ зловѣщій, этимъ вырветъ у него ту тонкую соломинку, за которую онъ держится...

Изъ корридора донесся чей то стонъ... Сначала онъ шелъ словно изъ-подъ земли, до того онъ былъ подавленъ и далекъ... А потомъ, вдругъ, вырвался наружу и заполнилъ собою весь корридоръ и всѣ палаты...

И этотъ стонъ, прозвучавшій какъ набатъ надъ спавшимъ селомъ, разбудилъ клинику...

Проснулись нѣкоторые больные и тѣ, которые имѣли возможность выходить—вышли, и, тревожно посматривая другъ на друга, шли туда, гдѣ этотъ стонъ рождался...

Всталъ и Петруша, накинулъ халатъ и вышелъ. Сталъ одѣвать носки и Свербеевъ, но въ эту минуту Петруша вернулся...

— Кто это стонетъ?..—спросилъ Свербеевъ.

— А это тотъ... худой... изъ шестой палаты!..

— Который? Про котораго вы разсказывали?

— Да, да!.. Онъ самый!.

— Что же съ нимъ такое?

— Не знаю! Кажется помираетъ!..

Свербеевъ одѣлся и вышелъ вмѣстѣ съ Петрушей. Въ корридорѣ толпились больные, бѣгали сидѣлки... Въ шестую палату прошелъ дежурный докторъ. Въ пріотворенную дверь Свербееву было видно, какъ докторъ наклонился надъ разсказчикомъ сна и что-то надъ нимъ дѣлалъ. Было слышно, какъ у больного поднялась рвота и какъ въ промежуткахъ между нею и стонами онъ отчаянно выкрикивалъ:

— Батюшки... помираю!.. родненькіе мои... Помираю!..

Потомъ затихалъ, снова давился, стоналъ и кричалъ на всю палату:

— Пресвятая Богородица!.. Спаси!.. Не допусти!.. Матушка, Заступница!..

Скоро стоны порѣдѣли, а потомъ и совсѣмъ прекратились. Свербеевъ было подумалъ, что больному легче, но въ эту палату пробѣжали два служителя, неся какое то приспособленіе на колесахъ.

— Сейчасъ повезутъ въ девятую!.. — сказалъ Свербееву Петруша.

Тотъ не понялъ.

— А что въ этой девятой?..

— Въ нее возятъ умирающихъ. Это та, что рядомъ съ нами: такая маленькая, узенькая палата! Въ ней днемъ электричествомъ лѣчатъ.

Двери шестой палаты широко отворились и въ нихъ показалась койка, поставленная на резиновыя колеса. На койкѣ, запрокинувъ голову, лежалъ разсказчикъ сна. Онъ былъ еще живъ, но въ глазахъ его уже отражался ужасъ смерти и по губамъ текла кровавая пѣна...

Понемногу въ палатахъ опять воцарилась тишина. Но Свербеевъ долго не могъ уснуть и ему все казалось, что черезъ стѣну къ нему ползутъ подавленные стоны...

V.

Потекли однообразные дни. Прошло только двѣ недѣли, но за это время со Свербеевымъ было два сердечныхъ припадка, правда непродолжительныхъ, но все-таки повозились съ нимъ достаточно— клали ему ледъ на сердце и даже вспрыскивали что то подъ кожу.

Въ началѣ третьей недѣли умеръ судебный слѣдователь. Какъ онъ умеръ—Свербеевъ не видѣлъ, такъ какъ это было ночью и, проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ его койку, заставленную ширмами.

А когда спросилъ сидѣлку, та отвѣтила:

— Во второмъ часу ночи померъ!..

— Почему же я не слышалъ?..—удивился Свербеевъ.

— Да откуда вамъ было слыхать, вы спали!.. Онъ вѣдь померъ тихо!..—улыбнулась сидѣлка;—вскочилъ, всхлипнулъ два раза и кончился!

За часъ до прихода профессора служителя принесли крытыя носилки, отодвинули ширмы, и Свербеевъ видѣлъ, какъ грузно шлепнулось въ носилки тѣло судебнаго слѣдователя. А потомъ сидѣлка сняла бѣлье съ его койки, чехолъ съ матраца и вынула изъ шеста черную доску, съ написанной мѣломъ фамиліей.

Когда же пришелъ профессоръ, съ цѣлой свитой докторовъ, студентовъ и курсистокъ,—эта койка была уже принаряжена въ чистое бѣлье и поджидала новую жертву.

Къ концу третьей недѣли у Петруши поднялась температура, появился ознобъ и по временамъ онъ метался по кровати. Когда же приходилъ въ себя, звалъ сейчасъ же Свербеева и тотъ просиживалъ около него цѣлыми часами.

Свербееву было очень жалко юношу, съ которымъ онъ успѣлъ за это время сблизиться. Отъ палатнаго ординатора онъ узналъ, что у Петруши началась уремія, и что врядъ ли онъ ее переживетъ. Конечно, Петрушѣ говорили, что у него простая лихорадка, но юноша очевидно догадывался, что дни его сочтены.

Когда же у него началось уже зараженіе крови и еще больше поднялась температура, онъ сказалъ сидѣвшему около него Свербееву:

— Неужели я умру?.. Это будетъ несправедливо!..

Свербеевъ отвѣтилъ что-то успокаивающее, но юноша покачалъ головой:

— Полноте Александръ Ивановичъ!.. Я, хотя и неученый, но кое-что понимаю!.. Это будетъ несправедливо!..—повторилъ онъ, ни къ кому не обращаясь, — вѣдь я же совсѣмъ не видѣлъ счастья!.. А только побои...

Двѣ слезы скатились у него по щекамъ...

— Въ семействѣ, пока жилъ—пьяный отецъ билъ!.. Пошелъ служить—хозяева били!.. приказчики били!.. И свои били!.. и чужіе... и черносотенцы!.. За что?.. развѣ я имъ сдѣлалъ что-нибудь дурное?.. За что я теперь умираю?

Потомъ началъ бредить. Разсказывалъ про какую-то лодку, украшенную цвѣтами, въ которую все хотѣлъ сѣсть...

Или кричалъ дикимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Вася, бѣги!.. Голубчикъ, бѣги!..

За часъ передъ смертью,—а это было опять-таки ночью—онъ пришелъ въ себя и попросилъ сидѣлку разбудить Свербеева. Тотъ сейчасъ же всталъ и подошелъ. Петруша лежалъ съ открытыми глазами и сдѣлалъ знакъ наклониться...

Свербеевъ наклонился и Петруша слабымъ голосомъ, тихо сказалъ ему:

— Александръ Ивановичъ!.. простите... я васъ побезпокоилъ!..

— Ничего... ничего, голубчикъ!.. — ласково улыбнулся Свербеевъ.—Пожалуйста говори... Тебѣ что-нибудь нужно?..

Юноша кивнулъ головой...

— Да!.. Вы... вы... знаете «Отче нашъ?»...

Свербеевъ удивился.

— Знаю! А что?

Петруша пристально посмотрѣлъ на Свербеева...

— Прочтите мнѣ его медленно... и тихо!.. Я хочу помолиться, но у меня въ головѣ все путается...

— Можетъ быть ты хочешь позвать священнинока?..—предложилъ Свербеевъ.

— Нѣтъ... не нужно... безпокоить!.. Мы прочтемъ «Отче нашъ» и мнѣ станетъ легче!.. вѣдь я...—онъ слабо улыбнулся...—я... чистый!.. у меня грѣховъ мало...

Свербеевъ опустился на колѣни, наклонился къ самому лицу умирающаго и медленно прочелъ слова молитвы... Петруша тихо повторялъ ихъ...

. . . .

Утромъ опять пришли служителя съ крытыми посилками бросили въ нихъ безжизненное тѣло юноши и понесли, апатично раскачивая носилки на ходу...

Теперь уже палата замѣтно опустѣла... Остались занятыми только двѣ койки и на нихъ—двое обреченныхъ, дожидающихся своей очереди...

Морфинистъ кивнулъ на опустѣвшую койку Петруши и сказалъ разстроенному Свербееву:

— А вотъ я ему завидую!.. Ему теперь ужъ ничего не нужно... А мнѣ... мнѣ... если не дадутъ сейчасъ морфія,—я буду кричать на всю палату!..

Онъ сѣлъ опять противъ Свербеева, выстукивая зубами, и началъ смотрѣть съ надеждой на дверь,

въ которой должна была появиться фельдшерица со шприцемъ...

VI.

Прошло еще двѣ недѣли. Свербееву казалось, что если существуетъ міръ, то весь онъ втиснутъ въ промежутокъ этихъ больничныхъ, каменныхъ стѣнъ, и что по ту сторону ихъ ничего и никого быть не можетъ. И, когда въ пріемные дни, въ корридорѣ клиники появлялись новые люди,—Свербееву они казались упавшими съ луны, до того чужды они были его глазу, привыкшему въ этой клиникѣ къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, къ однимъ и тѣмъ же голосамъ...

Иногда же Свербееву казалось, что онъ уже не тотъ Свербеевъ, который мѣсяцъ назадъ входилъ въ это зданіе, что «тотъ» уже умеръ, а вмѣсто него ходитъ кто то въ сѣромъ больничномъ халатѣ, и нѣтъ у него, ни души, ни имени,—только номеръ, жирно написанный мѣломъ на коечной дощечкѣ. Въ такія минуты Свербеевъ украдкой вынималъ карманное зеркальце и мучительно вглядывался въ отраженіе, ища знакомыя черты...

Чаще повторялись сердечные припадки. И, передъ ними—чего раньше не было—Свербеевъ ощущалъ какой-то паническій страхъ; у него холодѣли конечности и на лбу выступалъ потъ.

Разсказалъ онъ это палатному ординатору. И, когда разсказывалъ, подозрительно вглядывался въ его лицо, думая уловить въ немъ выраженіе

безпокойства. Но лицо ординатора было безстрастно, выраженіе глазъ обычно спокойное и когда Свербеевъ кончилъ и съ жутью ждалъ отвѣта,—докторъ устало скользнулъ глазами по его фигурѣ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Хорошо. Я вамъ пропишу лекарство. Будете принимать, какъ только почувствуете начало приступа.

Присланное къ вечеру лекарство оказалось валерьяновыми каплями и Свербеевъ со злостью швырнулъ пузырекъ на столикъ. Но когда начинались перебои сердца и становилось трудно дышать,—онъ судорожно хватался за пузырекъ и глоталъ пахучія капли съ какимъ то священнымъ трепетомъ...

Его сосѣдъ по койкѣ, Лебединскій, уже не производилъ на него прежняго впечатлѣнія. Можетъ быть это происходило отъ того, что «исторія со шприцемъ» повторялась ежедневно и уже прискучила Свербееву однообразіемъ. Первые дни пребыванія въ клиникѣ, особенно послѣ смерти Петруши, Свербеевъ часто и подолгу разговаривалъ съ сосѣдомъ, но потомъ убѣдился, что Лебединскій недалекъ, страшно занятъ собой и своимъ шприцемъ и, собственно, съ нимъ даже было не о чемъ разговаривать.

Морфинистъ продолжалъ получать разбавленную дозу морфія, но почему то, въ послѣднее время, на это совсѣмъ не реагировалъ, никакихъ скандаловъ не устраивалъ и чувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Приглядѣвшись къ нему Свербеевъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что его сосѣдъ

постоянно находится подъ наркозомъ. Вскорѣ онъ нашелъ и разгадку этому странному обстоятельству: Лебединскій раздобылъ гдѣ то другой шприцъ и морфій и дѣлалъ себѣ вспрыскиваніе, помимо вспрыскиваній клиническихъ.

Какъ то ночью, когда Свербееву не спалось и онъ лежалъ просто такъ, съ закрытыми глазами, на сосѣдней койкѣ послышался какой то странный шорохъ... Свербеевъ открылъ глаза и увидѣлъ Лебединскаго, дѣлавшаго себѣ вспрыскиваніе.

Свербеевъ прекрасно зналъ, что клиническій шприцъ уносился сейчасъ же фельдшерицей послѣ сеанса, и сразу же догадался, что это пріемъ нелегальный. Но ему хотѣлось провѣрить свое подозрѣніе и онъ слегка кашлянулъ.

Лебединскій вздрогнулъ и быстро къ нему повернулся:

— Вы... не спите?

— Да, что то не спится!—протянулъ Свербеевъ и улыбнулся.—Да и вамъ тоже, кажется, не до сна?

— Нѣтъ, я спалъ!

Онъ наклонился къ Свербееву и спросилъ, оглядываясь на дремавшую въ углу сидѣлку:

— Значитъ вы... видѣли?

— Какъ вы себѣ вспрыскиваете? Видѣлъ!

— Тсс!.. тише!..—протянулъ къ нему руку Лебединскій, кивая на сидѣлку. — Еще услышитъ эта мегера и выйдетъ скандалъ!

Онъ замолчалъ, дѣланно улыбаясь, но какая то мысль тяготила его качающійся черепъ...

— Но вы конечно... вы понимаете.

— Будьте покойны: доносить не пойду!—успокоилъ его Свербеевъ.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани, я не объ этомъ... Но все-таки такъ, иногда въ разговорѣ легко обмолвиться.

— И за это не безпокойтесь! Какое мнѣ дѣло?..

Послѣ небольшой паузы Свербеевъ спросилъ:

— Все-таки: зачѣмъ вы это дѣлаете? Вы же лечиться сюда пришли?

Лебединскій съ сердцемъ передернулъ плечами...

— Безхарактерность! Проклинаю себя, а удержаться не могу!

— Такъ зачѣмъ же вы тутъ сидите?—усмѣхнулся Свербеевъ.—Это вы и дома можете продѣлывать!

Лебединскій смотрѣлъ на Свербеева горящими отъ наркоза глазами...

— Я обманываю смерть!.. Вы улыбаетесь? Но я вамъ сейчасъ объясню! Я пришелъ въ клинику, чтобы «она», которая зоветъ меня въ холодъ могилы, не стояла бы призракомъ на моемъ пути къ блаженству... Здѣсь «она» побоится скоро взять меня такъ, какъ взяла бы внѣ стѣнъ этой больницы... Здѣсь—«ея» враги... здѣсь орудія борьбы съ «ней»... «ея» эшафотъ.

Очевидно, Лебединскій бредилъ и нужно было перемѣнить тему разговора.

Но на языкъ невольно навернулся вопросъ:

— Гдѣ вы... достали этотъ шприцъ?.

Лебединскій оглянулся и таинственно приложилъ палецъ къ губамъ.

— Тсс!..

Наклонился еще ближе и продолжалъ уже шепотомъ:

— Служитель мнѣ принесъ! Десять рублей за это ему далъ!

— И большую дозу вы себѣ вспрыскиваете?

— Громадную! Маленькія меня уже не удовлетворяютъ! Однимъ словомъ: такую, что вспрысни вы себѣ этой дозой полный шприцъ, васъ нельзя будетъ спасти!

Онъ подумалъ немного.

— Да, несомнѣнно: вы умрете! А я... я ничего!

VII.

Однажды утромъ сидѣлка сказала Свербееву и Лебединскому:

— А у насъ новая фельдшерица!

— Развѣ?—удивился Свербеевъ.—А гдѣ же та, которая къ намъ ходила?

— Перевели на женскую.

— Жалко Евгенію Ивановну!—сказалъ Лебединскій.—Она всегда такъ хорошо мнѣ уколы дѣлала. Симпатичная была дѣвица.

Сидѣлка лукаво улыбнулась.

— Новая будетъ симпатичнѣе. Кра-сиивая!..—протянула она нараспѣвъ.—Саавсѣмъ кукла!

Свербеевъ съ Лебединскимъ переглянулись, а потомъ Лебединскій сдѣлалъ недовѣрчивую гримасу:

— Привираешь, поди? Знаемъ мы вашихъ красивыхъ! Мухи дохнутъ отъ ужаса?

— Вотъ увидите! Мнѣ врать незачѣмъ!. Десять часовъ не за горами: придетъ—увидите!

И, дѣйствительно, сидѣлка говорила правду: новая фельдшерица была очень недурна, небольшого роста, блондинка, съ большими голубыми глазами. И когда смотрѣли въ эти глаза, казалось, что въ нихъ отражается какое то далекое, синее небо,—небо тѣхъ странъ, по которому полдня гуляетъ ласковое солнце, а ночью свѣтятъ тихія, загадочныя звѣзды... И улыбалась она такъ, что всѣмъ, на кого падала эта улыбка, хотѣлось тоже улыбаться и говорить о чемъ-нибудь хорошемъ и свѣтломъ; хотѣлось дѣлать другимъ добро, прощать врагамъ обиды.

Вошла она въ палату легкой, почти неслышной, походкой, чистенькая, въ бѣлоснѣжномъ халатѣ. И сразу же улыбнулась Свербееву и Лебединскому какъ добрымъ, старымъ знакомымъ, съ которыми приходится видѣться ежедневно.

Сначала и Свербеевъ и Лебединскій нахмурились, хотѣли обойтись съ ней свысока, дать понять ей, что съ ними фамильярничать ей не придется. Но вторая улыбка властно заставила ихъ сдѣлаться привѣтливыми и черезъ нѣсколько минутъ за новую фельдшерицу они готовы были отдать жизнь. Она быстро засыпала ихъ вопросами, узнала всю ихъ подноготную, даже ихъ сокровенныя мысли.

Въ свою очередь она разсказала имъ про себя, что зовутъ ее Ольгой Федоровной, что она только что окончила фельдшерскіе курсы и думаетъ держать на лекаршу.

Быстро и умѣло приготовила она лекарство для Свербеева, съ милой улыбкой поднесла ему, и причмокнула языкомъ, когда Свербеевъ выпилъ. Также быстро сбѣгала она за шприцемъ для Лебединскаго; увѣренно сдѣлала вспрыскиваніе.

И когда ушла, и Свербеевъ съ Лебединскимъ остались одни—долго оба молчали, ревниво скрывая одинъ отъ другого свои мысли. Но если бы кто снялъ крышку съ ихъ черепа и заглянулъ бы въ извилины ихъ мозга—увидѣлъ бы одну и ту же мысль о пустотѣ, которая окружила ихъ съ момента ухода Ольги Федоровны. Сиротливыми чувствовали они себя сейчасъ. Будто ушло отъ нихъ что-то такое, отчего эта комната казалась имъ убѣжищемъ тепла и свѣта.

Первымъ нарушилъ молчаніе Свербеевъ:

— Очень симпатичная! — сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, словно отвѣчая на какую-то мысль.

Потомъ взглянулъ на Лебединскаго и сталъ ждать, что тотъ скажетъ. А тотъ сидѣлъ, и лихорадочно блестѣвшими глазами смотрѣлъ на дверь, въ которой скрылась новая фельдшерица...

Потомъ взглянули другъ на друга и безъ словъ поняли, что Ольга Ѳедоровна унесла съ собой то интимное, что связывало ихъ другъ съ другомъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, какъ сосѣдей по койкамъ, какъ сотоварищей по несчастью. И поняли, что они теперь—соперники, и каждый сейчасъ же замкнулся въ своей скорлупѣ и каждый далъ себѣ слово слѣдить за другимъ и не дать ему восторжествовать.

Въ этотъ день они еще разъ видѣли Ольгу Ѳедоровну, во время осмотра больныхъ профессоромъ. Она ходила въ его свитѣ, окруженная докторами и студентами. Заходила она и въ палату Свербеева, но даже не взглянула ни на него, ни на Лебединскаго, все время разговаривая вполголоса съ другими. И ушла въ другія палаты, провожаемая двумя парами ревнивыхъ глазъ...

Съ этого дня, между Свербеевымъ и Лебединскимъ какъ бы пробѣжала черная кошка. Такъ они были очень вѣжливы другъ съ другомъ, даже другъ къ другу предупредительны. Но того звена, которое связывало ихъ прежде, не существовало. Иногда же они пикировались, и особенно въ присутствіи Ольги Ѳедоровны. Тогда они на перебой старались наговорить другъ другу побольше колкостей, и за каждой изъ нихъ скрывались злоба и ненависть.

Свербеевъ самъ не понималъ: откуда у него могло появиться такое враждебное чувство къ Лебединскому. Онъ буквально ненавидѣлъ теперь этого человѣка и съ каждой минутой откапывалъ въ немъ все большіе и большіе недостатки, которыхъ раньше почему-то не замѣчалъ. И онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы подчеркнуть замѣченное имъ передъ Ольгой Ѳедоровной.

Новая фельдшерица была попрежнему мила и одинакова со всѣми, но Свербееву почему-то казалось, что Лебединскому она отдаетъ предпочтеніе. Можетъ быть въ немъ говорила просто ревность, можетъ быть это и было такъ, ибо даже Свер-

беевъ не могъ отрицать, что Лебединскій и изящнѣе и красивѣе его,—Свербеева.

Обычныя пикировки между двумя больными не могли быть незамѣченными Ольгой Ѳедоровной. И, какъ-то разъ, она спросила Свербеева:

— Что вы все... ссоритесь? Это право скучно.

— Онъ ревнуетъ!..—кивнулъ на Свербеева Лебеденскій и хихикнулъ.—Понимаете: ре-вну-етъ!..

Свербеевъ поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Позвольте... кто вамъ далъ право?..—началъ онъ, обернувшись къ Лебединскому.

Но Ольга Ѳедоровна его перебила:

— Ревнуетъ?—спросила она съ обычной своей улыбкой.—Кого и къ кому?

— Васъ ко мнѣ!..—ткнулъ себя въ грудь Лебединскій.

Свербеевъ смутился, а Ольга Ѳедоровна сдѣлала гримасу.

— Вотъ какъ?.. Но чтобы ревновать, надо имѣть право. А я, кажется, не давала повода!..

Было мгновеніе, когда Свербеевъ хотѣлъ размахнуться и ударить Лебединскаго, но боязнь скандала заставила его сдержать себя. Онъ только смѣрилъ Лебединскаго съ ногъ до головы и протянулъ, прищуриваясь:

— Можетъ быть, наоборотъ... г. Лебединскій? Что же касается меня,—я не ревную тѣхъ, кто мнѣ не нравится!

Это была дерзость и Свербеевъ сознавалъ, что, говоря ее, онъ хоронитъ себя навсегда въ глазахъ фельдшерицы, какъ женщины. Но его обидѣла гри-

маса Ольги Өедоровны и онъ просто сказалъ это по злобѣ.

На этомъ весь инцидентъ и кончился. Фельдшерица повертѣлась еще нѣсколько минутъ въ палатѣ и ушла, а Свербеевъ вышелъ въ корридоръ и долго ходилъ, о чемъ-то думая.

Вечеромъ же съ нимъ былъ сильный припадокъ и, когда онъ пришелъ въ себя, то чувствовалъ большой упадокъ силъ и весь слѣдующій день пролежалъ въ кровати...

VIII.

Была долгая зимняя ночь, одна изъ тѣхъ, которыя тянутся какъ длинный безконечный туннель... Свербеевъ легъ довольно поздно, но, какъ ни ворочался на койкѣ, заснуть не удалось и онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами. Наконецъ, это ему надоѣло и онъ вышелъ въ корридоръ. Уходя изъ палаты, онъ обратилъ вниманіе, что и Лебединскаго въ палатѣ нѣтъ, очевидно, тотъ сидѣлъ въ умывальной. Раньше, Свербеевъ тоже прошелъ бы туда, покурилъ и поговорилъ бы съ сосѣдомъ. Но теперь, въ виду натянутыхъ отношеній съ Лебединскимъ, ему встрѣчаться съ нимъ не хотѣлось.

И онъ не пошелъ въ умывальную, а закурилъ, прислонившись къ подоконнику. За окномъ лежалъ ровной пеленой серебристый снѣгъ. На него падали матовые лучи луны и подъ ними онъ казался чистой бѣлой скатертью, разостланной на длинномъ

и широкомъ столѣ. Иногда по этой скатерти пробѣгали синіе огоньки и тогда Свербееву казалось, что какія-то маленькія, одушевленныя существа бѣгутъ по ней съ игрушечными фонариками или кружатся съ огоньками въ рукахъ, въ веселомъ и стремительномъ хороводѣ. А потомъ вдругъ Свербееву стало казаться, что это не скатерть, а громадный саванъ, прикрывшій собою гиганта-покойника. И онъ видѣлъ подъ этимъ саваномъ очертанія ногъ, видѣлъ волнистыя складки на рукахъ,— ломанную линію, идущую отъ груди къ головѣ...

Опять призракъ ненавистной смерти всталъ предъ Свербеевымъ и по спинѣ побѣжала мелкая, жуткая дрожь... Онъ отошелъ отъ окна и присѣлъ на пустую скамейку, одну изъ тѣхъ, что были разставлены въ корридорѣ. Кругомъ была полутьма и ближайшая лампочка была отъ Свербеева шагахъ въ двадцати, если не больше. Да и та была приспущена и потому, если и былъ кто въ корридорѣ, сразу замѣтить было очень трудно. Свербеевъ сначала думалъ, что вблизи никого нѣтъ, но вдругъ до него долетѣлъ какой-то тихій разговоръ. Онъ сталъ прислушиваться и скоро убѣдился, что разговаривали въ маленькой палатѣ, въ которую возили обыкновенно умирающихъ. Дверь въ нее была немного пріотворена. Свербеевъ всталъ со скамейки и подошелъ. И вдругъ похолодѣлъ: не было сомнѣнія, что въ этой палатѣ сидѣлъ Лебединскій съ Ольгой Өедоровной.

Свербеевъ вспомнилъ, что Ольга Өедоровна сегодня дежурная, и ему стало понятнымъ ея присут-

ствіе въ клиникѣ въ такое время. Онъ стоялъ и въ груди его кипѣло бѣшенство.

— Такъ вотъ почему фельдшерица такъ холодна съ нимъ: она неравнодушна къ Лебединскому!

Свербееву ужасно захотѣлось войти въ маленькую палату, наговорить имъ обоимъ дерзостей, устроить скандалъ. Но онъ сдержалъ себя и остался стоять, продолжая мучительно догадываться:

— О чемъ они говорятъ? Вѣроятно, о любви? Подойти незамѣтно къ дверямъ и подслушать? Нѣтъ, нѣтъ, это подло... это выше его силъ...

Чтобы не вводить себя въ искушеніе, Свербеевъ было направился къ своей палатѣ, какъ вдругъ остановился и прислушался. До него ясно долетѣла его фамилія, произнесенная въ маленькой палатѣ. Говорили, очевидно, о немъ и теперь Свербеевъ смѣло подошелъ къ дверямъ маленькой палаты, гдѣ и остановился, затаивъ дыханіе...

Говорилъ Лебединскій, своимъ обычнымъ, груднымъ голосомъ, нѣсколько пониженнымъ:

— А онъ думаетъ, что поправится! Ни за что не хочетъ повѣрить, что здѣсь ему крышка!

Онъ злорадно разсмѣялся и спросилъ:

— А какъ вы думаете, долго онъ проживетъ?

— Наврядъ ли! Еще одинъ-два такихъ припадка и сердце его не выдержитъ.

— Неужели?

— Конечно! Вчера профессоръ говорилъ вашему ординатору, что онъ протянетъ максимумъ мѣсяцъ. Впрочемъ, онъ можетъ умереть каждую минуту.

Лебединскій что-то еще спросилъ, что-то ему отвѣтила Ольга Өедоровна, но Свербеевъ уже не слы-

шалъ. Онъ стоялъ у дверей съ застывшимъ, отъ ужаса, лицомъ и держалъ руку у сердца, хотѣвшаго выскочить... А потомъ пришелъ въ себя, провелъ рукой по влажному лбу и, шатаясь, пошелъ въ свою палату.

— Такъ вотъ гдѣ смерть!..—съ ужасомъ думалъ онъ.—Черезъ мѣсяцъ!.. Можетъ умереть каждую минуту!..

Эта фраза Ольги Ѳедоровны прорѣзала его мозгъ каленымъ желѣзомъ.

— Не можетъ быть!..—продолжалъ онъ думать дальше.—Доктора, вѣроятно, ошибаются!

Но что-то ему подсказывало, что они ошибиться не могутъ. И вотъ, послѣдняя искорка надежды, крохотный огонекъ, тлѣющій гдѣ-то въ глубинѣ души, теперь погашенъ и Свербеевъ видѣлъ сейчасъ впереди одинъ только мракъ. Будто опустилъ его сразу кто-то на дно глубокаго и узкаго колодца и онъ будетъ сидѣть въ немъ до тѣхъ поръ, пока вѣчный мракъ не покроетъ его навсегда.

До той минуты, пока Свербеевъ не услышалъ своего смертнаго приговора, ему все казалось, что неизбѣжный конецъ далекъ и что вся его болѣзнь ничто иное, какъ простое недомоганіе. И онъ пришелъ въ эту клинику для простой формальности, для своего самоуспокоенія. И если и были у него минуты сомнѣнія, то онъ объяснялъ ихъ себѣ специфической обстановкой.

Но теперь, вотъ именно сейчасъ, пелена спала съ его глазъ и ему все стало яснымъ, какъ Божій день. Да, несомнѣнно онъ умретъ, и умретъ не «когда-нибудь», не въ отдаленномъ будущемъ, а

теперь, черезъ нѣсколько дней, можетъ быть даже черезъ часъ. И эта неизвѣстность, это незнаніе «когда же именно» приводили въ ужасъ Свербеева. Онъ бралъ себя въ руки, старался не думать объ этомъ, но призракъ смерти вставалъ передъ нимъ во весь ростъ и пугалъ его своей неумолимой неизбѣжностью. Ольга Ѳедоровна и зародившееся чувство къ ней отошли на далекій планъ и казались Свербееву уже ненужными пустяками. Онъ сейчасъ даже не понималъ, какъ онъ могъ думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ смерти. И онъ сталъ думать о ней, какъ думаетъ прилежный ученикъ, стараясь разрѣшить неудающуюся ему задачу...

Въ душѣ поднималась злоба на себя, обреченнаго, не сумѣвшаго избѣгнуть неизбѣжнаго; на медицину, безсильную въ этой неравной борьбѣ; на весь міръ, остающійся жить и наслаждаться. Онъ ненавидѣлъ теперь эту луну, такъ спокойно взирающую съ далекаго неба въ то время, когда онъ, Свербеевъ, умираетъ; презиралъ завтрашнее солнце, которое будетъ свѣтить одинаково и на тѣхъ, кто останется жить, и на тѣхъ, кто будетъ лежать неподвижнымъ трупомъ.

И мысль умереть сейчасъ, умереть самому, не дожидаясь неизбѣжнаго конца, освѣтила его мозгъ, какъ освѣщаетъ молнія ночью большую дорогу... И онъ понялъ, что иначе быть не можетъ, что хоть этимъ онъ восторжествуетъ надъ проклятымъ, тяготѣющимъ надъ нимъ рокомъ.

Какъ воръ, оглядываясь по сторонамъ, Свербеевъ подошелъ къ койкѣ Лебединскаго, просунулъ руку подъ подушку и нашелъ то, что ему было нужно.

И опять, крадучись и пригибаясь къ полу, трясясь не отъ мысли, что скоро умретъ, а отъ страха, что его поймаютъ,—онъ вышелъ изъ палаты и прошелъ въ умывальную, гдѣ и заперся въ одномъ изъ клозетовъ. Здѣсь онъ тщательно, нисколько не волнуясь, набралъ полный шприцъ свѣтлой жидкости и съ какимъ-то сладострастіемъ нажалъ пальцемъ на головку шприца.

И будто гора свалилась послѣ этого съ души Свербеева... Онъ ровнымъ и спокойнымъ шагомъ прошелъ въ свою палату, спряталъ шприцъ и склянку опять на прежнее мѣсто, раздѣлся и легъ на свою койку.

Сначала онъ ничего не чувствовалъ, за исключеніемъ легкой тошноты. Но потомъ у него сразу закружилась голова, въ ушахъ начался шумъ, и въ глазахъ пошли большіе огненные круги... И вдругъ такъ страшно захотѣлось спать, что вѣки сами собой опустились и когда Свербеевъ хотѣлъ приподнять ихъ, кто-то большой и озлобленный—какъ ему показалось—надавилъ на нихъ всѣми десятью пальцами своихъ громадныхъ, мохнатыхъ рукъ...

А потомъ Ольга Ѳедоровна съ Лебединскимъ потащили Свербеева наверхъ высокой и отлогой скалы, чтобы сбросить его въ чернѣющую подъ скалой бездну... Свербеевъ кричалъ, упирался руками и ногами, цѣплялся за лежавшіе на пути камни... Но камни ускользали изъ-подъ его конечностей, а Ольга Ѳедоровна съ Лебединскимъ продолжали тащить его и злорадно хохотали. Они хохотали и тогда, когда онъ, Свербеевъ, сброшенный съ верхушки ска-

лы, полетѣлъ безпомощнымъ мѣшкомъ въ темную, бездонную пропасть... И, когда Свербеева окончательно поглотила уже бездна, этотъ хохотъ, рожденный галлюцинаціей, былъ послѣднимъ живымъ звукомъ, долетѣвшимъ до его холодѣющаго уже мозга... Былъ послѣднимъ насмѣшливымъ салютомъ живыхъ — уходящему отъ этой жизни.

ДВОЕ.

Двое.

Они появлялись всегда вмѣстѣ, и на палубѣ корабля, на которомъ оба служили матросами, и на берегу, когда шли пропивать свои, заработанныя такимъ тяжелымъ трудомъ, деньги...

Собственно, никто не могъ сказать, что связывало вмѣстѣ эти двѣ противоположныя фигуры; да они и сами не отвѣтили бы на этотъ вопросъ, если бы кто имъ его задалъ,—до того умственный кругозоръ ихъ былъ узокъ и ихъ духовная сфера ограничена.

Одного звали Янъ Парайненъ, другого— Петька Смола. Одинъ былъ финляндецъ, высокій и худой сынъ побережья Балтики, съ бѣлесоватыми глазами и грязными, жиденькаго цвѣта волосами, другой—малороссъ, широкоплечій, низкорослый, съ задорнымъ смѣхомъ юноши и мускулатурой атлета...

Ни разность характера, флегматичнаго и спокойнаго у одного и хвастливо-задорнаго у другого, ни разность религіи и языка—не могли разлучить ихъ хотя бы не на долго, будто между ними существовало какое-то загадочное звено, разорвать которое они не имѣли возможности.

Никто не зналъ, откуда они. Они появились вмѣстѣ за часъ до отхода корабля въ заграничное плаваніе, переговорили минуту со шкиперомъ и тотчасъ же принялись за свою матросскую работу, которая закипѣла въ ихъ рукахъ. Конечно, какъ только они спустились въ кубрикъ, чтобы присѣсть съ всей командой за дымящійся со щами бакъ,—ихъ тотчасъ же закидали вопросами, но финляндецъ хранилъ гробовое молчаніе, а Петька Смола, на вопросъ: «откуда онъ?» спокойно отвѣтилъ: «оттуда!».

При этомъ онъ сдѣлалъ такой выразительный жестъ, что, во первыхъ, вся команда разразилась громкимъ хохотомъ, а во-вторыхъ,—спрашивавшій страшно переконфузился и больше не задавалъ ни одного вопроса. Пробовали ихъ задирать, но послѣ того, какъ Янъ перетащилъ черезъ всю палубу пятнадцатипудовый якорь, а Смола задалъ знатную трепку первому силачу на кораблѣ повару Подковѣ,—ихъ оставили въ покоѣ и даже начали оказывать имъ нѣкоторое уваженіе.

Но они сторонились какъ-то всѣхъ, и когда нельзя было уходить на берегъ, а это было только во время хода корабля,—они забирались вдвоемъ въ какое нибудь укромное мѣстечко и молча глядѣли въ безбрежную даль моря, или смотрѣли на далекія, мигающія звѣзды.

Вотъ и теперь, въ праздничный день, когда корабль ихъ, неся закрѣпленные паруса, скользилъ по изумруднымъ волнамъ Атлантическаго океана, Смола лежалъ на полубакѣ и, подложивъ обѣ руки подъ голову, слѣдилъ глазами за бѣжавшими

надъ нимъ облаками, а Янъ Парайненъ помѣстился съ нимъ рядомъ, лежа на животѣ, пыхтѣлъ небольшой трубкой и смотрѣлъ, какъ бѣгали гребни по верхушкамъ волны и какъ летѣли бѣлыя брызги изъ подъ носа бѣгущаго корабля.

Такъ продолжалось часа полтора, но, наконецъ, Смола первый прервалъ молчаніе.

— Какъ ты думаешь, — вдругъ спросилъ онъ,— далеко до неба?

Янъ, не вынимая изо рта трубки, лѣниво поднялъ голову, секунду—двѣ смотрѣлъ наверхъ и снова сталъ смотрѣть на прыгавшія волны, не отвѣчая ничего.

— Я думаю, узловъ двѣсти будетъ!—продолжалъ Смола.

Финляндецъ вынулъ трубку и посмотрѣлъ на товарища.

— А ты мѣрилъ?—спросилъ онъ съ сильнымъ акцентомъ.

— Не мѣрилъ, а навѣрное узловъ двѣсти будетъ!—авторитетно протянулъ Смола.

Янъ выколотилъ трубку о ноготь большого пальца, не торопясь спряталъ ее за широкій поясъ и, сплюнувъ характерно за бортъ, серьезно замѣтилъ:

— Нушно раньши мѣрить, а потомъ гафорить!..

Такое резонерство такъ ошеломило его друга, что тотъ не нашелся даже отвѣтить и они опять замолчали оба, думая каждый свою думу...

И ни разу между ними не произошло ни одной ссоры. Впрочемъ, одинъ разъ—а это было въ Марсели,—Янъ и Смола, обойдя всѣ кабаки гавани и истребивъ безчисленное множество коньяку и аб-

сенту, наконецъ попали въ какой то притонъ. Въ то время, пока Смола демонстрировалъ передъ присутствующими свое искусство гимнаста, и ходилъ даже на рукахъ, Янъ выбралъ себѣ въ уголкѣ столикъ, пригласилъ къ нему какую-то дѣвицу и началъ разсыпаться передъ ней въ финляндскихъ любезностяхъ.

Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подошелъ Смола. Плѣнившись красивымъ русскимъ, дѣвица начала оказывать ему болѣе вниманія, чѣмъ Яну, за что тотъ хотѣлъ проучить измѣнницу... Но за нее вступился Смола, и былъ моментъ, когда оба пріятеля стояли другъ передъ другомъ съ сжатыми кулаками и налившимися кровью глазами. Но флегматичный характеръ финляндца оказалъ и на этотъ разъ услугу. Янъ махнулъ рукой, презрительно сплюнулъ на полъ и спокойно опустился на свое мѣсто...

— Изъ такой рянь не тоитъ раться!—сказалъ онъ.

И черезъ пять минутъ оба друга лихо отплясывали въ томъ же притонѣ бойкій матросскій танецъ, а о минувшей ссорѣ не было и помину...

Такъ продолжалось изо дня въ день въ теченіе двухъ лѣтъ и неизвѣстно, чѣмъ бы эта дружба кончилась. Но вотъ, однажды, Смола сорвался при уборкѣ паруса съ брамъ-реи, и его подняли на палубѣ съ пробитымъ черепомъ и переломленнымъ позвоночнымъ столбомъ...

Несчастный матросъ лежалъ въ бреду на своей койкѣ въ кубрикѣ, широко разметавшись въ жару, а около него сидѣлъ Янъ Парайненъ, окон-

чившій дневныя работы и, положа ногу на ногу, дымилъ своей трубкой. Ни одинъ мускулъ не дрожалъ на безстрастномъ лицѣ финляндца, и только трубка на этотъ разъ почему то особенно сильно дымила...

Смола умеръ на второй день и былъ похороненъ въ морѣ, причемъ Парайненъ самъ хлопоталъ, зашивая своего друга въ парусину и привязывая къ его ногамъ тяжелую баластину. Казалось, что онъ и теперь былъ совершенно спокоенъ и только, когда церемонія была окончена и тѣло Петьки Смолы навсегда поглотили голубыя волны Средиземнаго моря,—Янъ долго стоялъ у борта съ непокрытой головой и грустно смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылся его другъ. И было мгновеніе, когда что то обожгло его впалыя щеки и покатилось съ нихъ на грязную матросскую блузу... Но это было только одно мгновеніе. Янъ надѣлъ шапку, закурилъ опять трубку и работалъ, пока было нужно, какъ ни въ чемъ не бывало...

А еще черезъ три дня его корабль пришелъ въ заграничный портъ. Едва только отдали якоря и исполнили обычныя таможенныя формальности,—на порогѣ каюты шкипера появился Янъ Парайненъ и твердымъ голосомъ потребовалъ разсчета. Изумленный шкиперъ сталъ было его уговаривать, не желая отпустить такого хорошаго работника, но Янъ настойчиво повторилъ свою просьбу.

— Но куда ты пойдешь?—спросилъ шкиперъ, отдавая ему паспортъ и деньги.—Ты здѣсь будешь

на чужой сторонѣ. Дойди съ нами обратно до Россіи и тогда уходи съ Богомъ!..

Янъ ничего не отвѣтилъ, а только отвернулся и грустно посмотрѣлъ въ сторону открытаго моря...

И черезъ полчаса онъ, съ небольшимъ сундучкомъ за плечами, уже шелъ по набережной большого города, держа въ зубахъ неизмѣнную трубку, и скоро слился съ толпой людей разной національности...

ВЛАСИКЪ.

Власикъ.

I.

Спала дневная жара, и вдругъ повѣяло пріятной прохладой. Накаленныя за день солнечными лучами деревья жадно тянули свои вѣтви къ вечернему вѣтерку и пили листьями ароматъ надвигающейся ночи. Свободно дышала земля и манила набѣгающую тучку, прося дождя и влаги.

И только Власику совершенно безразлично: пойдетъ ли завтра дождь, или попрежнему будетъ невыносимая жара, какъ это и было за послѣднюю недѣлю.

Если пойдетъ дождь—Власикъ выбѣжитъ босыми ножками на улицу и будетъ шлепать по образовавшимся лужицамъ; запалитъ ли снова солнце—Власикъ будетъ радъ и ему. Онъ возьметъ кусокъ стеклышка въ руки, наведетъ на покосившуюся калитку въ заборѣ своего сада и будетъ ловить зайчиковъ. Власикъ любитъ движеніе. Власикъ не умѣетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, какъ сидятъ какіе-то незнакомые люди въ томъ большомъ корпусѣ, который виденъ изъ окна ихъ квартиры.

Власику всего только шесть лѣтъ. Онъ плохо еще оріентируется въ окружающей его обстановкѣ, но кое-что уже знаетъ и понимаетъ.

Онъ знаетъ, напримѣръ, что его папа—тюремный надзиратель, что большой корпусъ, къ которому ему нельзя подходить—тюрьма и въ ней сидятъ злые люди. А для того, чтобы эти злые люди не убѣжали,—въ окнахъ этого корпуса есть желѣзныя рѣшетки, а внутри—желѣзныя двери.

Власикъ знаетъ также, что эти двери запираются на ночь большими-большими ключами, которые нельзя ему, Власику, никогда трогать.

Когда Власикъ еще не зналъ этого и вздумалъ разъ поиграть этими ключами, папа страшно разсердился и долго кричалъ:

— Возьми ты ихъ еще разъ!.. Я тебѣ покажу!..

И теперь, когда, другой разъ, страшные ключи висятъ надъ папиной постелью, Власикъ пугливо на нихъ посматриваетъ и думаетъ:

— Почему же ихъ нельзя брать въ руки? Развѣ они выстрѣлятъ?..

Власикъ помнитъ также, какъ однажды у папы пропали такіе ключи, и какъ папа былъ испуганъ, какъ плакала мама... Онъ помнитъ, какъ къ большому корпусу пріѣхалъ кто-то сердитый и важный, въ сѣромъ пальто на красной подкладкѣ... Онъ долго кричалъ на папу и на смотрителя Ивана Федоровича и обѣщалъ ихъ обоихъ выгнать со службы.

Власикъ помнитъ, какъ обрадовался папа, когда ключи нашлись въ конторѣ подъ лавкой, и какъ мама все ходила, крестилась и приговаривала:

— Ну, слава Богу... слава Богу!..

Хорошо живется Власику. Мама его балуетъ, папа—тоже. Бѣгаетъ онъ съ утра до вечера по садику, въ который выходитъ окно ихъ квартиры. Дѣлаетъ Власикъ, что хочетъ, и, хотя нѣтъ у него пріятелей,—проводитъ время очень весело.

И всѣхъ любитъ Власикъ и на все смотритъ съ улыбкой. И только, когда его взоръ упадетъ на большой корпусъ, лицо ребенка дѣлается не полѣтамъ задумчивымъ и серьезнымъ.

Часто, среди шумнаго веселья, гоняясь за какой-нибудь бабочкой и хохоча во все горло отъ неожиданныхъ промаховъ, Власикъ нечаянно поднималъ глаза на корпусъ съ рѣшетками въ окнахъ, и сачокъ падалъ изъ руки, и бабочка моментально забывалась...

Власику казалось, что какая-то сила тянула его къ этому мрачному зданію, которое смотрѣло на него черными впадинами... И тогда Власику хотѣлось плакать...

А иной разъ Власику прямо дѣлалось грустно, и никакія игры его не забавляли... Тогда онъ шелъ на чердакъ своего дома и смотрѣлъ оттуда по цѣлымъ часамъ на каменный дворъ большого корпуса. Видѣть его иначе Власикъ не могъ, ибо высокая стѣна скрывала два нижнихъ этажа, а когда онъ шелъ на чердакъ—стѣна не мѣшала.

Обыкновенно, послѣ этихъ наблюденій, у Власика было много матеріала для разспросовъ отца, когда тотъ возвращался со службы.

— Папа, ты знаешь, что я тебѣ скажу...—обыкновенно начиналъ онъ, присаживаясь къ отцу. — Я видѣлъ, какъ сегодня водили арестантовъ!..

— Ты опять на чердакъ лазилъ?..—спрашивалъ отецъ...

— Да, я былъ на чердакѣ! Но почему, папа, у нихъ ноги связаны?

— Чтобы они не убѣжали!

— Убѣжали!.. — какъ эхо повторялъ ребенокъ и смотрѣлъ куда-то въ одну точку.—А зачѣмъ имъ бѣжать, папа?.. Развѣ имъ здѣсь плохо?

— Конечно плохо, разъ они сидятъ въ тюрьмѣ!..

— А за что они сидятъ?..

— Выростешь, Власикъ, узнаешь!.. А теперь, иди, играй!..

Власика этотъ отвѣтъ страшно обижалъ. Онъ не какъ не могъ примириться съ мыслью, что ему еще нужно рости и больше узнавать, что дѣлается на свѣтѣ.

Ему казалось—и казалось совершенно серьезно,—что онъ уже большой и что все уже знаетъ.

А то, бывало, Власикъ спроситъ отца:

— Почему, папа, во дворѣ солдатъ ходитъ?

— Онъ сторожитъ, чтобы арестанты не убѣжали!..

— А если они убѣгутъ?

— Тогда онъ ихъ застрѣлитъ изъ того ружья, которое онъ носитъ на плечѣ!

— А если онъ въ нихъ не попадетъ?

— Перестань говорить глупости, Власикъ! — хмурился отецъ.—Солдатъ не можетъ не попасть,— на то онъ и солдатъ!..

Власикъ замолкалъ и сейчасъ же рѣшалъ въ своемъ умѣ, что отъ солдата никуда не убѣжишь,

и потому питалъ ко всѣмъ солдатамъ особое уваженіе.

2.

Осень въ этомъ году была ранняя и дождливая... Власика рѣже выпускали изъ дома, а когда выпускали—не позволяли ходить босикомъ и заставляли надѣвать ботинки и калоши. Въ такомъ видѣ для Власика терялась прелесть дождя и нельзя было ходить по лужамъ, какъ, бывало, онъ это продѣлывалъ лѣтомъ.

Но зато теперь Власикъ чаще уходилъ на чердакъ и смотрѣлъ оттуда на большой каменный корпусъ...

Иногда изъ этого корпуса доносились пѣсни арестантовъ, и Власикъ жадно къ нимъ прислушивался. Словъ онъ не понималъ, но мотивы ему нравились, и послѣ нихъ Власику дѣлалось грустно, и онъ чаще капризничалъ...

Какъ-то Власикъ присутствовалъ при разговорѣ отца съ матерью:

— И много умираютъ?—спрашивала мать, и въ глазахъ ея сквозила тревога.

— Много! Просто, не знаемъ, что и дѣлать!

Власикъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Кто умираетъ, папа? А?

— Арестанты умираютъ, Власикъ!.. Арестанты!..

— А почему, папочка?..

— Отъ тифа...

Власикъ дѣлалъ изумленные глаза, и отецъ объяснялъ ему, что такое тифъ.

— Ты смотри, не заразись!—говорила мать отцу.

— Да нѣтъ, откуда заразиться!..

— Или ребенка заразишь! Ты бы объяснилъ Ивану Федоровичу, что у тебя ребенокъ. Пусть бы перевелъ тебя пока въ контору.

— Пустяки! Развѣ у меня одного дѣти! Ты подумай, что говоришь!..

Но мать настаивала на своемъ и долго съ отцомъ спорила. Затѣмъ они поругались, и отецъ ушелъ надутый и недовольный, не поцѣловавъ даже Власика.

Съ этого дня Власикъ чаще бѣгалъ на чердакъ и съ жадностью смотрѣлъ на большой каменный корпусъ. И онъ видѣлъ, какъ отворялись желѣзныя ворота и изъ нихъ часто выходили люди, неся что-то на носилкахъ. Онъ видѣлъ, какъ съ этихъ носилокъ стряхивали что-то на стоявшія у воротъ подводы, а затѣмъ снова уходили, и снова возвращались съ носилками...

И Власикъ понялъ, что на носилкахъ—тоже люди, потому что на подводахъ торчали руки и ноги...

Власику дѣлалось жутко и онъ сбѣгалъ внизъ и прижимался къ матери...

3.

Вскорѣ Власикъ заболѣлъ...

Началось это съ головной боли, но Власикъ не былъ нѣженкой и потому матери не говорилъ...

Но потомъ, когда боль охватила уже всю голову, онъ расплакался и сказалъ.

Мать приложила руку къ его тѣлу и вдругъ вся побѣлѣла:

— Да ты боленъ, Власикъ!.. У тебя страшный жаръ!..

Она раздѣла его и уложила въ кроватку. Затѣмъ Власикъ помнилъ, какъ что-то ему давали, чѣмъ-то его натирали, а потомъ сознаніе его покинуло, и для него наступилъ сонъ, тяжелый и продолжительный, отъ котораго онъ никакъ не могъ очнуться.

Власикъ видитъ себя въ большомъ каменномъ корпусѣ. Онъ идетъ по длинному-длинному коридору, а къ нему тянутся, какъ крючья, исхудалыя руки и стараются затащить его въ душныя, маленькія комнаты съ низкими сводами.

Власикъ бѣжитъ въ ужасѣ и слышитъ, какъ кричатъ ему вслѣдъ:

— Тюремный надзиратель!.. Посмотрите: тюремный надзиратель!..

А затѣмъ Власикъ видитъ, какъ на большой каменный дворъ въѣзжаютъ подводы...

И снова видитъ онъ, какъ быстро наполняются онѣ человѣческими тѣлами и какъ торчатъ съ нихъ скрюченныя руки и ноги...

А потомъ кто-то хватаетъ Власика за руки, втягиваетъ на одну изъ этихъ подводъ и шепчетъ на ухо:

— Ключи, Власикъ, дай! Дай скорѣе ключи!

И Власикъ мечется въ жару по своей кроваткѣ, зоветъ папу и умоляетъ:

— Папочка!—отдай имъ ключи! Дорогой! отдай!

4.

На восьмой день изъ квартиры тюремнаго надзирателя выносили маленькій гробикъ...

Гробикъ былъ наглухо заколоченъ, и лица Власика не было видно, но убитая горемъ женщина все время цѣплялась за крышку и кричала:

— Сыночекъ мой!.. дорогой сыночекъ!..

Больше никто не провожалъ Власика. Отецъ лежалъ въ тюремной больницѣ, тоже разметавшись въ жару, другимъ было некогда...

И только большой каменный корпусъ, казалось, провожалъ своими черными впадинами печальную процессію и чему-то загадочно улыбался...

ПРІЯТЕЛИ.

Пріятели.

Когда Николай Ивановичъ Прытковъ позвонилъ у подъѣзда чиновника особыхъ порученій Грохольскаго,—въ первую минуту у него явилось почему-то страстное желаніе сбѣжать обратно со ступенекъ лѣстницы и скрыться такъ, чтобы его никто не видалъ...

Очень можетъ быть, что Прытковъ привелъ бы въ исполненіе свой планъ, но въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ появился лакей Грохольскаго, одѣтый, по случаю ранняго утра и приборки, далеко не опрятно. Онъ окинулъ съ ногъ до головы Николая Ивановича привычнымъ взглядомъ и, видя простой и дешевенькій костюмъ ранняго посѣтителя, довольно грубо спросилъ:

— Кого вамъ?

Николай Ивановичъ смутился и отъ этого грубаго окрика и отъ смутнаго сознанія той правильной оцѣнки, которую онъ получилъ, очевидно, въ глазахъ слуги.

— Сергѣй Петровичъ дома?—спросилъ онъ, смотря куда-то въ сторону.

— Дома, но спятъ! И потомъ, они-съ просителей на дому не принимаютъ. Пріемъ въ губернаторскомъ домѣ въ одиннадцать часовъ.

При мысли, что лакей принимаетъ его за про-

сителя, можетъ быть даже за нищаго, въ груди у Прыткова что-то закипѣло... Онъ твердыми шагами поднялся еще ступеньки двѣ, отстранилъ изумленнаго лакея и прошелъ въ переднюю.

— Доложите Сергѣю Петровичу, что пріѣхалъ его старинный другъ, господинъ Прытковъ, и желаетъ его видѣть.

Онъ снялъ пальто, отдалъ лакею и прошелъ въ указанную ему комнату, гдѣ и сѣлъ въ первое, попавшееся ему кресло.

— Узнаетъ ли онъ меня?—началъ тревожно думать онъ.—Столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

Грохольскій былъ его товарищъ по университету, товарищъ, съ которымъ онъ прожилъ душа въ душу пять лѣтъ, дѣля всѣ невзгоды недостаточнаго студенчества и лучшіе порывы юношескихъ лѣтъ. Но послѣ университета имъ пришлось разстаться. Грохольскій сразу поступилъ секретаремъ къ одному вліятельному лицу, съ которымъ уѣхалъ на югъ, а Прытковъ долго перебивался уроками, бѣгалъ что-то съ годъ по разнымъ канцеляріямъ, подавалъ прошенія и, наконецъ, не выдержалъ и пошелъ въ земскую школу учительствовать. Такъ прошло шесть лѣтъ, и вотъ только теперь онъ совершенно случайно узналъ, что у вновь назначеннаго въ Н-къ губернатора, чиновникомъ особыхъ порученій какой-то Грохольскій. Николай Ивановичъ навелъ справки и не оставалось никакого сомнѣнія, что это именно и есть тотъ самый Грохольскій, съ которымъ Прытковъ былъ такъ друженъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

Воспользовавшись первымъ свободнымъ случаемъ, Прытковъ взялъ семидневный отпускъ и отправился въ губернскій городъ, отстоящій отъ мѣста его службы въ 75 верстахъ, съ цѣлью навѣстить пріятеля, вспомнить съ нимъ о прошедшемъ и подѣлиться настоящимъ. Но, подъѣзжая къ Н—ку, въ душѣ Николая Ивановича начало зарождаться какое-то сомнѣніе, и мысль о безрезультатности этой поѣздки не давала ему покоя.

«Помнитъ ли онъ меня?» подумалъ онъ, трясясь на безрессорной бричкѣ по дорогѣ къ губернскому городу. «Да и положенія-то наши не одинаковы: онъ—первое послѣ губернатора лицо въ городѣ, а что изъ себя представляю я... учитель математики въ уѣздномъ городишкѣ, получающій полсотни въ мѣсяцъ! Не вернуться ли обратно?»

Но обратно онъ не вернулся, а сидѣлъ вотъ въ этой комфортабельно обставленной комнатѣ, когда дверь въ нее быстро отворилась и онъ попалъ въ чьи-то объятія:

— Коля!.. Старый другъ!.. Какими судьбами!.. Вотъ пріятно удивилъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ пріятели уже сидѣли въ столовой за утреннимъ чаемъ и Николай Ивановичъ съ лихорадочно блестѣвшими глазами слушалъ, какъ Грохольскій разсказывалъ о своей жизни за послѣднее время и о своемъ настоящемъ служебномъ положеніи. Сергѣй Петровичъ говорилъ увлекательно и красиво, картинно передавая всю свою жизнь за эти шесть лѣтъ... Говорилъ, какъ его любитъ начальство и балуетъ общество...

— Ты не можешь себѣ представить, какъ удобно

сложилась моя жизнь! Около десяти утра я прихожу въ канцелярію, поболтаю съ дѣлопроизводителемъ и двумя-тремя сослуживцами и съ одиннадцати начинаю выслушивать различныя просьбы и принимаю посѣтителей. Ну, само собой разумѣется, на это особенно много времени не тратишь... Обходишь совершенно машинально, автоматически задаешь вопросы и часто думаешь совершенно о другомъ. Такъ что иногда выходятъ смѣшные инциденты... Ну, да дѣло не въ этомъ. Отъ двѣнадцати до часу я съ докладомъ у губернатора, а затѣмъ, у него же завтракаю. Время отъ завтрака до обѣда проходитъ разнообразно: то я катаюсь съ его превосходительствомъ верхомъ, то ѣду съ ея превосходительствомъ въ какой-нибудь пріютъ или на благотворительный базаръ. Въ 8 вечера—обѣдъ въ губернаторской семьѣ, а затѣмъ винтъ до 12—1 ночи. Это—въ обыкновенные дни. Въ праздники же иногда устраиваются концерты, вечера или спектакли и тогда я являюсь всегда распорядителемъ, или участникомъ, жуирую, волочусь, и вообще чувствую себя какъ нельзя лучше. Есть интересныя женщины въ нашемъ городѣ, а особенно одна, съ которой у меня теперь самыя близкія отношенія. Это — жена акцизнаго, пикантная блондинка съ чудными зубами, вызывающимъ торсомъ и съ удивительно глупымъ мужемъ. Такъ что даже отчасти, знаешь ли, не интересно его обманывать: до того онъ глупъ. Ну, а ты какъ поживаешь?..

Николай Ивановичъ совсѣмъ растерялся. Что онъ могъ разсказать пріятелю послѣ всего слышаннаго? Но все-таки, сначала какъ бы нехотя, а по-

томъ все болѣе и болѣе увлекаясь, онъ разсказалъ Грохольскому, какъ онъ безплодно и отчаянно боролся въ большомъ городѣ съ нуждой, жилъ впроголодь, — бѣгая по грошевымъ урокамъ, покупалъ на послѣднія деньги книги, хотѣлъ учиться дальше—остаться въ университетѣ... Онъ разсказалъ ему про долгія, безсонныя, петербургскія ночи, проведенныя имъ въ мечтахъ о каѳедрѣ, о стремленіи къ свѣтлому и хорошему—мечтахъ о пользѣ человѣчеству, о сознаніи своей полезности въ этомъ міровомъ круговоротѣ. Затѣмъ—появленіе его въ роли учителя... Его упорная борьба съ окружающимъ невѣжествомъ, съ давящей всѣ его начинанія рутиной, недовольство и интриги сослуживцевъ, грубость предсѣдателя земской школы и зависть недоучки-батюшки,—все это не могло не повліять на его внутренній міръ и не истрепать его нервы. Но во всякомъ случаѣ, если у него много тяжелыхъ минутъ разочарованія, то бываютъ мгновенія, когда онъ чувствуетъ себя удовлетвореннымъ и въ эти минуты онъ прощаетъ своей судьбѣ всѣ ея удары и съ новымъ рвеніемъ, съ новымъ запасомъ энергіи идетъ навстрѣчу тому безпросвѣтному мраку, который его окружаетъ.

Пріятели пересѣли къ окну и начали вспоминать свое далекое прошлое.

— Помнишь, Коля,—говорилъ Сергѣй Петровичъ,—какъ мы одно время снимали комнату у чухонки на Петербургской сторонѣ? Помнишь, бывало: проснемся, ни чаю, ни сахару, ни хлѣба!.. Зовемъ ее къ себѣ. Хорошая была старуха!.. А стулья наши?..

Лицо Прыткова оживилось.

— Какъ же... какъ же!. Одинъ—о трехъ ножкахъ и у всѣхъ спинки такія, что чуть прислонишься, какъ уже летишь стремглавъ на полъ!

— А помнишь, какъ мы иногда по ночамъ, въ хозяйской кухнѣ обходъ дѣлали? Все бывало подъѣдимъ, что плохо лежитъ!..

— Я даже разъ клейстеръ какой-то съѣлъ—за манную кашу его принялъ!..

Пріятели разсмѣялись, а потомъ замолчали.

И вдругъ, почему-то, имъ обоимъ сдѣлалось грустно. Они молча стали глядѣть въ окно, за которымъ шелъ осенній дождь; слѣдили за его каплями прыгавшими по плитамъ тротуара и искали глазами конца безконечно-длинной, свинцовой тучи, которая словно застыла надъ городомъ.

И вся ихъ жизнь показалась имъ такой же, безконечно-длинной и сѣрой тучей, словно застывшей на одномъ мѣстѣ, и не знали они: когда взойдетъ солнце, да и есть ли оно вообще.

Первымъ нарушилъ молчаніе Грохольскій. Онъ началъ жаловаться на то, что жизнь его пуста и безсодержательна, что всѣ эти завтраки и пріемы у ихъ превосходительствъ надоѣли ему до тошноты. Онъ жаловался, что мѣстные обыватели ненавидятъ его до глубины души, видя въ немъ лишь карьериста и тунеядца, что всѣ эти обыватели такіе же пошляки, какъ и онъ самъ, и даже его блондинка съ вызывающимъ торсомъ—кривляка и лгунья и игра съ нею въ адюльтеръ приноситъ ему отвращеніе.

— Какъ я завидую тебѣ!—схватилъ онъ Прыт-

кова за руку,—что ты не вращаешься въ этомъ туманѣ ежедневныхъ интригъ и безпросвѣтной пустоты. Какъ бы я хотѣлъ быть на твоемъ мѣстѣ, чтобъ хоть на секунду почувствовать, что я все-таки «нѣчто», а не обыкновенная флюгарка, измѣняющая свое направленіе подъ вліяніемъ минуты!

Онъ замолчалъ, откинувшись въ глубину кресла, и закрылъ лицо руками, а Николай Ивановичъ сидѣлъ передъ нимъ, наклонясь всѣмъ корпусомъ и, облокотясь рукой на колѣни, грустно качалъ головой.

— Ты... мнѣ завидуешь?..—грустно и медленно спросилъ онъ.—Ты... которому я завидовалъ минуту назадъ, слушая исторію твоей жизни?!. Да знаешь ли ты, что вся эта моя энергія, про которую я тебѣ говорилъ, и мое желаніе бороться съ жизнью—самообманъ, убаюкиваніе своего безсилія и безпомощности!.. А если сказать по правдѣ, то я тоже ничто иное, какъ флюгарка, но только поставленная въ худшія условія...

Черезъ полчаса Грохольскій ушелъ на службу, а Николай Ивановичъ пошелъ по своему училищному дѣлу и вернулся только послѣ четырехъ. Грохольскаго дома онъ не засталъ, и пообѣдалъ одинъ, послѣ чего прилегъ въ кабинетѣ Сергѣя Петровича и началъ думать о недавнемъ разговорѣ съ другомъ.

— Вотъ Сергѣй...—думалъ онъ,—развѣ онъ не могъ, при данныхъ обстоятельствахъ, устроить свою жизнь совершенно иначе? Въ его руки судьба дала и средства, и независимое положеніе въ городѣ и вліяніе на государственнаго дѣятеля, отъ

котораго зависитъ благоустройство цѣлой губерніи. А воспользовался ли онъ хоть разъ своимъ положеніемъ въ хорошемъ смыслѣ!..

«Обходишь совершенно машинально, автоматически задаешь вопросы и часто думаешь совершенно о другомъ».

Онъ сопоставилъ эту фразу пріятеля съ недавнимъ посѣщеніемъ школы окружнымъ инспекторомъ:

— Выслушивалъ онъ наши нужды, а самъ смотрѣлъ куда-то въ сторону, и, очевидно, отвлеченныя мысли занимали его голову. Такъ, ни одинъ изъ наболѣвшихъ нашихъ вопросовъ и не разрѣшилъ!.. А мы то его ждали, какъ Бога, думали: вотъ пріѣдетъ, приметъ близко къ сердцу и хоть чѣмъ-нибудь да облегчитъ!

Часовъ въ восемь вернулся Грохольскій, но для того только, чтобы перемѣнить вицъ-мундиръ на фракъ. По его словамъ—у губернатора былъ сегодня раутъ. Онъ извинялся передъ Николаемъ Ивановичемъ все время пока дѣлалъ свой туалетъ и ушелъ какъ-то быстро, оставивъ во всей квартирѣ запахъ модныхъ духовъ и безпорядокъ холостого человѣка. А Николай Ивановичъ легъ въ постель, взялъ было какую-то книгу, но скоро уснулъ, утомленный безалаберно проведеннымъ днемъ и мучительными мыслями, волновавшими его мозгъ.

Въ это время Сергѣй Петровичъ сидѣлъ въ уютной гостиной губернаторскаго дома рядомъ съ женой акцизнаго и, скрытый слегка тропическими растеніями, нашептывалъ ей что-то очень пріят-

ное, потому что она окидывала своего собесѣдника по временамъ жгучимъ взглядомъ и грудь ея порывисто и высоко поднималась.

Въ сосѣдней комнатѣ играли на три стола въ карты, при чемъ за однимъ столомъ сидѣлъ мужъ этой блондинки—заплывшiй и опухшiй субъектъ съ большимъ животомъ на коротенькихъ ножкахъ и съ рысьими глазками. Онъ дѣлалъ глубокомысленную физiономiю, когда раскрывалъ вѣеромъ карты, ехидно хихикалъ при всякой неудачѣ противниковъ и зло сопѣлъ носомъ, если самъ ремизился.

И все это общество, наполнявшее сегодня роскошную губернаторскую квартиру,—всѣ эти мужчины и дамы, и юноши и дѣвицы—говорили, смѣялись, пѣли, играли въ карты, лгали другъ другу открыто въ глаза и дѣлали видъ, что имъ очень весело; а въ общемъ—всѣ прислушивались къ стуку ножей и вилокъ, къ звону посуды въ столовой, въ которой хлопотала дюжина лакеевъ.

На другое утро Грохольскiй проснулся очень поздно и, лежа въ кровати, разсказывалъ сидѣвшему около него Прыткову о раутѣ.

Онъ передалъ двѣ-три новыхъ сплетни, ходившихъ въ городѣ, разсказалъ кстати одинъ, очень пикантный анекдотъ и детально описывалъ тѣлосложенiе жены акцизнаго, которую онъ провожалъ домой.

Николай Ивановичъ слушалъ его съ какимъ-то удивленiемъ и вдругъ ему до тошноты сдѣлался противенъ его прiятель, раскинувшiйся на кровати молодымъ, чувственнымъ тѣломъ. И Прытко-

ву мучительно захотѣлось поскорѣе отсюда бѣжать—бѣжать безъ оглядки и безъ всякой надежды когда-либо сюда вернуться.

И, дѣйствительно, онъ выдумалъ какую-то неотложную причину для своего отъѣзда и часа черезъ два уѣхалъ обратно, довольно холодно простившись съ Грохольскимъ, который впрочемъ и не особенно сильно его задерживалъ.

Вечеромъ Сергѣй Петровичъ отправился въ клубъ... Въ передней онъ самодовольно разсматривалъ въ трюмо свою красивую фигуру, причемъ впервые вспомнилъ объ уѣхавшемъ сегодня пріятелѣ...

— Жалкій онъ какой-то!..—невольно напрашивалась на сравненіе съ нимъ фигура Прыткова.— И кругозоръ его кажется довольно ограниченъ. Никогда онъ никакой карьеры не сдѣлаетъ!

Онъ прошелъ въ клубныя комнаты, пожимая на ходу руки близкимъ знакомымъ, кому нужно просто кивая головой, и скоро потерялся въ толпѣ штатскихъ и военныхъ, наполнявшихъ карточную комнату.

А Николай Ивановичъ Прытковъ въ это время подъѣзжалъ къ сосновому лѣсу, отъ котораго его городъ находился въ пяти верстахъ... Было совсѣмъ темно. Надъ полями стояли осенніе туманы и его бричка прыгала по неровностямъ грязной, проселочной дороги. Въ воздухѣ пахло сыростью, сосной и опавшими листьями, и гдѣ-то, далеко отъ дороги, кричалъ одинокій куликъ...

ЯМЩИКЪ.

Ямщикъ.

1.

На лѣвомъ берегу Амура, тамъ, гдѣ кончалась тайга и начинались отроги сопокъ, расположились золотые пріиски Верхотурова. Не было человѣка во всемъ Пріамурьѣ, который не зналъ бы этихъ пріисковъ. Въ студеную зимнюю пору, въ осеннюю распутицу и подъ палящимъ зимнимъ зноемъ—по дорогѣ къ нимъ шли люди томимые жаждою заработка.

Шли безземельные крестьяне изъ дальнихъ русскихъ губерній—обманутые въ своихъ надеждахъ переселенцы. Погналъ ихъ на Дальній Востокъ голодъ и тяжелая нужда. Скитались они на чужой сторонѣ полгода, потратили послѣдніе гроши и ничего не оставалось имъ больше, какъ приняться за каторжную пріисковую работу. Знали они, по наслышкѣ, что тяжела эта работа, что перемретъ изъ нихъ половина отъ непосильнаго труда. Но шли все-таки. И надежда горѣла въ глазахъ ихъ.

Можно было встрѣтить здѣсь и отбывшаго свой срокъ ссыльнаго и бѣжавшаго варнака. Мрачное прошлое проклятой печатью лежало на лицахъ ихъ.

Нечего было терять имъ—все человѣческое было убито въ нихъ тюремнымъ и каторжнымъ режимомъ. Шли они со звѣриной жестокостью въ сердцѣ—тоже безпріютные, тоже голодные и холодные.

Попадались китайцы. Худощавые, обожженные горячимъ манчжурскимъ солнцемъ, грязные и вонючіе, съ бронзовымъ, ничего не выражающимъ лицомъ.

Они несли съ собой конкуренцію платы и вызывали озлобленіе у русскихъ. Но держались въ дорогѣ группами, артельно рѣшали всѣ вопросы и потому никого не боялись.

Съ печатью покорнаго отчаянья на лицѣ шли тихіе корейцы, мечтая о далекой родинѣ. Изрѣдка перекидывались другъ съ другомъ на своемъ гортанномъ языкѣ. И думали о горсточкѣ риса, которой давно не видѣли ихъ подведенные животы.

И всѣхъ принимала широкая дорога и съ утра до вечера слышался на ней человѣческій голосъ. Болѣе десяти тысячъ человѣкъ кормили пріиски. И хотя ежегодно переполнялось пріисковое кладбище, но заполнялись пробѣлы среди живыхъ—прибывшими. И стоялъ надъ пріисками стонъ и чередовались съ человѣческими слезами крупинки драгоцѣннаго металла.

Въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ—единственно каменномъ среди остальныхъ деревянныхъ — помѣщались контора и квартира Верхотурова. Жилъ онъ наверху, занимая двѣнадцать комнатъ, и было у него всегда темно и мрачно и только въ одномъ окнѣ мигалъ по ночамъ огонекъ. И словно какую-то мрачную тайну хранилъ верхній этажъ.

И улыбался по ночамъ черными впадинами—неосвѣщенными окнами.

Внизу же была жизнь. Съ утра тамъ хлопали конторскія двери, пропуская разныхъ людей. Сидѣли за высокими конторками служащіе, перебирая костяшки на счетахъ. А рядомъ съ ними, другіе принимали золотой песокъ, запаковывали его въ маленькіе мѣшки и запечатывали краснымъ сургучемъ. Затѣмъ складывали мѣшки въ солидный несгораемый шкафъ. Складывали аккуратно, на полки. И когда раскрывались тяжелыя двери шкафа, выглядывали оттуда одинаковаго размѣра мѣшки, словно солдаты на плацу. И смотрѣли на людей одинокимъ, кровавымъ сургучнымъ глазомъ...

Два раза въ году изъ ближайшаго города приходилъ офицеръ съ солдатами. Брали эти мѣшки солдаты изъ шкафа, клали въ особые ящики и куда-то увозили. И когда транспортъ выѣзжалъ съ пріисковъ, провожали его жадные взгляды рабочихъ. Но солдаты шли по бокамъ его съ нахмуренными лицами, спокойно неся на плечахъ винтовки.

Иногда наверху появлялась молодая, блѣдная женщина. Звали ее Ириной Васильевной, была она замужемъ и мужъ ея раньше былъ управляющимъ этихъ пріисковъ. Тогда еще былъ живъ старикъ Верхотуровъ.

Но однажды утромъ былъ найденъ старый золотопромышленникъ на кровати задушеннымъ, а небольшая желѣзная касса въ спальнѣ—взломанной.

Вскорѣ выяснилось, что убилъ старика мужъ Ирины Васильевны—Степанъ Афанасьевичъ. И хотя не сознавался онъ и пытался даже въ холод-

ной повѣситься—жена его выдала: разсказала на слѣдствіи, что ходилъ въ эту ночь ея мужъ въ спальню къ старику и принесъ оттуда два мѣшка съ золотомъ.

Степана Афанасьевича судили и сослали въ каторгу, а Ирину Васильевну молодой Верхотуровъ оставилъ при домѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло года три. Забыли уже всѣ на пріискахъ объ этой драмѣ и ушли съ головой въ свою работу. Освоился съ потерей отца и молодой Верхотуровъ. Съ утра и до поздняго вечера проводилъ онъ дни на пріискахъ, и только на ночь поднимался къ себѣ наверхъ.

Въ серединѣ января отправили первый транспортъ золота, а въ концѣ мѣсяца стало извѣстно, что молодой хозяинъ уѣзжаетъ въ Россію. Сначала это были слухи, но потомъ начались и сборы. Стали говорить уже открыто, что Верхотуровъ ѣдетъ продавать пріиски и назадъ не вернется.

Знала объ этомъ и Ирина Васильевна. Была она и до этого молчаливая и задумчивая, а теперь стала ходить какъ въ воду опущенная. И начала избѣгать молодого хозяина.

Но, наканунѣ отъѣзда, не вытерпѣла, дождалась когда онъ придетъ изъ конторы, и пошла къ нему. Вошла въ кабинетъ тихая и покорная и молча стала у двери.

Верхотуровъ что-то писалъ, но потомъ увидѣлъ ее и отложилъ перо въ сторону.

— Ахъ, это ты, Ирина?.. впрочемъ, хорошо, что ты пришла сама! Подойди ближе!

Спокойно сказалъ онъ это, но не посмѣлъ посмо-

трѣть ей въ глаза, а отвелъ ихъ въ сторону. Неслышными шагами подошла Ирина Васильевна къ столу и присѣла напротивъ въ кресло. И улыбнулась смущенно и грустно.

Верхотуровъ не зналъ съ чего начать. Перебралъ руками какія-то бумаги, потомъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Ирину въ упоръ.

— Я уѣзжаю, Ирина,—сказалъ онъ твердо и жестко.—Ты объ этомъ знаешь?

Два красныхъ пятна выступили на щекахъ женщины. Высоко поднялась грудь и задрожали губы. Но тряхнула головой и отвѣтила тоже твердо и глухо:

— Да! Знаю!

— И, можетъ быть... больше не вернусь...

Онъ хотѣлъ было отвернуться въ сторону, но поймалъ ея холодный взглядъ и удержался.

Она же сказала, какъ ни въ чемъ не бывало:

— И это слышала!

Наступила пауза, одна изъ тѣхъ, которыя потомъ ложатся кошмаромъ на всю жизнь. И все сокрытое въ тайникахъ души, какъ изъ раскрытаго гроба выглядываетъ наружу и сковываетъ сердце ужасомъ. И оно бьется въ груди какъ раненая птица, и ничего не слышитъ человѣкъ въ эту минуту, какъ только біеніе своего сердца...

Первымъ нарушилъ молчаніе Верхотуровъ...

— Теперь я хотѣлъ поговорить о тебѣ...—началъ золотопромышленникъ глухимъ и уже нѣсколько подавленнымъ голосомъ.—Выслушай меня, Ирина, спокойно!

Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по ка-

бинету, а она молча слѣдила за нимъ холодными, серьезными глазами. И когда онъ остановился передъ ней—эти глаза смотрѣли къ нему въ душу.

— Я долженъ уѣхать!..—продолжалъ Верхотуровъ.—Я больше такъ жить не могу! Понимаешь, Ирина?.. Три года я выносилъ эту пытку, но больше выносить ее не въ состояніи! Я не могу жить въ этихъ комнатахъ, которыя давятъ меня своимъ прошлымъ! Я не могу видѣть твоего лица съ этимъ укоряющимъ взглядомъ!..

Она хотѣла что-то сказать, но онъ жестомъ остановилъ ее и продолжалъ уже быстро, словно боясь, что она опять его перебьетъ. И видно было, какъ капли пота выступили на его лбу...

— Да, да... я знаю, что ты хочешь сказать!.. Ты хочешь сказать, что ты тоже приносила всѣ эти три года жертву, что эта тайна давила насъ обоихъ!

Онъ остановился, вытеръ платкомъ потъ, перевелъ дыханіе и глухо закончилъ:

— Знаю также, что не мужу твоему быть въ каторгѣ, а намъ обоимъ!.. Но, значитъ такъ было нужно! И, кромѣ того, ты своего мужа не любила!..

Опять наступила пауза, но была она не продолжительна, какъ сверкнувшая въ темнотѣ молнія.

— И мнѣ лучше уѣхать!—сказалъ Верхотуровъ, нервно потирая руки.—Иначе я рискую сойти съ ума!..

Ирина улыбнулась. Но была эта улыбка безжизненна, словно улыбка мертвеца. И нѣчто вродѣ крика раненой птицы сорвалось съ ея губъ:

— А я?!

Онъ посмотрѣлъ на нее такъ, какъ будто видитъ ее въ первый разъ. И тоже усмѣхнулся, но была насмѣшка въ этой улыбкѣ...

— Ты?.. Ты совсѣмъ другого склада человѣкъ!.. Я—совсѣмъ другого! Но не будемъ объ этомъ говорить! Я тебя не обижу!..

Она вскочила съ кресла и стояла передъ нимъ негодующая и блѣдная. И смотрѣла на него, какъ на врага. Но онъ этого не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить, а быстро подошелъ къ столу и подалъ ей конвертъ...

— Тутъ пятьдесятъ тысячъ!..

И застылъ съ протянутой рукой, смущенный, ничего не понимающій: Ирина прищурила глаза, презрительно на него посмотрѣла и скорыми, но твердыми шагами вышла изъ кабинета.

Черезъ три дня Верхотуровъ уѣхалъ. А ночью, какая-то тѣнь пробралась на берегъ Амура и минуты двѣ чернѣла у проруби...

И потомъ слилась съ темнымъ берегомъ, окутанная ночнымъ туманомъ...

2.

А мѣсяца за два передъ этимъ, по большому почтовому тракту, ведущему къ городу Хабаровску, шелъ высокій плотный человѣкъ съ небольшой котомкой за плечами. Одѣтъ онъ былъ въ рваный полушубокъ, не первой свѣжести валенки и въ потрепанную мерлушковую шапку.

Зима стояла морозная, а время было близкое къ полуночи. Высокій человѣкъ ежился отъ холода

и напряженно ускорялъ шаги. Но полузамерзшія ноги плохо повиновались, да и гололедица на трактѣ мѣшала ускоренному шагу. И высокій человѣкъ спотыкался и, опираясь на сучковатую палку, плохо подвигался впередъ.

Онъ шелъ совершенно одинъ, среди телеграфныхъ столбовъ, стоявшихъ темными силуэтами по сторонамъ тракта. Ночь была морозная, звѣздная, но луны не было. И прохожему приходилось идти чуть ли не ощупью. Въ одномъ мѣстѣ онъ попалъ въ выбоину, поскользнулся, упалъ и поднялся со стономъ.

Ему отвѣтилъ, гдѣ-то въ сторонѣ, степной вѣтеръ. Впереди была ночь да снѣга и казалось, что нѣтъ конца краю ни этой ночи, ни этой безконечной пеленѣ. Гудѣли телеграфные столбы. Словно кто то, озлобленный, забрался въ ихъ пустую сердцевину и наполнялъ остывшее дерево сердитыми звуками. А на отвисшей телеграфной проволокѣ бѣлѣли комья прилипшаго снѣга, и, когда по верхамъ столбовъ проходилъ морозный вѣтеръ,—дрожала металлической дрожью проволока и падали съ нея бѣлые комья на дорогу...

Вдругъ высокій человѣкъ пріостановился и прислушался. И вмѣстѣ съ воемъ вѣтра онъ услышалъ трель колокольчика. Сначала эта трель рождалась темной далью и растворялась въ вѣтрѣ. Но потомъ звонъ металла сталъ опредѣленнѣе и властнѣе и скоро покрылъ вѣтеръ своими переливами.

А минутъ черезъ десять съ прохожимъ поровнялась тройка, ѣдущая навстрѣчу. И онъ крикнулъ заглушая свистъ вѣтра и трель колокольчика:

— Далеко до станціи?.. А?..

— Полторы версты!..—донеслось съ облучка.

И пропала тройка гдѣ-то позади, въ темнотѣ, и замеръ понемногу колокольчикъ. И снова вѣтеръ сталъ хозяиномъ ночи и безконечныхъ снѣговъ.

Прохожій прибавилъ шагу. Минутъ черезъ двадцать показались огни, а еще черезъ четверть часа онъ уже стучался въ дверь станціи. Стучалъ минуты три, но отворять что-то не торопились.

Наконецъ, скрипнула дверь въ сѣняхъ, и чей-то грубый, сонный голосъ спросилъ:

— Кто стучитъ?..

— Отвори, ради Бога!.. — сказалъ прохожій. — Я только переночую!

— А ты кто такой?

— Прохожій! На заработокъ иду! Изъ Никольскъ-Уссурійскаго!

— Прохожій?..—въ голосѣ спрашивающаго прозвучала иронія.—Поди: бродяга?

— Да что ты, милый человѣкъ!.. Да ты отвори и посмотри! У меня пачпортъ есть!..

— Пачпортъ?.. Ну, хорошо, погодь: я спрошу смотрителя!

Скрипнула снова дверь въ сѣняхъ и потомъ все замолкло. А минуты черезъ три молодой парень открылъ дверь.

— Проходи въ общую! Тамъ, съ ямщиками, выспишься!

Высокій человѣкъ вошелъ въ сѣни, выбилъ снѣгъ съ валенокъ, а затѣмъ прошелъ въ жарко натопленную горницу. На широкихъ скамьяхъ,— что стояли по стѣнамъ—лежало на тулупахъ че-

ловѣкъ восемь. И при свѣтѣ слабо горѣвшей керосиновой лампы, угловато торчали со скамеекъ голыя пятки. Пахло кислой капустой и человѣческимъ потомъ.

— Спасибо тебѣ, милый человѣкъ... — сказалъ прохожій парню. — Не пусти ты меня, замерзъ бы на улицѣ!

— Аль такъ холодно?

— Ужасти! Кровь стынетъ въ жилахъ, во какъ!..

Онъ бросилъ на свободную лавку полушубокъ, шапку, а затѣмъ присѣлъ и сталъ снимать валенки.

— Давно такихъ холодовъ не было!..—продолжалъ онъ, растирая ладонью окоченѣвшіе пальцы ногъ.—А главное: вѣтеръ проклятущій! Никуды отъ него не спрячешься!

Парень подкрутилъ огонь и стоялъ передъ прохожимъ зѣвая и почесываясь.

— У насъ жарко...—сказалъ онъ усталымъ голосомъ.—Топливо, можно сказать, казенное... Не жалѣемъ!

Прохожій былъ среднихъ лѣтъ съ большой окладистой бородой. Лицо у него было изнуренное, а глаза большіе съ длинными рѣсницами. Но смотрѣли они безжизненно и холодно, словно пронизывая насквозь того, на кого смотрѣли.

Смутился отъ этого взгляда и парень.

— Такъ ты говоришь: заработка ищешь?.. — спросилъ онъ, глядя въ сторону—а собственно: по какому рукомеслу?

— Да что попадется! Я и въ работникахъ былъ, и въ конюхахъ ходилъ!

— Вотъ оно что!..—протянулъ парень. — Значитъ: съ лошадьми дѣло имѣлъ?

— Имѣлъ! Какъ не имѣть!

Помолчали оба, думая каждый свою думу. Затѣмъ парень сказалъ:

— Можетъ къ намъ поступишь?

— Отчего же, я съ удовольствіемъ!..—обрадодовался прохожій.—Только бы заработокъ имѣть!..

— Такъ я пожалуй смотрителя спрошу!.. Посиди минутку!..

Парень ушелъ, а когда вернулся, то крикнулъ съ порога:

— Такъ иди... того... тебя смотритель зоветъ!...

Прохожій быстро надѣлъ валенки, затѣмъ всталъ, вынулъ изъ котомки расческу, причесалъ голову, бороду и пошелъ за парнемъ черезъ сѣни въ другую горницу.

Смотритель—сѣденькій старичекъ съ лицомъ изрытымъ оспой сидѣлъ за столомъ, на которомъ стоялъ кипящій самоваръ и пилъ чай съ ситнымъ. Одѣтъ онъ былъ въ фуфайку, въ комнатѣ у него тоже было жарко, накурено и самъ онъ былъ весь красный отъ выпитаго чая.

Когда прохожій, въ сопровожденіи парня, вошелъ въ горницу, смотритель повернулся къ нимъ и сказалъ довольно привѣтливо:

— Здравствуй, голубчикъ! Откуда Богъ несетъ?

Прохожій вытянулъ руки по швамъ и отвѣтилъ самоувѣренно и быстро:

— Изъ Владивостока я, мѣщанинъ тамошній! А иду теперь изъ Никольскъ-Уссурійска, ваше благородіе!

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— Два послѣдніе мѣсяца у купца Ключарева служилъ. Извозомъ тотъ промышляетъ...

— Почему расчитался?

Прохожій сталъ разсматривать шапку, которую держалъ въ рукахъ.

— Служба, ваше благородіе, незавидная: съ утра до вечера на козлахъ! Харчи, какъ вамъ извѣстно, какіе же: больше по трактирамъ, да по закусочнымъ!..

— Куда же ты теперь идешь?

— Да куда глаза глядятъ, ваше благородіе!.. Думалъ на пріиски понавѣдаться: можетъ тамъ работишка найдется. Работать я не боюсь—лишь бы была работа!

Смотритель съ минуту подумалъ...

— Хорошо!..—наконецъ, сказалъ онъ.—Я могу тебя взять въ ямщики!..

Прохожій отвѣсилъ низкій поклонъ...

— Покорнѣйше благодаримъ! Вѣкъ не забуду вашей милости!

— Кстати и ямщика одного у меня нѣтъ. А ты не пьешь?

— Въ ротъ ничего не беру!

— Ну, вотъ, и прекрасно! Служба у меня хорошая: двѣнадцать рублей жалованья и харчи. А харчи у насъ настоящіе, не какъ у другихъ. Даемъ щи на баранинѣ, али на другой какой убоинѣ, каша, картофель! Согласенъ?

— Какъ не согласиться!—прохожій опустилъ глаза.—Премного вамъ благодаренъ!

— Не за что! Будешь честно служить, останешься доволенъ! Давай-ка паспортъ!

Онъ взялъ отъ прохожаго паспортную книжку, раскрылъ ее и началъ читать вслухъ:

— «...Мѣщанинъ города Владивостока Андрей Васильевъ Изюмовъ...36 лѣтъ... православнаго вѣроисповѣданія... женатъ».

Затѣмъ закрылъ книжку, вложилъ ее въ ящикъ стола и обратился къ стоявшему молча парню:

— Такъ ты, Петя, проводи Андрея въ ямщицкую и пусть онъ тамъ расположится! Да покорми его чѣмъ-нибудь, что отъ ужина осталось! Ну, идите съ Богомъ!

Изюмовъ поклонился и вышелъ и вскорѣ уже сидѣлъ за большимъ столомъ въ ямщицкой и черпалъ ложкой говядину изъ глиняной миски.

3.

За два мѣсяца службы въ ямщикахъ, Изюмовъ выровнялся и пополнѣлъ. Дѣло свое онъ исполнялъ прекрасно, и смотритель имъ былъ очень доволенъ, но ямщики его недолюбливали, ибо въ частной жизни онъ былъ нелюдимъ: ни съ кѣмъ не водилъ дружбы, рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ. Въ свободные же часы сидѣлъ гдѣ-нибудь скромно въ уголкѣ ямщицкой и слушалъ молча, что говорятъ другіе. И странная печать лежала въ это время на лицѣ его. И глаза смотрѣли на всѣхъ холодно и жутко.

Но вотъ однажды смотритель призвалъ его.

— Вотъ что, Андрюша...—сказалъ онъ ласко-

во.—Сегодня вечеромъ пассажиръ у тебя будетъ важнѣющій! Милліонеръ одинъ въ Питеръ ѣдетъ,—Верхотуровъ по фамиліи! Тутъ у него за Хабаровскомъ на двадцать верстъ золотые пріиски. Такъ ужъ ты того... ублаготвори его—прокати до чугунки во всю!..

Изюмовъ поклонился...

— Баютъ, что онъ въ Питеръ жениться ѣдетъ!—продолжалъ смотритель.—Человѣкъ онъ еще не старый, а деньжищъ,—тьма тьмущая!

Андрей какъ-то странно улыбнулся...

— Будьте спокойны, ваше благородіе! Доставимъ какъ слѣдуетъ!..

— То-то же!.. И на чай, вѣроятно, хорошо получишь!.. Онъ вѣдь не чинуша какой-нибудь, не купецъ полупочтенный, а милліонеръ... Хе!.. Хе!..

Вечеромъ пріѣхалъ Верхотуровъ, выпилъ наскоро чай на станціи и вышелъ на крыльцо, у котораго его уже дожидалась тройка.

— Лучшую тройку во всей области даю вамъ, Алексѣй Николаевичъ!—лебезилъ передъ нимъ смотритель.—Коверъ-самолетъ, а не тройка!..

Верхотуровъ что-то буркнулъ и завалился въ кибитку. Андрей отпустилъ вожжи, и кибитка запрыгала по ухабамъ...

И былъ ямщикъ въ этотъ вечеръ чѣмъ-то озабоченъ. И сумрачно сидѣлъ на облучкѣ и лицо его нервно передергивалось.

Около полуночи въѣхали въ небольшой лѣсокъ, что росъ версты на двѣ по сторонамъ тракта. Луна была полная, и дѣвственный снѣгъ переливался подъ ея лучами синими огоньками. Зачарованными

стояли деревья, изукрашенныя снѣгомъ и инеемъ... Словно въ ледяномъ царствѣ спящія красавицы, лежали поваленныя вѣтрами пихты, а надъ ними склонялись низкорослыя ели, съ застывшей, ледяной улыбкой. И весь лѣсъ стоялъ насторожившись и пугалъ черными пятнами своихъ просѣкъ...

Вдругъ тройка убавила ходъ, а затѣмъ совершенно остановилась и Андрей сталъ слѣзать съ облучка. Неожиданная остановка разбудила дремавшаго Верхотурова, а видъ слѣзающаго ямщика удивилъ его. Онъ высунулъ голову изъ кибитки и спросилъ недовольнымъ голосомъ:

— Что случилось?

— Кнутъ обронилъ,—отвѣтилъ Изюмовъ.—Сію минуту!..

Онъ пошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, но сейчасъ же вернулся и подошелъ сбоку кибитки.

— Алексѣй Николаевичъ!..—окликнулъ онъ Верхотурова...

Тотъ вздрогнулъ отъ знакомаго голоса и началъ вылѣзать изъ кибитки. А ямщикъ стоялъ и терпѣливо ждалъ, и трепетные лучи луны освѣщали его холодное лицо... Верхотуровъ вглядѣлся въ него и вдругъ ужасъ отразился въ глазахъ золотопромышленника...

— Степанъ!..—крикнулъ онъ.—Степанъ Афанасьевичъ!..

Изюмовъ загадочно улыбнулся...

— Не Степанъ теперь, а Андрей!.. По новому паспорту—Андрей, который купилъ, бѣжавъ съ каторги.

Они стояли другъ передъ другомъ; два старыхъ заклятыхъ врага, и старались поразить другъ друга спокойствіемъ. Но трепетали сердца ихъ отъ предчувствія неизбѣжнаго, того страшнаго, что должно было сейчасъ произойти.

— Что же ты хочешь?..—глухо спросилъ Верхотуровъ...

— Да расчитаться бы нужно!—странно улыбнулся ямщикъ.—За все расчитаться, за поруганную честь... за отбитую жену... за каторгу!.. Я три года этого дня ждалъ!. Али не думалъ меня встрѣтить?..

И было въ его вопросѣ вѣяніе смерти и Верхотуровъ это понялъ и хотѣлъ сунуть руку за пазуху, гдѣ лежалъ у него браунингъ... Но ямщикъ замѣтилъ это и крѣпко охватилъ его, стараясь повалить на снѣгъ. Мѣшала плотная доха Верхотурову, но онъ не растерялся и въ свою очередь обхватилъ ямщика. И сплелись они оба руками, какъ двѣ разъяренныхъ змѣи, и только тогда упали на дорогу... Рычали и хрипѣли, но напрягали всѣ силы, зная, что одинъ изъ нихъ останется здѣсь навсегда. Укатились въ сторону и кони пугливо косились на то мѣсто, гдѣ извивались два человѣческихъ тѣла...

Наконецъ, Андрей осилилъ. Подмялъ подъ себя Верхотурова и придавилъ колѣномъ. Наклонился вплотную къ нему, хрипящему, и началъ говорить быстро, быстро:

— Тебѣ на каторгѣ быть... а не мнѣ!.. Самъ ты отца своего задушилъ, а потомъ оговорилъ меня...

И моя змѣя-подколодная помогала тебѣ!.. Что же, расчитаемся...

Онъ отпустилъ отъ горла Верхотурова руку и полѣзъ за ножемъ въ голенище... И блеснула сталь въ его поднятой рукѣ, но опуститься рука не успѣла: что-то обожгло ямщику лицо и онъ уткнулся головой въ снѣгъ, окрасивъ его кровью и мозгомъ...

Зачарованными стояли покрытыя инеемъ ели и пихты... И тихо шумѣлъ морозный вѣтеръ въ ихъ вѣтвяхъ... И плакала за лѣсомъ вьюга, поднимая столбы алмазной, снѣжной пыли...

МИРАЖЪ.

Миражъ.

I.

Звали его Карломъ Ѳедоровичемъ, а фамилія его была Кроппъ. Происходилъ онъ изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, отца своего почти не помнилъ, а мать умерла, когда ему было пятнадцать лѣтъ.

Онъ былъ горбатъ спереди и сзади и росъ одинокимъ, озлобленнымъ ребенкомъ, живя среди чуждыхъ ему, непривѣтливыхъ людей. Платилъ за него дальній родственникъ, нѣмецъ-колонистъ. Онъ же отдалъ его въ коммерческое училище и, когда его Кроппъ окончилъ, свезъ юношу въ большую нѣмецкую контору.

И потянулись для Кроппа года, однообразные и безцвѣтные какъ дорога въ степи. Незамѣтно прошло дѣтство и нечѣмъ его было вспомянуть. И вмѣстѣ съ юношествомъ снова пришло одиночество. И хотя бывалъ Кроппъ и въ театрахъ, и въ ресторанахъ и всюду, куда манила его кипящая вокругъ жизнь,—не находилъ онъ въ себѣ ничего такого, чтобы связывало его съ другими. И потому чувствовалъ себя всюду незваннымъ и непрошеннымъ — какимъ-то неестественнымъ бѣльмомъ на глазу шумной и дерзкой жизни.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Кроппу. И, не досидѣвъ обыкновенно до конца, онъ надвигалъ глубже на глаза шляпу и уходилъ домой, никѣмъ не остановленный и никому не нужный.

Но наступила возмужалость, а съ нею и волненіе въ крови. И начали слетать къ Карлу Θедоровичу тревожные сны и какой-то необъяснимый трепетъ охватывалъ его при видѣ каждой женщины. Но видѣлъ онъ, какъ содрогались онѣ, когда ихъ взглядъ останавливался на его горбатой фигурѣ. И холодѣлъ, и отходилъ въ сторону.

Въ одинъ изъ тихихъ весеннихъ вечеровъ, когда воздухъ былъ напоенъ ароматомъ распустившихся почекъ, Карлъ Θедоровичъ взялъ извозчика и поѣхалъ на шумную улицу. И, подъѣзжая къ ней, трепеталъ отъ сладкой истомы.

Улица была большая, узкая, и дома въ ней были однообразные, двухъэтажные. И въ каждомъ нижнемъ этажѣ за кисейными занавѣсками горѣли яркіе огни и трепетали звуки рояля. А верхніе этажи были темны и окутаны мрачной тайной.

Мерцали красные фонари у подъѣздовъ настороживщихся домовъ. И подмигивали кровавымъ глазомъ прохожимъ. А узкія двери раскрывались какъ голодные рты, чтобы поглотить свои жертвы.

Извозчикъ зналъ свое дѣло и лихо подкатилъ къ одному изъ подъѣздовъ. Умѣло осадилъ лошадь и обернулся къ Карлу Θедоровичу съ фамильярной улыбкой. Карлъ Θедоровичъ расплатился и поднялся по ступенькамъ. И передъ самымъ лицомъ своимъ увидѣлъ квадратное окошечко и въ немъ два наглыхъ и пьяныхъ глаза.

Въ переднюю, пока онъ раздѣвался, выскакивали подкрашенныя и оголенныя дѣвицы. Но сейчасъ же съ визгомъ убѣгали обратно.

А одна, нисколько не стѣсняясь, крикнула подругамъ:

— Батюшки!.. горбунъ пришелъ!..

Кроппъ вспыхнулъ и хотѣлъ было уйти. Но подумалъ и вошелъ.

По стѣнамъ, на стульяхъ сидѣло нѣсколько мужчинъ и дѣвицъ. Пили пиво, лимонадъ. Курили. Дѣвицы смѣялись неестественно, выставляя впередъ оголенное тѣло. Были нахальны. Посматривая на Карла Өедоровича, дѣлали гримасы. Мужчины съ усмѣшкой переглядывались. Но Кроппъ рѣшилъ довести дѣло до конца и подсѣлъ къ первой свободной. Та бросила на подругъ отчаянный взглядъ, но промолчала и начала оправлять платье. И была она, сидящая, выше его головы на двѣ и смотрѣла на него тревожно, сверху.

— Вы свободны?.. — спросилъ ее Кроппъ.

— Рази не видите? Разъ нѣтъ около мужчиновъ, значитъ свободна!

И прибавила заученную фразу:

— Угостите пивомъ!

Затѣмъ потребовала два апельсина и, когда все принесли, ѣла ихъ, запивая пивомъ.

— Васъ какъ: въ дѣтствѣ уронили, али родились такъ?..—спросила она, болтая лѣвой ногой.

— Такъ родился!

— Всяко бываетъ!—она сочувственно вздохнула.—Вотъ у насъ въ городѣ тоже одна дѣвица. Гор-

батая, а смотри, сколько гостей принимаетъ! Но только ее въ дѣтствѣ уронили!

Кроппу былъ непріятенъ этотъ разговоръ. Каждый разъ, когда намекали на его уродство, ему казалось, что ворочаютъ въ его ранѣ широкимъ и острымъ ножомъ.

Но что-нибудь говорить было нужно, и онъ спросилъ:

— А вы изъ какого города?

Что-то далекое зажглось въ ея безсмысленно выпуклыхъ глазахъ и на лицо легла смутная розовая тѣнь. Посмотрѣла на Карла Өедоровича съ благодарностью и отвѣтила съ милой улыбкой:

— Изъ Перми я... сибирячка!..

А потомъ словно очнулась, учла настоящее и все лицо передернуло судорогой. Встала и сказала, поправляя прическу:

— Что же... пойдемте въ комнату!

Повела его длинными, вонючими корридорами. Потомъ поднялись по лѣстницѣ и опять пришли въ корридоръ, въ концѣ котораго тускло горѣла керосиновая лампочка. Пахло копотью и человѣческимъ пóтомъ. Карлъ Өедоровичъ шелъ за ней, и жуть сдавливала его сердце. Низкій потолокъ, закоптѣвшій, съ подозрительными пятнами, близость безцвѣтныхъ стѣнъ съ рядомъ дверей,—производили непріятное впечатлѣніе и напоминали ловушку. Было жутко, и въ то же время любопытно, и Карлъ Өедоровичъ шелъ осторожно, стараясь ступать по пеньковой дорожкѣ на полу.

Наконецъ остановились. Она толкнула одну изъ дверей и пропустила впередъ Карла Федоровича:

— Сюда! Входите!

Подошла къ розовому фонарю, подвернула огонь и въ комнатѣ стало свѣтлѣе. Обстановка была обыкновенная: кровать съ откинутымъ стеганымъ одѣяломъ, комодъ покрытый вязаной скатертью... На немъ—пустые флаконы изъ подъ одеколона и духовъ, конфектныя бонбоньерки и штукъ пять фотографій мужчинъ. И пока она куда-то исчезала, на Карла Федоровича смотрѣли эти фотографіи, нахально вытянувъ лица.

Пришла и сказала:

— Позвольте деньги! У насъ впередъ!

Карлъ Федоровичъ вынулъ кошелекъ и отсчиталъ ей положенное. И пока отсчитывалъ — она стояла передъ нимъ вялая и безжизненная и тоскливо смотрѣла въ одну точку. Потомъ передала кому-то деньги и начала привычно раздѣваться.

Карлъ Федоровичъ приблизилъ къ ней дрожащія губы и хотѣлъ поцѣловать, но она рѣзко его оттолкнула и брезгливо замѣтила:

— Нѣтъ, ужъ только безъ нѣжностевъ!.. Не люблю я нѣжностевъ!..

Кроппъ поблѣднѣлъ и откинулся назадъ... Что-то ударило въ голову, и въ глазахъ пошли огненные круги. Бросилъ на нее взглядъ, полный ненависти, — ии сталъ лихорадочно одѣваться...

Она приподнялась съ подушки и смотрѣла на него, глупо улыбаясь:

— Куда же вы... Неужели обидѣлись... Послушайте, господинъ!..

Окончательно очнулся онъ уже на шумной улицѣ. По прежнему обступали его высокіе, насторо-

жившіеся дома, и онъ шелъ мимо нихъ ускореннымъ шагомъ, стараясь заглушить внутреннюю боль...

II.

Прошло года три. Ничего не измѣнилось у Карла Федоровича, но онъ еще больше чувствовалъ себя одинокимъ и оторваннымъ отъ остального міра.

Однообразно и монотонно, какъ заведенная машина, проходили его дни.

Съ утра и до трехъ часовъ дня — работа въ конторѣ, педантичной и аккуратной, какъ вычищенный сапогъ. И тоже какъ заведенная машина вертѣлась въ ней жизнь, ходили прилизанные и аккуратные люди, однозвучно щелкали костяшками счетовъ и скрипѣли перьями въ пыльныхъ книгахъ.

Изрѣдка заходилъ какой-нибудь говорливый посѣтитель, и тогда его голосъ напоминалъ шумъ улицы, ворвавшійся въ открытую форточку. Но уходилъ,—и снова наступала тишина.

Ровно въ три часа, методично, по заученному, захлопывались тяжелые переплеты пыльныхъ книгъ, щелкали затворы несгораемыхъ шкафовъ и всѣ расходились, не взглянувъ даже другъ на друга. Уходилъ и Карлъ Федоровичъ, обѣдалъ въ нормальной столовой по близости и, не спѣша, шелъ въ меблированныя комнаты на Срѣтенкѣ, въ которыхъ жилъ. Номерокъ у него былъ маленькій, въ одно окно, съ крохотной передней, отдѣленной отъ спальни тонкой перегородкой. Все было убого

въ этомъ номерѣ, начиная отъ рыночнаго дивана и кончая крашеннымъ желѣзнымъ умывальникомъ.

И все говорило объ одиночествѣ, будничной жизни и объ отсутствіи надеждъ на будущее.

Кроппъ свыкся съ этой обстановкой, съ этой жизнью. Онъ прекрасно понималъ, что иного у него быть не можетъ и что у него даже нѣтъ права на иное.

Бывали у него моменты озлобленія, моменты безумной зависти, когда онъ завидовалъ даже корридорному Василію — тупому и заспанному деревенскому парню — завидовалъ его нормальной фигурѣ, его простому, ничего не выражающему лицу, отъ котораго несло здоровьемъ.

Но со временемъ какъ-то все сгладилось, зависть и озлобленіе ушли куда-то внутрь и Карлъ Федоровичъ со всѣмъ примирился.

По вечерамъ, въ хорошую погоду, онъ шелъ на Тверской бульваръ, садился у памятника Пушкина и наблюдалъ. Мимо мелькали люди, неслись бѣшеные автомобили, съ грохотомъ пробѣгалъ трамвай. И все это создавало иллюзію безконечнаго водоворота и, хотя Карлъ Федоровичъ не принималъ въ немъ никакого участія, — все-таки эти вечера его опьяняли и, придя домой и лежа на жесткой кровати, онъ долго не могъ уснуть.

Однажды—а было это въ субботу вечеромъ въ сентябрѣ — на Тверскомъ бульварѣ было особенно много народу. Всѣ скамейки были заняты и Карлъ Федоровичъ не безъ труда отыскалъ мѣсто на одной и сѣлъ. Рядомъ съ нимъ сидѣли: двое студен-

товъ, старикъ въ фетровой шляпѣ и молодая женщина. Студенты говорили о комъ-то третьемъ, который вскорѣ подошелъ и всѣ трое встали и пошли въ глубь бульвара, смѣясь и жестикулируя.

Ушелъ немного погодя и старикъ въ фетровой шляпѣ. Сначала онъ долго посматривалъ на сосѣдку, что-то спросилъ ее. Но та не отвѣтила и старикъ съ недовольнымъ видомъ ушелъ.

Карлъ Федоровичъ остался вдвоемъ съ незнакомкой. Такъ сидѣли они довольно долгое время. Скамейка была недалеко отъ памятника и на нее падалъ свѣтъ большого электрическаго фонаря. Сосѣдкѣ Карла Федоровича было лѣтъ двадцать, не больше, и чѣмъ-то еще дѣтскимъ, еще не выяснившимся вѣяло отъ всей ея фигуры. Можетъ быть, ее молодила прическа, простая, изъ подобранной косы, а можетъ быть, и незатѣйливый нарядъ — скромная осенняя шляпка и черный драповый сакъ. Она не была красива, но черты ея были правильны и профиль правильный. Она сидѣла къ Карлу Федоровичу бокомъ, не замѣчая его и смотря въ противоположную сторону бульвара.

Мелькнула у Карла Федоровича мысль, что это обыкновенная проститутка, одна изъ тѣхъ, которыми кишатъ московскіе бульвары. Но онъ сейчасъ же упрекнулъ себя за это подозрѣніе.

Около десяти часовъ — время, когда Карлъ Федоровичъ обыкновенно уходилъ домой—онъ взглянулъ нечаянно на лицо сосѣдки и не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Вы... плачете?!

Та вздрогнула отъ этого окрика и отвернула

лицо въ тѣнь. Но у Карла Федоровича вышло это такъ естественно и такая нотка сочувствія задрожала въ его вопросѣ, что она не могла не отвѣтить:

— Нѣтъ... ничего!.. У меня очень болятъ зубы!

Въ первую минуту онъ подумалъ, что она встанетъ и уйдетъ. Но она продолжала сидѣть и даже опять повернулась къ свѣту, не заботясь о томъ, что по щекамъ ея текутъ слезы.

Карлъ Федоровичъ былъ ужасно подавленъ. Онъ совершенно забылъ, что они незнакомы, что сидятъ на бульварѣ вмѣстѣ случайно и, разойдясь, навѣрно никогда не встрѣтятся. Онъ забылъ наконецъ про свое уродство, про то, что, можетъ быть, ей противно съ нимъ разговаривать. Онъ только чувствовалъ потребность сказать ей ласковое слово, чѣмъ-нибудь ее успокоить.

И, наклонясь къ ней, онъ сказалъ:

— Ради Бога не подумайте, что я какой-нибудь нахалъ! Вы видите — онъ болѣзненно усмѣхнулся — я слишкомъ безобразенъ для этого! Но я вижу, что у васъ горе... что вы плачете! Я самъ много въ жизни перестрадалъ и передумалъ... Можетъ быть, я чѣмъ-нибудь могу вамъ помочь?..

И опять и въ его голосѣ и въ его вопросѣ не было и тѣни того, что обыкновенно оскорбляетъ женщину, когда съ ней заговариваетъ незнакомый мужчина. И она поняла это и, обернувшись къ нему, отвѣтила просто, но уже съ легкой улыбкой сквозь слезы:

— Нѣтъ, чѣмъ же вы мнѣ можете помочь! Просто — у меня тяжело на душѣ!

Они разговорились. Онъ узналъ, что она заму-

жемъ, что зовутъ ее Марьей Васильевной и живетъ она недалеко отсюда — на Бронной.

Такъ просидѣли они, разговаривая, около часа. Подкупила ли ее искренность Карла Федоровича, его ласковый тонъ, или тронуло его убожество, — но только она разрѣшила проводить себя до дому.

Стоя у подъѣзда ея дома, онъ спросилъ ее:

— Когда же мы еще увидимся?

Она очень хорошо улыбнулась и пожала его руку своей теплой и пухлой рукой.

— Отчего же!.. Какъ-нибудь на Тверскомъ бульварѣ! Я очень часто сижу тамъ по вечерамъ!..

III.

Весь слѣдующій день моросилъ дождь и идти вечеромъ на бульваръ было безсмысленно: Марья Васильевна никогда бы не вышла въ такую погоду.

И самъ Карлъ Федоровичъ, несмотря на праздничный день, просидѣлъ дома. Не ходилъ онъ даже обѣдать въ свою нормальную столовую, не то было лѣнь, не то просто напала хандра.

Вчерашняя встрѣча не выходила у него изъ головы. Чѣмъ она могла кончиться для Карла Федоровича — онъ не отдавалъ себѣ отчета, но что-то, въ глубинѣ души, ему подсказывало, что она не пройдетъ для него даромъ.

Кроппъ ходилъ въ волненіи по своему крохотному нумеру и въ сотый разъ вспоминалъ подробности вчерашняго эпизода.

Въ умѣ рождались безчисленные вопросы и исчезали не получивъ отвѣта.

Когда же ему надоѣдало думать, онъ садился за книгу. Но буквы прыгали передъ глазами и мысли упрямо возвращались ко вчерашнему.

На другой день погода была сносная и Кроппъ съ нетерпѣніемъ дождался вечера. Пришелъ онъ на бульваръ ранѣе обыкновеннаго, и ужасно обрадовался, что «ихъ» скамейка оказалась свободной. Но просидѣлъ весь вечеръ, а Марья Васильевна такъ и не пришла.

Ушелъ домой послѣ одиннадцати, унося въ душѣ чувство какой-то обиды, и далъ себѣ слово на бульваръ больше не ходить.

Но едва насталъ слѣдующій вечеръ и бульваръ окутали сумерки, — онъ уже былъ тамъ и тревожно разсматривалъ проходившую публику.

— Вы давно тутъ?.. — вдругъ услышалъ онъ надъ собой голосъ.

Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ Марью Васильевну: какъ она подошла, онъ не замѣтилъ. Она стояла передъ нимъ въ другой, чѣмъ въ прошлый разъ, шляпкѣ и въ другомъ сакѣ, улыбалась и протягивала руку.

Онъ засуетился и подвинулся, давая ей мѣсто.

— Давно вы пришли?.. — переспросила она, оправляя вуаль...

Онъ хотѣлъ было сказать: «давно», разсказать про неудачу вчерашняго дня... Но сконфузился и отвѣтилъ, краснѣя:

— Нѣтъ, сейчасъ только пришелъ!

— А я васъ въ воскресенье вспоминала!.. Опять ужасная тоска напала, и я начала было ревѣть... Но потомъ вспомнила васъ и мнѣ стало смѣшно!..

— Развѣ?.. — онъ поднялъ удивленно брови: — неужели я такой смѣшной?

— Ахъ, вы меня не поняли!.. — спохватилась она. — Просто, я вспомнила, какъ вы вскричали: «вы плачете» и ваше испуганное лицо! Знаете, тогда мнѣ было не до смѣха. Но теперь, когда я вспоминаю...

Посмотрѣла на Кроппа и вдругъ сдѣлалась серьезной...

— Вотъ видите: вы уже и обидѣлись!.. Это нехорошо! Я вамъ какъ другу все разсказываю.

Онъ улыбнулся.

— Почему вы думаете, что я обижаюсь? Меня просто интересуетъ ваше душевное настроеніе. Я думалъ тогда, что ваше горе такъ велико...

Она задумчиво перевела глаза на проходившихъ и, какъ бы про себя, замѣтила:

— Да оно и не маленькое!.. Скажите, когда бросаетъ близкій человѣкъ... Можно это назвать большимъ горемъ?

— Разумѣется! Хотя, съ другой стороны, нужно знать обстоятельства.

— При которыхъ онъ ушелъ?.. — обернулась она къ Кроппу...

— Безусловно!

— Предположимъ, что онъ ушелъ послѣ сильной ссоры?..

Карлу Федоровичу показалось, что въ ея голосѣ задрожали слезы. Понимая, что отъ его отвѣта многое зависитъ, онъ отвѣтилъ не сразу:

— Какъ для кого... Я могу только говорить за себя.

— Ну?.. — она сдѣлала нетерпѣливое движеніе. — Какъ бы вы, напримѣръ, поступили?..

Въ Карлѣ Федоровичѣ заговорилъ эгоизмъ. Онъ чувствовалъ, что его отвѣтъ будетъ жестокъ, но въ этотъ моментъ онъ думалъ только о себѣ. И отвѣтилъ, стараясь придать своему голосу тонъ авторитета:

— Я бы, какъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, постарался бы забыть ту, которая бросила меня изъ-за такихъ пустяковъ, какъ семейная ссора! Вѣдь онѣ такъ обычны въ жизни двоихъ! А другіе, можетъ быть, искали бы встрѣчи, унижались бы, писали бы, наконецъ, письма!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ особенной ироніей. Марья Васильевна вздохнула, но ничего не сказала. Такъ просидѣли они минуты три, уйдя каждый въ свои мысли.

Первой заговорила она:

— Знаете, что: пройдемся!.. Сидѣть и дома надоѣло!..

Они встали и пошли по бульвару, къ Никитской. Дорогой она разспрашивала Карла Федоровича объ его жизни. Про себя же говорила мало, отдѣлываясь общими фразами. Закончили они этотъ вечеръ у Филиппова, гдѣ пили кофе и сидѣли до самаго закрытія кофейни. Карлъ Федоровичъ опять провожалъ ее домой и прощаясь съ нимъ, она ему ласково сказала:

— Вотъ погодите, разберусь я со своими семейными неурядицами и какъ нибудь васъ къ себѣ затащу! Хотите?

Кроппъ молча поклонился.

IV.

Съ этого вечера вся жизнь Карла Өедоровича была заполнена только Марьей Васильевной. Быстро смѣнялись дни и незамѣтно прошло двѣ недѣли. За это время Кроппъ видѣлся съ Марьей Васильевной раза четыре, причемъ однажды былъ съ нею въ театрѣ, а потомъ они ужинали въ барѣ. Но неизмѣнно, каждый вечеръ, онъ приходилъ на завѣтную скамейку на Тверскомъ бульварѣ и терпѣливо ожидалъ одиннадцати, когда уже не было никакой надежды, что она придетъ. И когда она не приходила и онъ возвращался домой, не было уже у него чувства раздраженія, а только чувство тихой грусти.

Карлъ Өедоровичъ не скрывалъ отъ себя, что за это время онъ не только привязался къ Марьѣ Васильевнѣ, но и полюбилъ ее всѣмъ пыломъ незнавшаго никогда любви сердца. Она была первая женщина, которая не прошла мимо него съ той обычной брезгливостью, которую онъ, до болѣзненности самолюбивый, умѣлъ подмѣчать во всѣхъ другихъ женщинахъ. Это была признательность жалкой, всѣми отталкиваемой собаченки къ человѣку, который вмѣсто того, чтобы ударить ее по примѣру другихъ,—приласкалъ и позволилъ прилечь у своихъ ногъ.

Было ли какое-нибудь чувство у Марьи Васильевны къ Карлу Өедоровичу—на это онъ отвѣтить не могъ. Но что она догадывалась о любви его къ ней и поощряла ее,—въ этомъ Кроппъ нисколько

не сомнѣвался. Не сомнѣвался онъ и въ томъ, что у нея были для этого какія-то особыя,—одной ей вѣдомыя—цѣли, но надъ разгадкой ихъ Карлъ Ѳедоровичъ не ломалъ голову. Не все ли ему равно: почему она позволяетъ за собой ухаживать, смотрѣть себѣ въ глаза, дотрагиваться трепетной рукой до ея руки!..

Въ концѣ второй недѣли, встрѣтясь съ Карломъ Ѳедоровичемъ опять въ томъ же мѣстѣ, Марья Васильевна сказала:

— Завтра приходите ко мнѣ!

Кроппъ сдѣлалъ усиліе, чтобы не крикнуть отъ радости.

— Въ которомъ часу позволите?

Она подумала...

— Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы приходите сюда въ обычное время и ждите меня! Мы съ вами немного погуляемъ, а потомъ пойдемъ ко мнѣ! Согласны?

— Ну, конечно!

— Можетъ быть я немного опоздаю, такъ вы не сердитесь! Я вѣдь знаю: вы сердитый!

— Не сердитый, а самолюбивый!..—тихо сказалъ Карлъ Ѳедоровичъ. — И вы понимаете, почему...

Она скользнула глазами по его фигурѣ и смутилась...

— Вотъ глупости!.. Это только пустыя женщины ищутъ въ мужчинѣ красоту! А вы, вы очень умный!.. — закончила она и сжала ему руку!...— И... очень хорошій...

Въ этотъ вечеръ она должна была куда-то зайти и просила ее не провожать. Карлъ Ѳедоровичъ

сравнительно рано вернулся домой и почти до разсвѣта въ его номерѣ горѣлъ огонь...

V.

Страшно медленно тянулся слѣдующій день, но, наконецъ, насталъ вечеръ. Прежде, чѣмъ пойти на бульваръ, Карлъ Ѳедоровичъ зашелъ въ кондитерскую и купилъ изящную бонбоньерку съ конфектами. Побритый и слегка подвитой, въ новой сюртучной парѣ, онъ подошелъ къ «своей» скамейкѣ съ видомъ человѣка, котораго ждутъ на шумномъ пиру, гдѣ онъ будетъ почетнымъ и желаннымъ гостемъ. Это сознаніе особой печатью лежало сейчасъ на его лицѣ,—жизнерадостномъ и самодовольномъ.

Такъ просидѣлъ онъ довольно долго, а Марья Васильевна все не шла. Уже началъ рѣдѣть народъ на бульварѣ и грохотъ трамвая раздавался все рѣже и рѣже. Часы Страстного монастыря пробили одиннадцать. Не предупреди его вчера Марья Васильевна, онъ бы теперь ушелъ, но нужно было еще подождать и онъ ждалъ.

— Навѣрно что нибудь задержало!..—утѣшалъ онъ себя.—Не можетъ быть, чтобы она не пришла!

Прошло еще полчаса. Публики на бульварѣ осталось совсѣмъ немного; изрѣдка мелькала какая нибудь женская фигура, а затѣмъ опять появлялась, но уже вдвоемъ и быстро уходила въ темноту ночи... Прекратилось и движеніе на улицѣ, и мимо скамейки, на которой сидѣлъ Кроппъ, стали про-

хаживаться бульварные сторожа. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подошелъ...

— На бульварѣ нельзя спать, господинъ!..— сказалъ онъ Карлу Ѳедоровичу.

— Я и не сплю!..—крикнулъ Кроппъ.—Я просто сижу! А это, надѣюсь, не воспрещается?

— Сидѣть, конечно, можно! — согласился сторожъ. — Отчего не сидѣть!

Ему очевидно было скучно и онъ не прочь былъ разговориться, но Карлъ Ѳедоровичъ поднялся и пошелъ съ бульвара, небрежно помахивая тросточкой. На душѣ у него было тяжело. Его не столько мучило то обстоятельство, что Марья Васильевна не пришла, сколько — причины ея неприхода. И, какъ-то машинально, вмѣсто того, чтобы идти прямо по бульварамъ къ себѣ на Срѣтенку, онъ свернулъ налѣво и очутился на Бронной, противъ того дома, въ которомъ она жила. Домъ былъ пятиэтажный, изъ краснаго кирпича, съ неуклюжими чугунными балконами, чернѣвшими какъ бородавки на мясистомъ лицѣ. Былъ онъ весь окутанъ темнотой и только въ одномъ окнѣ третьяго этажа слабо мигалъ огонекъ. Кроппъ вспомнилъ, что Марья Васильевна говорила, что живетъ въ этомъ этажѣ, и рѣшилъ почему-то, что это и есть окно ея комнаты. За кисейной занавѣской мелькали тѣни, и Карлу Ѳедоровичу казалось, что одна изъ нихъ принадлежитъ Марьѣ Васильевнѣ. Явилось желаніе пойти и вызвать ее, но рѣшилъ, что это была бы дерзость...

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, и мысли хаосомъ проходили въ мозгу.

Но вотъ по тротуарамъ побѣжалъ фонарщикъ и началъ гасить фонари. Онъ бѣжалъ отъ одного къ другому, вбѣгалъ какъ бѣлка по приставной лѣстницѣ и сразу клалъ темное пятно на освѣщенную улицу. Понемногу этихъ пятенъ стало больше чѣмъ огней и улица потонула въ темнотѣ. Почти одновременно угасъ огонекъ въ третьемъ этажѣ и весь домъ покрылся флеромъ непривѣтливости и молчанія.

Кроппу стало холодно. Онъ поднялъ воротникъ пальто, сердито втиснулъ въ карманъ бонбоньерку и пошелъ.

VI.

На другой день была суббота. Еще утромъ Кроппъ рѣшилъ на бульваръ сегодня не идти.

«Пусть не воображаетъ, что безъ нея жить не могутъ»—раздраженно думалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Васильевнѣ.

Но уже къ вечеру взглядъ на вчерашнее событіе у него измѣнился.

«Она могла заболѣть! Прислугу же послать можетъ быть не совсѣмъ было удобно, вѣдь Кроппа та не знаетъ! Положимъ, ей можно было объяснить мѣсто и внѣшность Карла Ѳедоровича. Развѣ трудно найти горбуна»!

Опять пришлось думать о своемъ уродствѣ. Что-то подкатилось къ горлу и хотѣлось кричать на весь міръ о несправедливости природы. Хотѣлось

упасть на полъ и царапать его отъ безсильной злобы...

Онъ метался, какъ раненый звѣрь, по своему номеру, ломалъ пальцы и думалъ о самоубійствѣ. А потомъ просидѣлъ цѣлый часъ въ креслѣ не зажигая лампы, успокоился и рѣшилъ, что идти нужно.

Къ его великому изумленію, когда онъ подходилъ къ своей скамейкѣ, Марья Васильевна была уже тамъ. Увидя его, она встала и пошла къ нему, навстрѣчу.

— Я васъ давно жду!—быстро заговорила она, здороваясь.—Я вчера не могла придти, вы ради Бога не сердитесь! Послѣ я вамъ разскажу въ чемъ дѣло!

Она взяла его подъ руку и потащила вглубь бульвара...

— У меня къ вамъ большая просьба! Вы должны во что бы то ни стало ее исполнить! Я должна обязательно сегодня быть въ театрѣ Корша! Можете вы меня сопровождать?

Карлъ Ѳедоровичъ былъ положительно оглушенъ тѣмъ каскадомъ фразъ, которыми его Марья Васильевна забрасывала. Онъ плохо еще разбирался въ ея поведеніи, но смутно чувствовалъ, что у нея что-то произошло.

— Я не одѣтъ для театра!..—сказалъ онъ.— Если бы я зналъ утромъ...

Она его перебила:

— Оставьте!.. Не въ рубищѣ же вы, надѣюсь?.. Я вамъ говорю, что мнѣ обязательно нужно тамъ быть! Не хотите—я и одна пойду!..

— Я не отказываюсь! — вспыхнулъ Кроппъ.—Я только сказалъ, что для театра я не одѣтъ!..

Она задумалась, а потомъ спросила:

— Который часъ?

Онъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы.

— Девятый!

— Значитъ, можно уже ѣхать?

— Можно!

— Такъ поѣдемте!..—она сильно потянула его за рукавъ.—Намъ надо поспѣть до начала дѣйствія.

Они дошли до Страстного и наняли извозчика. Всю дорогу Карлъ Ѳедоровичъ молчалъ, инстинктивно чувствуя, что Марья Васильевна не въ такомъ настроеніи, чтобы разговаривать. Молчала и она, но очень нервничала, поминутно обращаясь къ извозчику съ просьбой поскорѣе ѣхать, и, высовываясь изъ пролетки, заглядывала впередъ.

Когда они пріѣхали, Кроппъ купилъ два мѣста въ партерѣ, а затѣмъ они сняли верхнее платье и прошли въ фойэ. Оно было полно народу, но Марья Васильевна быстро протискивалась впередъ, увлекая за собой Карла Ѳедоровича. И вдругъ остановилась, стиснула руку Кроппа и почти крикнула:

— Онъ здѣсь!

— Кто?.. — спросилъ Карлъ Ѳедоровичъ, чувствуя, что блѣднѣетъ.

Она обернулась и на лицѣ ея Кроппъ прочелъ торжество женщины...

— Онъ пришелъ!—зашептала она и странный огонь горѣлъ въ ея глазахъ.—Я знала, что онъ придетъ, если я ему напишу!..

Она рванулась впередъ, оставивъ Кроппа одного, и онъ видѣлъ, какъ она, пробираясь между публикой, не сводила съ кого-то глазъ, а потомъ подошла къ высокому и красивому брюнету.

Онъ видѣлъ, какъ сначала брюнетъ слушалъ ее, нахмуря брови, но потомъ, понемногу, складка на его лбу дѣлалась все незамѣтнѣе, и, наконецъ, совсѣмъ исчезла. А затѣмъ онъ вдругъ улыбнулся и протянулъ Марьѣ Васильевнѣ руку.

Потомъ они оба оживленно говорили о чемъ-то, и Марья Васильевна два раза обернулась въ сторону Карла Федоровича, ища его глазами. А потомъ высокій брюнетъ сталъ ей что-то говорить, опять нахмуря брови, а Марья Васильевна стояла, смущенная, и нервно пожимала плечами.

Никогда въ жизни Карлъ Федоровичъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и забытымъ, какъ сейчасъ... Будто неумолимая стѣна сразу опять выросла между нимъ и остальнымъ міромъ; по ту сторону этой стѣны счастье, свѣтъ и жизнь,—на этой сторонѣ для Кроппа снова тоскливое одиночество и сѣрые будни. Былъ моментъ, когда онъ, отчаявшійся, смутно повѣрилъ въ возможность счастья, но это былъ миражъ...

На одной изъ стѣнъ задребезжалъ звонокъ и публика, столпясь у выхода, начала покидать фойэ. Пошла и Марья Васильевна подъ руку съ брюнетомъ. Казалось, что она сейчасъ познакомитъ съ нимъ Карла Ѳедоровича, но, не доходя до него нѣсколькихъ шаговъ, она оставила брюнета и пошла къ Кроппу одна.

— У васъ номерокъ отъ платья?

Кроппъ растерялся, видя, съ какимъ нетерпѣніемъ она протянула руку...

— Зачѣмъ?..—спросилъ онъ, растерянно моргая глазами.

— Да давайте же сюда!..—крикнула она и лицо ея покрылось пятнами.—Ну!..

Она взяла билетъ грубо, почти вырвавъ его изъ рукъ Карла Ѳедоровича, быстро ушла опять подъ руку съ брюнетомъ; до Кроппа долетѣлъ оскорбительный смѣхъ обоихъ.

Все это было такъ неожиданно, и такъ ошеломило Карла Ѳедоровича, что онъ очнулся уже тогда, когда фойэ было пусто и въ немъ убавили свѣтъ.

Онъ провелъ рукой по влажному лбу и пошелъ внизъ, къ вѣшалкѣ.

Выйдя изъ подъѣзда, онъ поднялъ воротникъ и надвинулъ на глаза шляпу. Въ груди что-то закипало, какой-то комокъ стоялъ въ горлѣ и передъ глазами, какъ и въ ту ночь на шумной улицѣ, ходили огненные круги. И если бы не околодочный и пара городовыхъ, на которыхъ падали снопы электрическаго свѣта, онъ упалъ бы на холодныя плиты театральнаго подъѣзда и плакалъ бы отъ незаслуженной обиды.

Карлъ Ѳедоровичъ шелъ, подставляя падающему снѣгу лицо. Оно было влажно и отъ него, и отъ чего-то другого, что помимо его воли бѣжало по щекамъ...

Снѣгъ падалъ крупными хлопьями... Небо сплошь заволокло тучами и Карлъ Федоровичъ шелъ въ темноту ночи. И, покрытый снѣгомъ,

ушедшій глубоко въ воротникъ пальто, горбатый спереди и сзади, онъ казался какимъ-то сказочнымъ ночнымъ чудовищемъ. Сзади его остался городъ, яркій свѣтъ и кипучая жизнь, впереди же была одна осенняя, безпроглядно-темная ночь...

БОЦМАНЪ ПОДКОВА.

Боцманъ Подкова.

I.

Высокій, широкоплечій, съ начинающей уже сѣдѣть головой, Онуфрій Подкова выдѣлялся изъ всей команды крейсера «Ястребъ». Былъ онъ на немъ боцманомъ, т.-е. старшимъ матросомъ, и собственно на его рукахъ была вся команда. Правда, главнымъ начальствомъ были офицеры, начиная съ командира и кончая вахтеннымъ мичманомъ, но это начальство было отмежевано отъ матросовъ воинскимъ уставомъ, рѣдко соприкасалось съ внутреннимъ міромъ команды, да и мало ее знало. Зато Онуфрій Подкова былъ на этотъ счетъ внѣ конкурренціи. Онъ такъ хорошо зналъ матроса, такъ понималъ его психологію, что достаточно ему было взглянуть на какого-нибудь Данылу Пискаря съ Днѣпра или на Васютку Безпятаго съ матушки-Волги, какъ тотчасъ же онъ зналъ, что у кого изъ нихъ на умѣ и какъ съ кѣмъ нужно разговаривать.

Зналъ онъ также всѣ матросскіе недостатки и подходилъ къ нимъ не съ точки зрѣнія мертваго воинскаго устава, а со знаніемъ народнаго быта и той среды, въ которой онъ находился, и нерѣдко

прощалъ многое такое, за что, — доложи онъ по начальству, — провинившемуся влетѣло бы, какъ слѣдуетъ.

Жаловаться Подкова вообще не любилъ. Развѣ ужъ только выйдетъ на крейсерѣ какая-нибудь «исторія», которую не замолчишь ни въ какомъ случаѣ. И то самъ первый не лѣзъ съ доносомъ, а выжидалъ вечерняго рапорта, когда, послѣ спуска флага, вахтенный начальникъ спроситъ его:

— По командѣ все благополучно?

Подкова прикладывалъ ладонь къ фуражкѣ и, не моргнувъ глазомъ, отчеканивалъ:

— Такъ тошно!.. Увсе благополушно, ваше бродіе!—затѣмъ выдерживалъ паузу и добавлялъ скороговоркой: — маленько Антонъ Ржановъ потрепалъ Миколая Чуносова. А такъ увсе благополушно!

— То-есть какъ «потрепалъ»? — спрашивалъ вахтенный начальникъ. — Значитъ, драка была?

Подкова презрительно улыбался.

— Какая-це драка, ваше бро-діе!.. Таксь, маленько башку ему потревожилъ. Да и дірка въ башкѣ невеличка, — съ семитку, не больше...

Въ данномъ случаѣ не доложить о дракѣ было нельзя. Все равно, вахтенный начальникъ узналъ бы о ней изъ рапорта судового доктора, который Чуносову дѣлалъ только-что перевязку.

А не будь этого и случись драка между матросами «безъ поврежденій», Подкова скрылъ бы все дѣло «домашними средствами», до которыхъ онъ былъ великій охотникъ.

И матросы это знали, и боялись Онуфрія пуще

огня. Силища у него была непомѣрная и кулаки такіе, что, когда ихъ Подкова сжималъ и подносилъ который-нибудь изъ нихъ къ носу «наказуемаго», то тому казалось, что къ его лицу подносятъ двѣнадцати-дюймовое ядро. Но въ общемъ Подкова почти не дрался, а только такъ, — дастъ, бывало, «легкую» затрещину и выругается. И почти всегда прибавитъ:

— Ну, счастливъ твой Богъ, што у мене діло, некогда съ тобой, чертякой, канителиться. А то показалъ бы я тебѣ кузькину мать!..

Матросы знали также, что Онуфрій не выносилъ вранья и нарушенія чинопочитанія. Вралей онъ презиралъ, называлъ «брехунами» и всячески третировалъ, а къ нарушителямъ чинопочитанія относился безпощадно.

— Вінъ человѣкъ врідный! — говорилъ онъ обыкновенно про такого. — Дисцыплыну не уважаетъ, значитъ — и матросъ вінъ никудышный.

Зная самъ прекрасно морское дѣло, Подкова и отъ команды требовалъ того же. Прекрасный работникъ самъ, онъ былъ грозой для лѣнивыхъ матросовъ, и бывало достаточно было одного его появленія на палубѣ, чтобы работа закипала въ матросскихъ рукахъ.

Были у Подковы и слабости. Такъ, напримѣръ, онъ не любилъ газетъ, считалъ, что все, что напечатано въ нихъ, — ерунда, и иронически относился къ тѣмъ, кто ихъ читаетъ. Бывало, застанетъ какого-нибудь матроса за чтеніемъ газеты, постоитъ около него, пощипывая бородку, и спроситъ:

— Читаешь?

— Читаю, Онуфрій Ермолаичъ! — отвѣтитъ матросъ почтительно. — Больно хорошо прописано.

— Гм! — Усмѣхнется въ бороду Подкова. — А о чемъ ты, каже, читаешь?

— Да вотъ тутъ, — матросъ укажетъ какую-нибудь статью, — пишутъ, что война съ Турціей скоро будетъ.

Подкова растопыривалъ ноги и угрюмо опускалъ голову.

— Съ Турціей? А тебѣ какое до Турціи діло? А?

Матросъ растеривался.

— Какое тебѣ до Турціи діло?! — насѣдалъ на него Подкова. — Што ты, министръ какой, али вахтенный начальникъ?

Матросъ вскакивалъ и стоялъ передъ боцманомъ, вытянувшись.

— То діло министра али ихъ высокоблагородія командира крейсера, али господина вахтеннаго начальника! — гремѣлъ Подкова. — А твое діло, собачій сынъ, знать, гдѣ какая снасть проходитъ! А ты знаешь, чертяка тебѣ въ голову, гдѣ проходитъ марса-фалъ? — язвительно спрашивалъ боцманъ. — Отвѣчай, знаешь?

— Никакъ нѣтъ, господинъ боцманъ.

— Нѣтъ? Али, примѣрно, что це такое: унитарный патронъ? А?

Матросъ молчалъ, а Подкова презрительно усмѣхался.

— Газетыну читаешь!.. Литэраторы! сто собакъ вамъ въ рыло! Ну, и публыка!

Вторая его слабость заключалась въ слѣдующемъ:

Такъ, вообще, онъ не пилъ, а если и пилъ, то весьма рѣдко и мало. Но иногда, — а это случалось съ нимъ обыкновенно въ заграничномъ плаваніи, — онъ начиналъ пить запоемъ, и тогда съ нимъ происходили невѣроятныя приключенія.

II.

Однажды крейсеръ «Ястребъ» пришелъ въ Мессину. Тогда она еще не была разрушена землетрясеніемъ и была бойкимъ итальянскимъ портовымъ городомъ съ безчисленными площадями, на которыхъ тихо журчали мраморные фонтаны, и съ узкими кривыми улицами на окраинахъ. Богатое населеніе Мессины жило въ центрѣ города, гдѣ были широкія улицы и высокіе дома съ зеркальными окнами, а бѣднота ютилась на окраинахъ, и тутъ же были всѣ кабаки и притоны — излюбленное мѣсто времяпрепровожденія матросовъ всѣхъ національностей. Здѣсь, въ праздничный день, подъ лучами горячаго итальянскаго солнца, расхаживали они кучками, налитые уже абсентомъ или картофельнымъ спиртомъ. Они шли всегда не по тротуару, а посреди улицы, отбивая молодыми, сильными ногами тактъ какого-нибудь марша, смѣялись, громко пѣли пѣсни, даже орали. И никто на нихъ не обращалъ вниманія, и всѣ прекрасно знали, что это — большія, бородатыя дѣти выбѣ-

жали на свободу отдохнуть отъ нѣсколькихъ дней каторжныхъ трудовъ на морѣ.

Изъ открытыхъ дверей темныхъ и грязныхъ кабаковъ и притоновъ доносился гулъ ихъ крѣпкихъ, какъ сталь, голосовъ или топотъ мускулистыхъ ногъ, лихо плясавшихъ матросскій танецъ... Иногда же вдругъ въ какомъ-нибудь кабакѣ дребезжали стекла и затѣмъ летѣли мелкими осколками на улицу. Но и тогда особеннаго ничего не происходило: буянъ платилъ за побитое деньги, и тѣмъ дѣло и кончалось. И только въ случаѣ неуплаты приглашалась полиція.

Крейсеръ «Ястребъ» пришелъ въ Мессину въ воскресенье и послѣ обѣда часть команды была отпущена на берегъ. Уѣхалъ съ нею и Подкова, и ничего о немъ не было слышно до вечера. И только вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ командѣ возвратиться съ берега, къ крейсеру подъѣхалъ на шлюпкѣ итальянскій полицейскій, или, какъ ихъ тамъ называютъ, — «карабинеръ».

Онъ поднялся по трапу на палубу и сказалъ вахтенному начальнику, что желаетъ видѣть старшаго офицера.

— Вы скажите, въ чемъ дѣло? — спросилъ вахтенный начальникъ. — Если дѣло касается нашего крейсера, то я ему доложу; въ противномъ случаѣ, вы его можете увидѣть только на берегу.

— Конечно, дѣло касается крейсера! — воскликнулъ карабинеръ. — Ваши матросы громятъ цѣлую улицу!

— То-есть... какъ?

— Да такъ! Забрались въ какой-то домъ и вы-

кидываютъ оттуда всю мебель на улицу. И ничего съ ними нельзя подѣлать, хотя тамъ вся наша мессинская полиція.

Старшему офицеру было доложено. Онъ выслушалъ карабинера, недовѣрчиво усмѣхнулся и отдалъ приказаніе вахтенному начальнику:

— Пошлите туда два взвода съ ружьями. Помоему, эта итальянская макарона что-нибудь вретъ.

Сказалъ онъ это, конечно, по-русски, тогда какъ съ карабинеромъ разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ.

Карабинеръ потолкался немного на палубѣ и уѣхалъ, а черезъ пять минутъ съ крейсера отошелъ паровой катеръ, имѣя на борту два взвода матросовъ съ офицеромъ.

Катеръ подвалилъ къ берегу, команда выстроилась и пошла форсированнымъ маршемъ къ мѣсту «происшествія».

Шли молча, сумрачно, неся на плечахъ винтовки, а впереди, сбоку и сзади шла цѣлая толпа жителей; съ визгомъ и улюлюканьемъ прыгали уличные мальчишки.

Наконецъ, пришли. Это была маленькая, узенькая улица, въ концѣ которой стоялъ бѣленькій, каменный домикъ съ мезониномъ.

Къ открытому окну мезонина была приставлена лѣстница, и по ней то-и-дѣло лѣзли настойчивые карабинеры... Долѣзали до окна и... падали на мостовую, сбрасываемые какой-то невидимой силой.

Когда матросы подошли, офицеръ поставилъ ихъ въ двѣ шеренги и крикнулъ по-русски:

— Сми-ирно-о!!..

«Невидимая сила», сбрасывавшая карабинеровъ, прекратила свое дѣйствіе.

Офицеръ продолжалъ:

— Изъ мезонина долой!

И вдругъ въ окнѣ появилось что-то невозможно оборванное и запачканное.

Это былъ Онуфрій Подкова...

— Два шага впередъ! — скомандовалъ офицеръ.

Боцманъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, повернулся лицомъ къ офицеру и отчеканилъ два шага впередъ.

— Ты одинъ? — спросилъ изумленный офицеръ.

— Такъ тошно, ваше бро-діе, одинъ.

— И... больше тамъ никого нѣтъ?

— Нема, ваше бро-діе. Никого!

Офицеръ еле сдерживалъ смѣхъ. Смѣялись матросы. Изумленная толпа сначала раскрыла ротъ, а потомъ тоже покатилась со смѣху, и только карабинеры стояли пунцовые отъ стыда и досады.

Послѣ мессинскій префектъ говорилъ командиру «Ястреба»:

— Но мы никакъ не думали, синьоръ, что тамъ сидитъ одинъ человѣкъ. Мы думали, что тамъ, по крайней мѣрѣ, находится десять матросовъ...

III.

И умеръ Онуфрій Подкова только благодаря этой своей слабости.

Было это во время боксерскаго движенія, и

«Ястребъ» стоялъ у Портъ-Артура. Крѣпость была уже взята международными войсками, и матросовъ съ кораблей пускали въ праздники на берегъ.

Пошелъ и Подкова и, по обыкновенію, напился. А когда напился, то сталъ хвастаться своей силой передъ японскими матросами: поднималъ неимовѣрныя тяжести, сгибалъ полосы желѣза...

Все шло хорошо, пока дѣло не дошло до старинной китайской пушки, лежавшей тутъ же на берегу. На нее указалъ какой-то японскій матросъ и недовѣрчиво засмѣялся.

Подкова вспыхнулъ:

— Чи, думаешь, собачій сынъ, не пидыму?

Японецъ отрицательно мотнулъ головой.

— А такъ на-ко жъ тебѣ, чертяка! — воскликнулъ боцманъ и обхватилъ пушку обѣими руками.

А пушка ни съ мѣста. Подкова насупился, врылся ногами въ землю, понатужился и приподнялъ орудіе на аршинъ отъ земли...

Но тутъ же и свалился на руки матросовъ, окрасивъ матросскую фланельку потокомъ алой крови, хлынувшей изо рта и носа...

. . . .

Хоронили Подкову очень торжественно, всѣмъ крейсеромъ. Выкопали ему могилу на самомъ берегу бухты, между двумя китайскими тополями, и зарыли въ нее подъ звуки похороннаго марша...

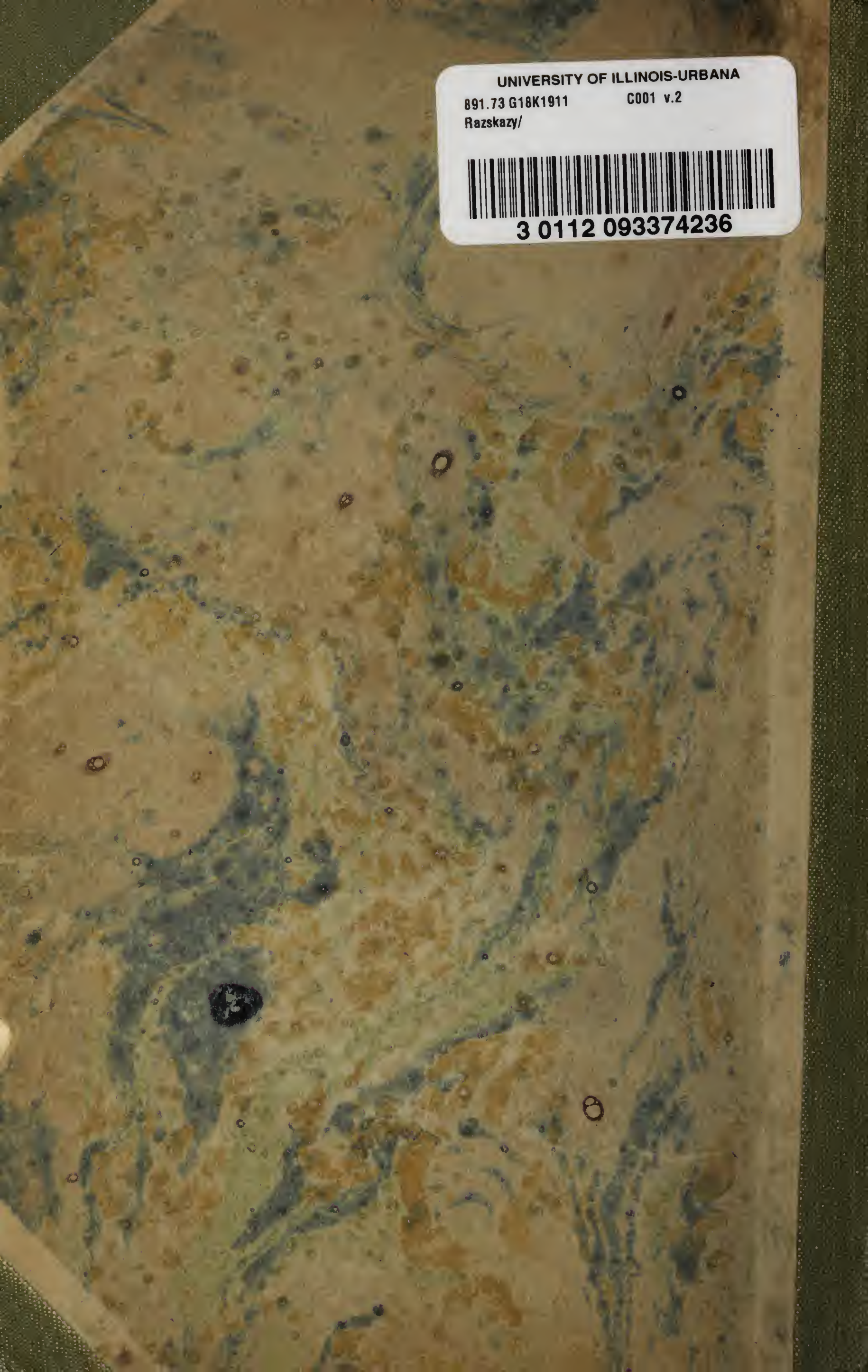
Жалѣли очень матросы Подкову. Хоть и суровъ онъ былъ иной разъ съ ними, но все-таки близокъ

онъ былъ ихъ сердцу, ибо самъ вышелъ изъ народа и прекрасно зналъ мужицкую душу.

Жалѣли и говорили:

— Богатырь былъ, да сгубила его водка проклятущая. Не будь ея, не сталъ бы онъ поднимать тридцатипудовую пушку...

ОГЛАВЛЕНІЕ

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.73 G18K1911 C001 v.2
Razskazy/
3 0112 093374236